

Алтайский государственный университет
Институт массовых коммуникаций, филологии и политологии
Кафедра политологии
Международный координационный совет
«Наш общий дом – Алтай»
Институт философии и права СО РАН
Ассоциация азиатских университетов
Алтайский государственный аграрный университет
Кафедра философии
Алтайский государственный технический университет
Институт развития Большого Алтая

**ЕВРАЗИЙСТВО:
теоретический потенциал
и практические приложения**

Материалы
Десятой Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

Барнаул, 18-19 июня 2020 г.

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

ББК 66.0я431

Е 22

Ответственные редакторы:

М.А. Широкова, доктор философских наук, профессор;

А.В. Иванов, доктор философских наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.Я. Баркалов, кандидат философских наук, доцент;

Ю.В. Попков, доктор философских наук, профессор;

Я.Ю. Шашкова, доктор политических наук, профессор;

М.Ю. Шишин, доктор философских наук, профессор

Е 22 Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Десятой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 18–19 июня 2020 г. / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 258 с.

ISSN 2313-5182

В сборнике материалов юбилейной Десятой конференции рассматривается широкий круг теоретических, философско-мировоззренческих, экономических, социально-политических и социокультурных проблем развития трансграничных территорий Большого Алтая в геополитическом евразийском пространстве.

Издание адресовано политологам, социологам, культурологам, философам, историкам, этнологам, работникам управления и всем, интересующимся евразийской проблематикой.

ББК 66.0я431

ISSN 2313-5182

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2020

Ю.В. Попков

**Этнокультурное разнообразие
в динамике этносоциального развития:
концептуальные вопросы исследования**

К числу фундаментальных положений классиков евразийства принадлежит идея единства евразийских народов, которая для представителей данного философско-политического направления имеет экзистенциальную значимость. Такой вывод – не плод чисто умозрительных заключений, он опирается на эмпирические данные как самих представителей евразийства, так и других ученых. Например, академик А.П. Окладников, акцентируя свое исследовательское внимание на народах Евразии и их особой роли в развитии человечества, а также, опираясь на обобщение многочисленных археологических фактов, делает вывод об относительной устойчивости культур на протяжении тысячелетий, определенном единстве и непрерывности этнокультурного массива [1]. Современные теоретические и эмпирические исследования подтверждают выводы о сходстве базисных ценностных систем разных народов Евразии при наличии этнокультурного разнообразия, о сохранении основополагающих жизненных ориентаций населения в условиях испытания либерально-рыночными трансформациями и глобализацией [2; 3; 4].

Вывод об устойчивости культур разных народов на протяжении длительного промежутка времени при одновременном их единстве может показаться парадоксальным с точки зрения редукционистского подхода, но он является вполне закономерным, если исходить из диалектико-материалистической методологической установки. Для подтверждения данной позиции выделим несколько важных, концептуально значимых положений.

1. Единство народов обеспечивается в ходе интернационализации, понимаемой как субъект-субъектное отношение и как

продукт этносоциального развития, который, в свою очередь, мы рассматриваем в качестве процесса и результата объективной и субъективной, внешней и внутренней рефлексии этносоциальных субъектов – наций, этнических сообществ (общностей), этнических групп, диаспор и т.п. Рефлексия здесь воспринимается как свойственная не только духовной, но и практической составляющей развития и взаимодействия этносоциальных субъектов.

2. Сторонники разных методологических установок согласны с утверждением о формировании в процессе интернационализации определенного единства взаимодействующих сторон. Однако существуют принципиальные расхождения в трактовке природы этого единства. Представители редуccionистской традиции отстаивают, по сути, идею унифицированного единства. Наша концепция строится на аргументации понимания единства как единства разнообразного, играющего важную роль в динамике этносоциального развития вообще и отдельных его субъектов в частности.

3. В отличие от процесса ассимиляции как субъект-объектного отношения, в процессе рефлексивного субъект-субъектного взаимодействия этносоциальных субъектов, происходит укрепление этнокультурного потенциала каждой из взаимодействующих сторон, что определяет стремление сохранять своеобразие и самостоятельность при их одновременном взаимообусловленном и взаимозависимом существовании. Этот эффект мы наблюдаем сегодня в виде, во-первых, этнического ренессанса как противодействия унифицирующей тенденции и, во-вторых, расширяющегося под воздействием активных миграционных процессов этнокультурного разнообразия, которое все очевиднее проявляется как нередуцируемое.

4. Мы поддерживаем позицию представительных международных организаций, которая наиболее отчетливо выражена во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.), признающих культурное разнообразие в качестве общезначимой ценности. Оно имеет для глобального социума такое же значение, как биологическое разнообразие – для биосферы. В соответствии с таким подходом, в качестве

субъектов этнокультурного разнообразия целесообразно признать этнические группы и этнические сообщества, поскольку именно они являются первичными носителями материальных и духовных пластов этнической культуры – ценностей, традиций, моделей поведения, образа жизни.

Горизонт понимания этносоциального развития как рефлексивного взаимодействия этносоциальных субъектов, важными составляющими которого являются сохранение и укрепление этнокультурного разнообразия, позволяет высветить недостатки концептуальных оснований современной российской национальной политики. В концентрированном виде они представлены в соответствующем доктринальном документе – действующей Стратегии государственной национальной политики.

Стратегия несет на себе отпечаток неоднозначных последствий совершенного в российской социогуманитаристике под руководством В. А. Тишкова этнологического поворота. Его суть состоит в переходе от примордиалистских к либерально-конструктивистским методологическим установкам в понимании этнического феномена и многих связанных с ним явлений и процессов.

В частности, в либерально-конструктивистском ключе представлено и этнокультурное разнообразие, сохранение и поддержка которого провозглашены одной из целей Стратегии. В скорректированном варианте документа дано определение этнокультурного разнообразия как совокупности всех этнических культур. Но это определение представляется довольно абстрактным, не имеющим далее в тексте содержательного наполнения и необходимой конкретизации, в том числе в целевых показателях Стратегии. Кроме того, не проясняется вопрос о субъектах этнокультурного разнообразия и носителях этнических культур. Но в неявном виде либерально-конструктивистский ответ на поставленные вопросы присутствует в определении одного из основных понятий Стратегии: «ж) народы, национальности, этнические общности — национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности людей, свободно определяющих свою национальную и культурную

принадлежность» [5]. Во-первых, отождествление народов, национальностей и этнических общностей является не вполне корректным. Во-вторых, не ясно, чем отличаются друг от друга национальный и этнический состав населения. В-третьих, получается, что этнические общности отождествляются с этническим составом населения, который, как известно, определяется по итогам переписей населения как результат свободного персонального отнесения себя конкретным человеком к той или иной этнической общности, иначе говоря, это есть проявление даже не идентичности, а самоидентификации. Появление в России национальностей эльфов и хоббитов по итогам переписи (то есть провозглашенного свободного выбора, который в реальности был доведен до абсурда) – результат такого представления о национальностях и этнических общностях.

В отличие от данной позиции, мы считаем, что в качестве субъектов этнических культур и этнокультурного разнообразия целесообразно признать, как отмечалось, прежде всего не отдельных людей (как представителей той или иной национальности), а этнические сообщества и другие этносоциальные субъекты, понимаемые в качестве реально существующих коллективных образований, поскольку только в рамках сообществ могут сохраняться и развиваться этнические культуры. «Этнические сообщества являются первоначальными носителями этнической культуры, которая не может функционировать в рамках отдельного индивида» [6, с. 143].

Таким образом, с одной стороны, этносоциальное развитие предполагает не устранение, а укрепление этнокультурного потенциала взаимодействующих субъектов, а следовательно и сохранение этнокультурного разнообразия как важного условия жизнеспособности социальной системы, с другой стороны, наличие этнокультурного разнообразия выступает определенным стимулом этносоциальной динамики, поскольку сохраняющиеся культурные различия субъектов создают «разность потенциалов» как важное условие их взаимодействия и активности.

Библиографический список

1. Окладников, А.П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 5-11.
2. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю. В. Попкова Новосибирск; Нонпарель, 2010. 449 с.
3. Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии / под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. Барнаул, 2017. 336 с.
4. Монгольский мир: между Востоком и Западом / под ред. Ю.В. Попков, Ж. Амарсанаа. Новосибирск: Автограф, 2014. 347 с.
5. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 13.08.2020).
6. Тарбастаева И.С. Коллективные права этнических сообществ как условие сохранения этнокультурного разнообразия // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, №3. С. 143-151. DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-143-151.

А.В. Иванов

Цивилизационная миссия Сибири: синхронический и диахронический аспекты

Постановка проблемы

В последнее время в связи с активным обсуждением и началом реализации глобального китайского проекта «Один пояс – один путь» в политический и научный лексикон прочно вошло понятие «Большая Евразия». При всей его аморфности и многозначности, в нем зафиксирована важная идея: западный проект глобализации оказался несостоятельным. Он привел к резкому обострению международных отношений (фактически к новой холодной войне) и не сумел решить ни одной глобальной проблемы человечества, будь то резкий разрыв в уровне жизни

между странами так называемого «золотого миллиарда» и остальным миром, глобальная экологическая, продовольственная или демографическая проблемы. Нынешняя эпидемия коронавируса – еще одно доказательство того, что на смену конкурентно-конфликтной политической ментальности, рыночной и государственной конкуренции, культу индивидуализма и экономической выгоды должны прийти альтруистические, солидарные и миротворческие ценности.

Неудивительно, что лидерство в международной интеграции постепенно переходит к странам Востока и Внутренней Евразии, об этих общечеловеческих ценностях еще не забывшим. Свои претензии на лидерство в интеграции Большой Евразии, кроме Китая, уже предложили Индия, Япония, Южная Корея и Турция [См. обзор этих проектов в монографии 1]. Россия в 2014 г. устами президента В.В. Путина анонсировала свой проект формирования партнерских экономических отношений между странами Большой Евразии, основу которого должны образовать уже сложившиеся межгосударственные объединения, типа ШОС, ЕАЭС и АСЕАН.

Однако такая великая страна, как Россия, обязана иметь не декларативную, а ясно и четко сформулированную стратегическую программу объединения Большой Евразии, которая была бы, во-первых, адекватной не только ее пространственной мощи и ресурсному потенциалу, но и интеллектуальному богатству, накопленному на протяжении истории; во-вторых, эта программа должна быть нацелена на решение ключевых задач собственного развития.

Разработка такого глобального проекта требует адекватной методологии. На наш взгляд, методологической базой для разработки российского проекта интеграции Большой Евразии может стать уточненный цивилизационный подход. Соответственно, задачей данной статьи является, с одной стороны, теоретическая конкретизация и синтез диахронического и синхронического аспектов цивилизационного подхода, а, с другой, обоснование особой миссии Сибири, оказывающейся в «средокрестии» важнейших «цивилизационных коридоров» Большой Евразии (синхронический аспект) и одновременно обладающей уникальным потенциалом для

российского и евразийского «цивилизационного прорыва» (диахронический аспект).

Понятно, что «конференционный» формат статьи исключает детальное обоснование высказанных положений, поэтому она будет носить абрисный концептуальный характер.

Цивилизационный подход как глобальное синхроническое и диахроническое видение истории

Цивилизационный подход существует в двух основных формах, которые чаще всего рассматриваются отдельно, а иногда и резко противопоставляются. Их можно с известной долей условности назвать *синхроническим* и *диахроническим*.

Синхронический цивилизационный подход, восходящий, как известно, к работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», основан на выделении различных социокультурных (или культурно-исторических) типов, имеющих определенную географическую локализацию, обладающих исторически сложившимся своеобразием хозяйственной, социально-политической и духовной жизни. При этом аспекте цивилизационного подхода и соответствующего ему толкованию понятия «цивилизация», в историческом пространстве и времени сосуществуют и взаимодействуют разные типы цивилизаций. В наиболее широкой из ныне принятых цивилизационных классификаций выделяют цивилизации (иногда употребляют термин «мегацивилизация» или «культурно-географический мир») Запада, Востока и Внутренней (или Северной, или Континентальной, или «срединной», или «малой») Евразии¹, пространственно почти совпадающей с территорией Российской Империи и Советского Союза.

В рамках этих мегацивилизаций существуют свои локальные цивилизации, или «миры». Так говорят о романской, германской или англо-саксонской цивилизациях в рамках единой западной цивилизации. В восточной цивилизации выделяют исламскую и буддийскую цивилизации, а также такие уникальные цивилизации, как индуистская Индия и конфуцианский Китай. В срединную евразийскую мегацивилизацию входят русский,

¹ Эти термины правомерно рассматривать как эквивалентные.

тюркский, угро-финский и монгольский миры (или цивилизации).

Понятно, что в основу цивилизационных классификаций могут быть положены различные (религиозные, этнические, языковые, историко-культурные) основания, и какие-то страны и народы в силу этого могут встраиваться в различные цивилизационные общности. Так, русский мир, являясь осью мегацивилизации Внутренней Евразии, одновременно является органической частью православной и славянской цивилизационных общностей. При этом пространственный ракурс в этом аспекте цивилизационного подхода является основополагающим. «Месторазвитие», говоря языком классического евразийства, многое определяет и в хозяйственной, и в культурной и в духовной жизни цивилизационных общностей.

Диахронический аспект цивилизационного подхода методологически восходит к классической марксистской формационной модели. Здесь выделяются исторически сменяющие друг друга глобальные типы цивилизационного мироустройства и образа жизни. Такова известная историческая периодизация: традиционная (доиндустриальная) – индустриальная (техногенная) – постиндустриальная (информационная) цивилизации. Выделение последней стадии вызывает довольно обоснованные возражения [См.: 2]. На наш взгляд, логичнее выделить три типа исторически сменяющих друг друга глобальных миросистем: традиционную (биоцентричную) – техногенно-потребительскую (техноцентричную) – духовно-экологическую (ноосферную или ноосфероцентричную). Последний тип глобального мироустройства находится в состоянии становления, о чем речь впереди.

Для этих трех типов цивилизационного мироустройства характерны специфические формы индустриального производства (недаром говорят о ручной индустрии, машинной индустрии, сегодня – о цифровой индустрии) и разные типы порождения, хранения и передачи информации (дописьменная, рукописная, книжная, электронная). Каждый тип мироустройства порождает определенный тип духовной культуры (традиционная культура с доминированием религиозных

представлений – культура технической цивилизации с доминированием науки – синтетическая культура ноосферной цивилизации) и формирует определенный доминирующий антропологический тип (природный человек, органически вписанный в Природу – технический человек, потребительски преобразующий Природу – ноосферный духовный человек, эволюционирующий вместе с природой и отвечающий за ее развитие). Понятно, что все эти исторические классификации и типологии весьма условны, и даже в доиндустриальные эпохи мы встречаем ноосферные антропологические образцы, типа легендарных Будды и Лао Цзы или вполне реальных Сократа, Марка Аврелия, Авиценны или Святого Франциска.

Главная методологическая идея статьи – необходимость органического совмещения обоих типов цивилизационного подхода, где всякий раз лидерскую роль в переходе к исторически новому типу глобального мироустройства играют те или иные пространственные мегацивилизации, а в их рамках особое значение имеют ключевые локусы, обладающие для подобного прорыва соответствующим потенциалом. Основы такого синтеза заложены в философии истории Гегеля и в историософии В.С. Соловьева. Уже в XX в. идею пространственного смещения центров мировой культуры из районов менее холодных в более холодные высказывал П.Н. Савицкий в статье «Миграция культуры» [3, с.382-393].

Действительно, возникновение наиболее развитых восточных традиционных культур – это долины великих рек с возможностью ирригационного земледелия. Становление классической западной мегацивилизации с приматом городской культуры, конкурентно-конфликтной политической и экономической ментальности, науки и рационального мировидения начинается с греческих полисов Малой Азии. Родина техногенно-потребительской цивилизации и классического европейского капитализма с мануфактурным производством и гуманистической идеологией – итальянские города с Венецией и Флоренцией во главе. Зарождаясь в конкретных локусах и имея период эмбрионального созревания, новые цивилизационные отношения постепенно распространяются по всему миру и

трансформируют в определенном направлении другие мегацивилизации и локальные цивилизации.

Возникает закономерный вопрос: а какой регион Земли может сегодня претендовать на роль трансформационного локуса при переходе от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации в геополитических условиях, когда центр всемирно-исторической жизни явно смещается в регион Большой Евразии?

Сибирь как локус глобальной цивилизационной трансформации

Можно привести целый ряд аргументов в пользу того, что именно Сибирь с ее важнейшими культурно-биосферными регионами, типа алтайского и байкальского, призвана стать российской, общеевразийской и одновременно глобальной «стартовой площадкой» для перехода человечества к цивилизации нового типа с адекватными этой задаче научно-технологическими, экологическими, социально-экономическими, политическими и культурными ресурсами.

Во-первых, исключительно важны размеры, ресурсный потенциал и вариативность сибирского пространства, позволяющие России в нынешних кризисных условиях успешно справляться с глобальными вызовами, будь то нарастающий по всему миру дефицит природных ресурсов, особенно лесных и водных, или обеспечение экологической, энергетической и продовольственной безопасности страны. Потенциальная угроза подтопления приморских территорий, возможность масштабных природных катастроф и эпидемий, подобных коронавирусу, позволяет Сибири, как срединному и геологически устойчивому континентальному пространству, принять, обеспечить жильем и работой большое количество потенциальных мигрантов, как из самой России, так и из других стран. Совершенно правильно кто-то определил Сибирь как «Ноев ковчег человечества». На пространстве Большой Евразии только Россия с Сибирью может выдержать новое потенциальное «переселение народов». Таких ресурсов нет ни у Европы, ни у перенаселенных и засушливых Индии и Китая.

Во-вторых, Сибирь лежит на пересечении цивилизационных и транспортно-энергетических коридоров, связывающих запад и восток, север и юг Большой Евразии. Через нее пролегает Транссиб, а к Транссибу обязательно «привяжутся» транспортные коридоры, планируемые в рамках широтного китайского проекта «Один пояс – один путь». Нам уже доводилось писать об активно обсуждаемых международных проектах прокладки меридиональных транспортных и цивилизационных коридоров по оси север-юг, Алтай-Гималаи [4]. Впервые о нем упомянул еще Н.К. Рерих, прошедший этим путем во время своей великой Центрально-Азиатской экспедиции 1923-1928 гг. Это в перспективе связало бы воедино три великих цивилизации Большой Евразии – Россию, Китай и Индию, а также Монголию, Казахстан и Пакистан; открыло бы широкие перспективы для религиозно-культурного цивилизационного диалога между православно-христианским, конфуцианско-буддийским, исламским и индуистским мирами.

В-третьих, Сибирь, особенно ее юго-западная часть, исторически сформировалась как важнейший центр не только межкультурного диалога, но и межкультурного синтеза, где люди разных верований и национальностей не просто создавали межнациональные семьи (здесь особенно показательны браки русских переселенцев и сибирских инородцев), но заимствовали друг у друга хозяйственно-бытовые практики и даже религиозно-мифологические представления. Так, старообрядцы, приходя на Алтай, обожествляли Катунь и Белуху, а алтайцы удивительно легко соединили языческо-шаманистские и христианские представления. Этот исторический сибирский духовный опыт имеет важное значение в нынешнюю эпоху начинающейся интеграции Большой Евразии. Таким опытом межнационального, межкультурного и межрелигиозного диалога и синтеза на пространствах Большой Евразии наряду с сибирской Россией обладает только северная гималайская Индия.

В-четвертых, очень важно отметить миротворческий потенциал Сибири. В двадцатом веке две мировых войны обошли ее стороной, но зато именно на ее пространствах воевавшие народы начинали глубже узнавать друг друга. Многие пленные австрийцы, итальянцы, немцы и японцы

уезжали отсюда не врагами, а друзьями сибиряков. Сибиряки, в свою очередь, учились видеть во вчерашних врагах нормальных людей, чаще всего не по своей воле пришедших завоевывать Россию [5]. Этот миротворческий потенциал Сибири – важнейшее основание сотрудничества и культурного диалога цивилизаций Большой Евразии, а также общей глобальной цивилизационной трансформации, где мир между людьми и народами снова должен стать основополагающей ценностью, как это было в 60-80-е гг. прошлого века.

В-пятых, и это, быть может, самое главное. Именно сибирские регионы в наибольшей степени заинтересованы в кардинальном изменении правил глобальной экономической игры, где ныне правят финансово-ростовщический и спекулятивный капитал, голый экономический расчет, непримиримая конкуренция между странами и регионами, отношение к социальным и культурным проблемам человечества, как к чему-то сугубо вторичному и производному. Так, в работах Л.А. Безрукова убедительно показана невозможность континентальной Сибири экономически конкурировать с океаническими странами в силу больших транспортных издержек железнодорожного транспорта по сравнению с морскими перевозками [6].

В работах В.Ю. Малова обосновывается необходимость развития Сибири с учетом не только экономических, но также геополитических и социально-демографических законов развития, а также стратегических интересов российского государства, где очень многие важные процессы и явления просто невозможно адекватно выразить и оценить в системе экономических категорий [7].

Словом, в рамках рыночно-либерального и техногенно-потребительского цивилизационного существования Сибирь может быть только сырьевой колонией европейской России и остального мира, где ее ресурсы используются не для собственного развития, а для интенсивного развития других территорий.

Отсюда, именно Сибирь и ее жители в наибольшей степени заинтересованы в изменении глобальных правил «цивилизационной игры», в **переходе от техногенно-**

потребительской к духовно-экологической (или ноосферной) стратегии развития.

Это должно быть развитие, сохраняющее и рачительно использующее уникальный природный потенциал Сибири, актуализирующее ее огромные геополитические, транспортно-энергетические, социокультурные, миротворческие и культурно-синтетические возможности, о которых говорилось выше. Речь идет о «зеленом», «кооперативном», «антропологически центрированном» и «нравственно ориентированном», т.е. как раз духовно-экологическом развитии с сохранением заповедных территорий и биологического разнообразия Сибири; с безотходной переработкой природного сырья и выпуском продукции с высокой добавленной стоимостью; с возрождением нравственных традиций нестяжательства, соседской и артельной взаимопомощи; с сельским хозяйством, ориентированным на производство «органического продовольствия»; с центрами опережающего научно-инновационного развития, прежде всего в Томске, Красноярске и Новосибирске.

В настоящее время предложено несколько комплексных социально-экономических программ развития Сибири. Одна из них, разработанная большим междисциплинарным коллективом ученых, называется «Русский ковчег» и уже достаточно широко представлена в информационном пространстве России [8]. Вторая предложена так же междисциплинарным коллективом ученых под руководством В.И. Якунина и называется «Транс-Евразийский пояс «Развитие» (ТЕПР) [1, с.150-158]. В рамках обоих этих проектов сибирские регионы рассматриваются как важнейшие локусы и межцивилизационного диалога, и общецивилизационной трансформации России и Большой Евразии к более справедливому, мирному, культурно и духовно ориентированному миру. Есть очень важные научные разработки развития Сибири также у ученых Новосибирска, Иркутска и Красноярска.

Сегодня можно констатировать, что отечественная научная и философская мысль прошли стадию выдвижения различных интеграционных и трансформационных цивилизационных гипотез, касающихся Сибири, и теперь наступило время

выработки синтетической концепции ее развития, которая могла бы быть положена в основу практических шагов, как на государственном, так и на местном уровнях.

Библиографический список

1. Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В. Пояса и пути Евразии: В поисках человека. М., 2018.
2. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М., 2012.
3. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
4. Иванов А.В. Гупта П.М., Попков Ю.В., Фотиева И.В. Трансевразийские транспортные мегапроекты: проектные замыслы// Регион: экономика и социология. 2017. №4 (96). С.267-284.
5. Иванов А.В. Сибирь как территория мира// Сибирский философский журнал. 2017. Т.15. №1. С.114-128.
6. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
7. Малов В.Ю. Сибирь: место для жизни или только мост между Азией и Европой// Вопросы географии. Сб.148. Россия в формирующейся Большой Евразии». М., 2019. С.263-280.
8. Субботин А. Ковчег надежды. В Сибири опробуют модель развития страны. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poisknews.ru/skript/kovcheg-nadezhdy-v-sibiri-oprobuyut-model-razvitiya-strany>

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 20-011-31304) «Сибирь для всей России: основания и механизмы духовно-экологической цивилизационной трансформации»

М.А. Широкова

Этапы и парадигмы российского Просвещения

Осмысление феномена Просвещения в истории российской и мировой культуры, науки, образования, политики получило новый импульс после появления юбилейного (на данный момент последнего) доклада Римского клуба под названием

«Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Доклад, представленный на рубеже 2017–2018 гг., был написан двумя президентами Клуба, Эрнстом Вайццеккером и Андерсом Вийкманом, с привлечением 38 соавторов, 33 из которых – члены Клуба. В документе сказано о кризисном состоянии современного мира, дана нелицеприятная критика капитализма, либеральной идеологии и рынка, критика, во многом справедливая, но не о ней хотелось бы вести речь в нашем исследовании. К тому же, Римский клуб – это организация, не всегда учитывающая в своих программных разработках интересы России. Тем не менее, доклады Римского клуба во многом формируют повестку современной мировой элиты, повестку, по выражению самих авторов, «ответственного глобализма», таким образом, их необходимо анализировать.

В контексте нашей проблематики, заслуживает внимания то обстоятельство, что «ключевым моментом» доклада является концепт «нового Просвещения».

Если говорить об имеющейся обширной литературе по теме русского Просвещения, то в ней и в настоящее время можно вычлениить элементы дискурса, начатого в XIX в. западниками и славянофилами. Но при всем различии в оценках, большинство авторов говорят об эволюции просветительской мысли в России от «подражательности» к «самобытности». Наиболее отчетливо эта идея прослеживается в работах В.Ф. Пустарнакова [1, 2]. О комплексном влиянии внешних и внутренних факторов на становление русского Просвещения пишут современные исследователи Г.Ф. Перетягкин и Т.П. Днепровы [3, 4].

В докладе Римского клуба намечен образ «Нового Просвещения». Он «предполагает фундаментальную трансформацию мышления, результатом которой должно стать целостное мировоззрение». Мировоззрение «гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем» [5]. Целью «Нового Просвещения» Римский клуб провозглашает «комплиментарность и синергию через примирение противоположностей и достижение баланса в разных сферах человеческого существования» [5]. Принцип «баланса», упомянутый в тексте доклада, заставляет вспомнить знаменитый

принцип «меры» или «золотой середины», принятый философами еще в античности.

Не углубляясь в многообразие толкований тезисов программы «Нового Просвещения», присоединимся к мнению Г.Ф. Перетяткина, который пишет: «Само появление такой программы с её идеями говорит о глубоком духовном кризисе современного общества, сформированного на принципах старого Просвещения со всеми его давно бросавшимися в глаза и до сих пор «вдохновляющими» Европу достоинствами, и постепенно проявившимися ограниченностями» [3, с. 62].

Среди «ограниченностей» старого Просвещения стоит выделить, в частности, кризис морали и социальных норм как таковых, поскольку авторитет морали трудно совмещается с представлением о человеке как естественном существе, о его естественной и неизменной, преимущественно биологической, природе. Отказ от противопоставления сущего и должного в человеческой природе означает, что индивид, с точки зрения философов-просветителей, никогда не был лучше и не будет. Однако именно такому индивиду рационально навязываются нормы морали, заимствованные из классической этики, что и предопределило крах проекта Просвещения и аномию морального сознания современного общества [6]. Об этом пишет, в частности, американский исследователь проблем современной этики А. Макинтайр, утверждающий, что проект Просвещения в обосновании морали был обречен [7]. Отметим, что представители русского Просвещения, о которых пойдет речь далее, стремились предотвратить кризис общественной морали, придав просвещенческой идее прогресса аксиологическую направленность.

В дискуссию о позитивных и негативных сторонах прежнего Просвещения, о его кризисе и о необходимости формирования Просвещения «нового» уже несколько десятилетий назад включились и отечественные авторы. Разумеется, их исследовательский интерес сосредоточен, главным образом, на проблеме места и роли России в просветительском проекте.

В этой связи, можно вспомнить идеи, высказанные в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В.Ф. Пустарнаковым. В ряде своих работ, посвященных истории философии и политической мысли

в России, ученый предлагал изменить представление о хронологических рамках русского Просвещения. Общепринятая точка зрения относилась к отечественному Просвещению, как к правилу, ко второй половине XVIII – первой четверти (или трети) XIX в., а Пустарнаков, в противоположность большинству советских исследователей, считал, что Просвещение в нашей стране имело место в более позднее время [1, 2].

Отдавая должное происходившему в XVIII – первой трети XIX вв. процессу ускоренной европеизации страны, В.Ф. Пустарнаков отмечает, что просвещенческие концепции в России еще не созрели в этот период настолько, чтобы оформиться в самостоятельное направление, аналогичное французскому Просвещению. Занимая по данному вопросу «умеренно-западническую» позицию, автор указывает, что только французское Просвещение «стало Просвещением наиболее чистого, наиболее развитого, классического типа». Далее он пишет: «Соответственно, другие национально-региональные разновидности Просвещения являются в каких-то отношениях «недопросвещением», а в других – «пост-просвещением» [1, с. 61].

Таким образом, согласно концепции В.Ф. Пустарнакова, вызревание российского Просвещения начинается формальным этапом заимствований, к которому исследователь относит идеи А.Н. Радищева, Н.И. Новикова и других мыслителей. Отчасти полемизируя, отчасти соглашаясь с В.Ф. Пустарнаковым, Г.Ф. Перетягькин характеризует этот этап как «вторичную внешнюю рефлексию» по отношению к столь же вторичной и внешней петровской европеизации России. Завершается же данный вторичный этап в 40-е гг. XIX в. С нашей точки зрения, этап некритического «подражательства» завершается несколько раньше, в 1830-е гг., когда можно говорить о появлении национального самосознания, достигшего вершин в русской классической литературе (прежде всего, в творчестве А.С. Пушкина) и дошедшего уже до обобщений философского уровня [8].

Необходимо отметить также, что обозначенный Пустарнаковым рубеж возникновения самостоятельного

Просвещения в России – 1840-е гг. – это время начала полемики западничества и славянофильства. Сам автор относит к числу деятелей русского Просвещения именно западников (В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского и др.). Что касается славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина), то они, в концепции Пустарнакова, предстают как своего рода антипросветительское течение. Дело в том, что одной из черт классического Просвещения Пустарнаков называет антиклерикализм и антетеологизм. Следовательно, религиозная концепция просветительской быть не может, поскольку Просвещение предполагает сугубо рационалистические установки. Во многих современных исследованиях заметен отход от данного тезиса. Даже в упомянутом докладе Римского клуба авторы идеи «нового Просвещения» «обращают внимание на несправедливость критиков религии, не замечающих её позитивного вклада в человеческую цивилизацию» [5]. Г.Ф. Перетяткин справедливо указывает, что «в оценке «позитивного вклада» и необходимости «религиозного Просвещения» «Римский клуб» повторяет то, что было давно ясно русским философам и писателям, носителям русского Просвещения [3, с. 63]. Стоит вспомнить, что именно славянофилы являются родоначальниками русской философии [9].

Наряду с уточнением хронологических рамок российского Просвещения, предметом обсуждения современных авторов становится логика его развития и столкновение течений внутри него. Так, в работах Т.П. Днепровой славянофильство и западничество рассматриваются как выражение двух парадигм просветительского движения в России, своего рода диалектических противоположностей, постоянно борющихся, сменяющих и дополняющих друг друга – консервативной и либеральной [4]. В строгом идеологическом смысле, это не совсем так, поскольку в учении ранних славянофилов присутствовало множество либеральных ценностей, а в концепции западников (например, Б.Н. Чичерина) встречаются ценности «охранительные». Кроме того, комплекс идей, общих как для славянофильства, так и для западничества, включает значительную социальную составляющую. Не случайно

А.И. Герцен писал о возможности примирения идейных противников на почве социализма [10]. Представляется более точным (как иногда и делает Т.П. Днепров) назвать две парадигмы Просвещения в России «культурной» и «цивилизационной». Данные парадигмы содержат большое количество ценностных оппозиций. Предложим следующий ряд противопоставлений: «традиция» – «инновация», «национальное» – «общечеловеческое», «воспитание» – «обучение», «внутреннее» – «внешнее», «ценности» – «знания», «мораль» – «право», «цели» – «средства», «содержание» – «форма» и т.д.

Борьба двух ценностных систем, представляя собой важный ресурс социального, политического и интеллектуального развития общества, достигла наибольшей отчетливости в спорах западников и славянофилов, но прослеживается на протяжении всей российской истории. Отсюда, периодизация истории Просвещения в России может быть описана с помощью известной диалектической триады: «тезис – антитезис – синтез». Принцип триад, воспринятый из немецкой классической философии и наполненный «самобытным» содержанием, нередко использовали в своих историко-философских построениях славянофилы.

Вслед за представителями славянофильства можно считать, что первым этапом Просвещения в России, задолго до петровской модернизации, была христианизация. В.Ф. Пустарнаков, как уже было сказано, не рассматривает религиозные формы Просвещения и упоминает о христианских просветителях Древней Руси лишь «в качестве протеста против совсем «безразмерного» понятия «просветитель»» [1, с. 61]. Но понятие «просвещение» (или «образованность») в России XIX в., действительно, трактовалось чрезвычайно широко. В него принято было включать все проявления духовной (а зачастую и материальной) культуры. Таким образом, религия воспринималась как органическая часть первоначального просвещения, в котором разные сферы культуры еще не были разделены. Впрочем, славянофилы высоко ценили и то, что вместе с восточным христианством через Византию на Русь было привнесено наследие античности. Отсюда, по их утверждению, Византия в отечественной интеллектуальной

истории сыграла ту же роль, что Древняя Греция и Рим – в истории стран Запада.

Вторым этапом Просвещения в нашей стране, после христианизации, стала европеизация XVIII в. с ее прорывом в науке, образовании и технике, и, в то же время, отрицанием ценности прошлых исторических эпох, антитеологизмом, атеизмом, антифеодализмом и т.д. Здесь можно согласиться с В.Ф. Пустарнаковым, утверждавшим, что «Просветительская философия – это философия, представляющая определенную совокупность анти-принципов» [1, с. 65]. Характерный для данного этапа просветительской мысли пафос отрицания позволяет обозначить его как антитезис по отношению к предыдущему, христианскому этапу. А.С. Пушкин писал: «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная» [11, с. 412]. Вместе с европеизацией и секуляризацией в сознании русского образованного общества происходит формирование негативной национальной идентичности.

На третьем же, самостоятельном этапе российского Просвещения, началом которого стали 30-е гг. XIX в., русская классическая литература, русская философия и наука продемонстрировали синтез элементов первого и второго этапов, синтез культурной и цивилизационной парадигм.

В этот период высшего развития российского Просвещения в нашей культуре и самосознании проявляется самая существенная черта Просвещения как такового, которую в свое время четко обозначил Кант в знаменитой статье «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?»: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого». Известен и девиз Просвещения, сформулированный Кантом: «*Sapere aude!* – имей мужество пользоваться собственным умом!» [12].

Созданная славянофилами русская философия, представлявшая собой теоретически оформленное национальное самосознание, впервые дала возможность понять русскому человеку, что до сих пор он находился в состоянии несовершеннолетия, заимствуя лишь внешние формы чужого просвещения. Еще в 1826 г. один из основателей первого русского философского кружка, куда входили и некоторые будущие славянофилы, – «Общества любомудрия», – Д.В. Веневитинов заметил: «У всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать отечественного: их произведения, достигая даже некоторой степени совершенства и входя, следственно, в состав всемирных приобретений ума, не теряли отличительного характера. Россия всё получила извне; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; отсюда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности» [13].

Спустя несколько десятилетий, словно бы в ответ и на упреки Веневитинова, и на кантовский призыв пользоваться собственным разумом, один из ведущих идеологов славянофильства К.С. Аксаков напишет: «Гораздо легче принимать и повторять, хотя и с толком, чужие мысли, чем думать самому; гораздо удобнее роль смиренного последователя и ученика... чем роль самобытного деятеля, все подвергающего собственной критике... гораздо меньше труда быть несамостоятельным и гордо светиться чужим, заемным, дешево добытым блеском». В свойственной ему острой полемической манере Аксаков заявлял: «Как человек, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого: так народ, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого (следовательно, бесплоден и бесполезен)» [14, с. 201]. Русскому народу и человеку, по мысли славянофилов, необходимо не просто научиться пользоваться собственным умом, но и критически исследовать самого себя, свою сущность, границы своей свободы в мире и возможности их расширения. Только тогда Россия будет способна внести свой вклад в дело общечеловеческого просвещения и движения по пути нравственного и политического прогресса.

Итак, развитие Просвещения в нашей стране можно рассматривать как прохождение определенного диалектического цикла, включающего в себя три стадии: первоначальная стихийная неразделенность всех сфер жизни и сознания человека и общества – модернизация и рационализация сознания, но, вместе с тем, некритическое восприятие чужого опыта – саморефлексия и формирование собственной культурно-цивилизационной идентичности.

Библиографический список

1. Пустарнаков В.Ф. Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1860-х гг. и впервые о его кризисе // История философии № 4 М., 1999.

2. Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002.

3. Перетягькин Г.Ф. Русское Просвещение и русская литература. // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология Право. 2018. Том 43. №1.

4. Днепрова Т.П. Консервативная и либеральная педагогические парадигмы в культурно-цивилизационной континуальной реальности. // Образование и наука. 2008. №9 (57).

5. Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты (из доклада Римского клуба) [Электронный ресурс]. URL: <http://nbiks-nt.ru/2019/09/16/come-on-kapitalizm-blizorukost-naselenie-i-razrushenie-planety/>

6. Широкова М.А. Индивидуализм и толерантность как принципы политической этики либерализма. // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 3.

7. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М., 2000.

8. Широкова М.А. 30-е годы XIX в. как период теоретического оформления русского национального самосознания // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Девятой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 21–22 июня 2018 г. / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. Барнаул, 2018.

9. Широкова М.А. Концепция славянофилов как исторически первое философское выражение «русской идеи» // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. Т. 1. СПб., 2017.

10. Герцен А.И. Московский панславизм и русский европеизм // Герцен А.И. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1948.

11. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской. // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1959 – 1962. Т. 6. Критика и публицистика.

12. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? [Электронный ресурс]. URL: http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=344

13. Веневитинов Д.В. Несколько мыслей в план журнала // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wenewitinow_d_w/text_0090-1.shtml

14. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981.

М.Ю. Спирина

Гуманитарное измерение евразийской интеграции

Региональный интеграционный процесс на евразийском континенте, получивший наименование «евразийская интеграция», развивается весьма непростым путём. В нём неизменно присутствует дезинтеграционный фактор, определяемый, прежде всего, интересами новых национальных элит государств, являющихся участниками этого процесса. По этой причине эксперты неоднократно отмечали, например, «торможение» деятельности интеграционного объединения. В результате анализа текущего состояния региональной экономической интеграции специалисты сделали вывод, что «дезинтеграционные процессы в постсоветском пространстве во многом имеют природу именно социокультурного и гуманитарного размежевания, в которой национальные ценности и идентичности начинают превалировать над «общесоюзными» («евразийскими» и т.п.) даже при высокой

степени интегрированности и взаимозависимости экономик» [1]. Важнейшей задачей межстранового взаимодействия становится сегодня недопущение «войны ценностей и идентичностей» евро-азиатских народов.

В процессе евразийской интеграции преобладание экономического взаимодействия между государствами над другими сферами сотрудничества на долгое время определило тот факт, что гуманитарные контакты были отодвинуты на задний план, носили «факультативный» характер. Нельзя упускать из виду, что именно на гуманитарном уровне свободное перемещение капитала, товаров и трудовых ресурсов в рамках Союза сталкивается с естественным сопротивлением. Оно, в частности, проявляется в форме неприятия рядовыми гражданами иностранных компаний, иностранных товаров и особенно иностранной рабочей силы (трудовых мигрантов).

Специалисты отмечают, что сегодня гуманитарные связи между странами и социокультурная близость их граждан выступают важными факторами, оказывающими глубокое влияние на развитие экономического сотрудничества. Ряд авторов подчёркивают, что гуманитарные коммуникации обязательно предшествует сотрудничеству в сфере хозяйствования. Вследствие этого при согласовании экономических интересов государств, участвующих в интеграционном процессе, необходимо учитывать ценности и культуру всех народов, потому что образуется потребность в создании соответствующего потребительского рынка, стимулировании спроса на предлагаемые товары и услуги, а это как раз и требует формирования гуманитарной сферы евразийской интеграции.

Эксперты сделали вывод, что без глубокого социокультурного взаимопроникновения и взаимосвязи стран и народов на гуманитарном уровне политическая и экономическая интеграция являются неустойчивыми и легко могут быть повернуты в другую сторону. Взаимодействие стран-участниц евразийской интеграции в социокультурной сфере обязательно должно включать и межкультурные коммуникации (гуманитарные связи) между рядовыми гражданами.

В научных изданиях и публицистических публикациях гуманитарное измерение рассматривается как широкий спектр социокультурной деятельности государств-членов ЕАЭС; оно включает в себя такие сферы, как: образовательная интеграция; культурная интеграция; интеграция СМИ (как русскоязычных, так и национальных); интеграция в сфере науки и образования. Нам представляется необходимым развивать и личностное общение, прежде всего среди детей и молодёжи.

Социокультурное воздействие на другие страны имеет свою историю, которая даёт современным акторам разнообразный опыт. Мы имеем историю культуртрегерства (внедрения «универсальных» ценностей европейской культуры в жизнь азиатских народов), уничтожение идентичности аборигенов (ему подвергались североамериканские индейцы, малые народы Евразии и африканцы); др. Подобная социокультурная экспансия в форме продвижения атлантических ценностей и культурных стереотипов (язык, литература, музыка, кино, дизайн, стили потребления и т.п.), давно рассматривается как важнейшая компонента и даже основа более широкой экономической и политической экспансии. В случае же евразийской интеграции имеет место иная ситуация в социокультурной сфере.

Нам представляется эффективным использование опыта Российской империи и Советского Союза, хотя их упоминание и вызывает определённое неприятие и негативную реакцию со стороны новых политических элит. Утверждая идею укрепления национальной и гражданской идентичности, они создают новые языковые барьеры, организуют пересмотр общей истории, осуществляют корректировку топонимики, принимают меры к существенным изменениям в социокультурном евразийском пространстве. Такие элиты, в частности, не способствуют взаимодействию в сфере культуры и искусства, искусственно ограничивая контакты в информационном пространстве, в сфере культуры, образования, науки, туризма и т.п. До сих пор тормозится формирование единого научно-образовательного пространства, вследствие чего некоторые определяют его как «сугубо гипотетическое». Всё это и служит обоснованием тезиса о том, что евразийская интеграция в настоящее время может быть

только экономической. Но гуманитарная составляющая евразийской интеграции всё чаще и острее напоминает о себе.

Проблемы развития гуманитарного взаимодействия в последние годы стали предметом довольно широкого обсуждения, прежде всего на научных заседаниях. Так, в декабре 2019 г. в Российском государственном гуманитарном университете при поддержке фонда «История Отечества» прошла международная научная конференция «Гуманитарное измерение евразийской интеграции: история и перспективы». Его модератор, президент РГГУ, Е.И. Пивовар особо подчеркнул: «Чем больше мы будем знать друг о друге, тем больше будет скреп, которые позволяют понимать друг друга и усиливать наши возможности» [2]. За 25 лет развития евразийской интеграции в истории, культуре, искусстве евразийских социумов произошло множество значимых событий и явлений, но сведения о них распространяются главным образом в рамках одного (нескольких) государств. Необходимо их выявить и представить общественности всех стран, участвующих в региональном интеграционном процессе (не забыв включить и КНР).

Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (2018 г.) особо подчеркнула, что ключевое значение в дальнейшей эволюции интеграционного процесса приобретает образовательное сотрудничество стран ЕАЭС. Именно высшая школа обеспечивает квалифицированными кадрами единое экономическое пространство, принимает меры для повышения мобильности кадровых специалистов, способствует формированию «территории инноваций». Раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни обозначено среди основных приоритетов дальнейшего развития ЕАЭС [3].

Считая важным направлением эволюции процесса евразийской интеграции развитие человеческого потенциала как основного фактора устойчивого и сбалансированного экономического роста ЕАЭС, Университет при МПА ЕврАзЭС (Санкт-Петербург), где обучается большое число представителей молодого поколения различных евразийских госу-

дарств, модернизирует систему профессиональной подготовки инновационных кадров для евразийского пространства; ежегодно проводит Евразийский научный форум с целью укрепления профессионального общения научных работников, сотрудников высших учебных заведений, представителей власти и предпринимательства; ведёт активную издательскую деятельность по распространению результатов исследовательской и образовательной деятельности представителей государств Большой Евразии. Особо следует упомянуть инициированные Университетом под научным руководством С.Ю. Глазьева два международных проекта «Евро-Азиатские исследования» (подготовка и издание международных коллективных монографий) и «Евро-Азиатский учебник» (публикация новейших и коллективных учебников для государств Евразии). Такая деятельность Университета, создавшего сеть евразийских научно-образовательных центров, несомненно, будет способствовать укреплению евразийского гуманитарного взаимодействия, воспитанию будущих специалистов на основе традиционных ценностей евразийской культуры, следовательно, стимулировать развёртывание регионального интеграционного процесса.

Библиографический список

1. Задорин И. Третий элемент. Без гуманитарной основы интеграция в Евразии обречена [Электронный ресурс]. URL: <https://rusevr.asia/tretij-element-bez-gumanitarnoj-osnovy-integraciya-v-evrazii-obrechena/> (дата обращения 15.03.2020)
2. Гуманитарное измерение евразийской интеграции – важнейшая скрепа [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/gumanitarnoe-izmerenie-evraziyskoj-integratsii-vazhneyshaya-skrepa/> (дата обращения 15.03.2020)
3. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (утв. распоряжением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 9 [Электронный ресурс]. URL:

И.Ж. Искаков

Инновационные кадры Евразии: проблемы подготовки

XXI в. назван ЮНЕСКО веком образования, и это не случайно. Конец XX в. принёс глобальные изменения в экономику, а следовательно, и в профессиональную подготовку кадров для различных евразийских стран. После распада СССР новые государственные образования Евразии, с одной стороны, занялись утверждением собственной независимости, а с другой стороны, почти сразу осознали необходимость кооперации в сфере хозяйствования. Формирование экономики знаний обусловило обращение к Болонскому процессу (или к практике образовательной деятельности США) в системе образования новых евразийских государств. Как постоянно подчёркивает С.Ю. Глазьев, набирающий силу процесс евразийской интеграции в условиях нового технологического уклада настоятельно требует соединения науки и образования как базиса экономики знаний [1, с. 3-9].

Вместе с тем, разорвать сложившиеся в советский период контакты в сфере образования между бывшими республиками Советского Союза оказалось практически невозможно. По целому ряду причин (прежде всего, из-за наличия общих границ) среди молодёжи сохранялось стремление уехать для получения высшего образования в Россию. Вследствие этого всё усиливалась потребность в формировании единого научно-образовательного пространства, первоначально в рамках ЕврАзЭС, а потом и ЕАЭС.

Многие исследователи и практические работники, задействованные в сфере евразийской интеграции, подчёркивали: инициативы, направленные на развитие общемировых процессов интернационализации высшего образования и формирование единого евразийского образовательного пространства, должны сопровождаться гармонизацией национальных рамок профессиональных

квалификаций в государствах-участниках ЕАЭС, одновременно с «синхронизацией» требований профессиональных стандартов. Именно выполнение таких требований будет способствовать актуализации евразийского рынка труда. На практике следует организовать и всячески развивать взаимодействие национальных министерств образования и науки, разработку и сближение образовательных стандартов нового поколения, в том числе обратившись и к опыту КНР. Необходимым представляется также сотрудничество представителей структур национальных систем развития квалификаций, экспертных сообществ и образовательных организаций евразийского пространства с целью валидации гармонизированных образовательных стандартов, общественного обсуждения профессиональных стандартов при участии заинтересованных сторон. Немаловажным фактором является становление механизмов внутренних и внешних гарантий качества высшего образования, развитие практики международной аккредитации, что стимулирует обеспечение высокого качества высшего образования в странах-членах ЕАЭС.

Нельзя оставить без внимания и непосредственную образовательную деятельность высших учебных заведений евразийских государств в целом. Пока ещё прошло слишком мало времени, чтобы сформировалась необходимая система подготовки высокопрофессиональных специалистов для нового культурно-политического и социально-экономического евразийского ландшафта. Но представляется необходимым привлечь внимание к деятельности расположенного в Санкт-Петербурге Университета при МПА ЕврАзЭС, который накопил определённый опыт в разработке и формировании системы профессионального обучения работников, способных адекватно оценивать и эффективно трудиться в условиях регионального интеграционного процесса. Следует обратить внимание на то, что Университет составил целую сеть научно-образовательных центров, благодаря которым развивается научно-образовательное сотрудничество между новыми государствами Евразии.

Рамки статьи не позволяют подробно охарактеризовать базисные принципы, на которых Университет строит свою образовательную деятельность. Мы просто перечислим их,

особо выделив основные принципы культурно-исторического и духовно-нравственного воспитания будущих граждан, высокопрофессиональных специалистов в области экономики, права, техники, психологии, бизнес-коммуникаций, туризма, культуры и искусства. В целом, система учебно-воспитательного процесса в Университете строится на таких принципах, как: принцип непрерывности (преемственности между всеми ступенями и этапами образования); принцип историзма; принцип целостности (формирование у студентов системы ценностей, включающей традиционные ценности различных евро-азиатских народов); трилингвальное обучение с особым вниманием к изучению русского языка; принцип психологической комфортности; принцип вариативности; принцип творчества (максимальная ориентация на творческое начало в учебно-воспитательном процессе); принцип информационной защищённости; принцип научности (точнее, соединения науки и практики, в том числе этнопедагогике) и др. [2]. Проблемы высшей школы постоянно обсуждаются на Евразийском научном форуме, ежегодно проводимом Университетом.

Действенная, скоординированная, целенаправленная система профессионального обучения позволяет Университету решать следующие стратегические задачи:

- формировать творческую, нравственную, высокопрофессиональную личность специалиста, способного активно трудиться в разных регионах Единого экономического пространства;
- сохранять и пролонгировать нравственные, культурные и научные ценности евро-азиатских народов;
- прививать будущим специалистам умения и навыки профессиональной деятельности в многонациональной команде на основе уважения и понимания необходимости доброжелательного взаимодействия;
- активно противодействовать пропаганде образцов массовой культуры, основанной на культе насилия;

- формировать систему базовых межнациональных ценностей, на основе которых возможна духовно-нравственная консолидация народов евразийского континента.

Осуществляемая в Университете при МПА ЕврАзЭС система подготовки специалистов в сфере евразийской интеграции постоянно развивается, реагируя на изменения, которые происходят в экономической, политической, социокультурной жизни евразийских государств. Совместно с вузами Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана Университет создал центр экспериментального евразийского образования, одним из пунктов плана работы которого предполагается разработка комплекса учебных и специальных программ, методик по организации духовно-нравственного воспитания, использование всего многообразия педагогических форм и средств с учётом этнокультурных и иных особенностей менталитета представителей различных евразийских государств. Научно-педагогические работники Университета и их коллеги убеждены, что духовно-нравственное воспитание в высшей школе обязательно должно носить комплексный характер, охватывая своим воздействием все поколения, обеспечивая, таким образом, преемственность культурно-исторических традиций и пронизывая все стороны жизни молодого человека в рамках регионального интеграционного процесса.

Научно-образовательная деятельность Университета при МПА ЕврАзЭС будет эволюционировать и дальше, способствуя обучению и воспитанию инновационных кадров для евразийского пространства, формированию их нравственного и интеллектуального потенциала как носителей евразийской культуры.

Библиографический список

1. Глазьев С.Ю. Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского союза // Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского экономического союза: сб. ст. из материалов Евразийского научного форума 08 декабря 2017 г. / Общ. научн. ред. М.Ю. Спириной. Часть II. СПб., 2018.

2. Исаков И.Ж. Культурно-историческое воспитание в профессиональной подготовке инновационных кадров для Евразийского экономического союза // Подготовка инновационных кадров в странах Большой Евразии: сборник научных статей XI Евразийского научного форума / Общ. научн. ред. М.Ю. Спириной. СПб., 2020.

А.А. Тишкин

Результаты культурного взаимодействия кочевого и земледельческого населения (по материалам изучения погребального обряда раннесредневекового памятника Шохидон в Таджикистане)

В период раннего Средневековья на территории Евразии произошли серьезные изменения, связанные с военными походами центральноазиатских кочевников, а также с формированием и трансформацией тюркской государственности. При этом происходили активные взаимодействия между народами, культура которых базировалась на разных социальных и хозяйственных укладах. Эти процессы нашли отражение в системе жизнеобеспечения кочевников, которые, в частности, оказались в условиях постоянного контакта с земледельческим населением Средней Азии. Письменных свидетельств о такой ситуации очень мало, а археологические данные, которые дают конкретные факты, в отдельных регионах практически отсутствуют. Одной из возможностей для изучения обозначенной проблематики является исследование раннесредневекового могильника Шохидон (или Шахидон: от таджикского слова «шахид» – погибший, мученик) в Таджикистане. Прежде чем отразить имеющиеся результаты, необходимо совсем кратко представить канву исторических событий для понимания того, каким образом кочевники смогли попасть в указанный период на территорию, где обнаружен названный памятник.

После создания тюрками крупной евразийской державы, которая в научной литературе обозначается как Первый или Великий Тюркский каганат (552–604 гг. н.э.), простиравшийся

от Крыма на западе до Маньчжурии на востоке и от верховьев Амударьи на юге до верховьев Енисея на севере, отмечается их существенное влияние на культуру и язык многих народов [1; 2 и др.]. Последствия этого процесса можно констатировать даже на современном этапе истории. В период существования Великого Тюркского каганата кочевники обосновались на территории Средней Азии и продолжали там проживать позднее, когда империя разделилась на две части, и во времена Тюркешского каганата (699–756 г. н.э.). В.С. Соловьев, частично опубликовавший материалы памятника Шохидон в своей статье привел сообщения буддийского паломника Хуэй Чао, посетившего Среднюю Азию в 726 г. и указавшего, что в Хуттале (область в Тохаристане) одну половину населения составляли местные жители (ху), а вторую – тюрки [3]. Понятно, что они контактировали между собой, проживая в отличающихся природно-ландшафтных зонах и занимаясь разными видами хозяйства и иной деятельности. Некоторые результаты такого взаимодействия демонстрируют погребальный обряд и предметы материальной культуры, зафиксированные на указанном могильнике, который находится на южной окраине с. Сари-Хосор в Бальджуанском районе Хатлонской области Республики Таджикистан. Он был обнаружен на лессовом останце в долине горной р. Сурхоб в 2011 г. при разработке местными жителями карьера для добычи грунта в строительных целях [4]. Охранные раскопки, антропологические, археозоологические и археоботанические исследования на выявленном памятнике осуществлялись в период с 2012 по 2015 гг. [5; 6; 7; 8 и др.]. В 2019 г. было проведено дополнительное обследование его и изучены находки, хранящиеся в местном сельском музее [4].

Одной из главных особенностей выявленных грунтовых погребений является наличие сопроводительного захоронения верхового коня (в виде целого скелета или остатков «шкуры») с необходимым снаряжением, что характерно для кочевников. Обнаружена серия железных стремян, удила с псалиями и пряжки, аналогии которым хорошо фиксируются в исследованных раннесредневековых памятниках кочевников Центральной Азии и Восточной Европы [3; 4 и др.].

Оригинальными оказались находки костей осла или мула (лошака) (?) (определение Р.М. Сатаева) [8]. Там же была зафиксирована специфическая деталь из железа для управления такими чрезмерно строптивыми домашними животными [3]. Получены сведения о крупном и мелком рогатом скоте. Их археологический контекст еще требует дополнительной интерпретации. Указанные факты демонстрируют признаки смешения традиций.

Еще одной отмеченной особенностью является помещение монет в рот умерших людей. По мнению В.С. Соловьева [3], такой элемент погребальной практики кочевники переняли у коренных тохаристанцев, к которым она была привнесена греками, завоевавшими Бактрию еще в IV в. до н.э.

В ходе раскопок могил Шохидона найдены немногочисленные предметы вооружения. Среди них особое место занимают характерные мечи, сопоставимые с аналогичными тюркскими изделиями 2-й половины VII – VIII вв. [4]. Обнаруженные наконечники стрел и кинжал также могут быть сопоставлены с раннесредневековым кочевническим комплексом [3].

Важным этнокультурным показателем является керамическая посуда, которая демонстрирует процессы взаимодействия и смешения разных групп населения, а также формирование новых социумов [9]. Рассмотрение данной категории находок из Шохидона ярко отражает не только результаты контактов кочевого и земледельческого населения через покупку или обмен, но и попытки создания аналогичных изделий архаичным способом. Совершенно понятно, что обнаруженные качественно выполненные кувшины были изготовлены гончарами из земледельческой среды в соседних селениях. В.С. Соловьев, опубликовавший их графические прорисовки, отметил, что набор таких же кувшинов найден при раскопках крепости Нижний Уртабоз в Вахшской долине [3]. А вот найденные в погребениях лепные сосуды, несомненно, изготовлены самими кочевниками. Они визуально сильно отличаются от ремесленных изделий по всем показателям [4]. Найденный вазообразный лепной сосуд В.С. Соловьев соотносит с аналогичными емкостями, обнаруженными в Сибири [3].

Остальные предметы быта, украшения и орудия труда также отражают синтез разных культур. Их детальное рассмотрение здесь уже не имеет принципиального значения, добавляя лишь частности в зафиксированные результаты взаимодействия, в которых прослеживается и такая характерная черта, как взятие мужчинами-номадами в жены женщин из местного населения. Данный факт на самом деле имеет важное значение и подтверждается антропологическими заключениями. При изучении имеющейся выборки остеологического материала специалистами зафиксировано сочетание «европеоидных» и «монголоидных» характеристик на обнаруженных черепах, а также высказано предположение о механическом смешении нескольких компонентов [8]. Важно обратить внимание на низкую встречаемость различных стрессовых маркеров на женских черепах, что свидетельствует «... о достаточно хорошей адаптированности населения к окружающим средовым условиям» [8, с. 275]. Такой вывод дополнительно подтверждает автохтонность представительниц слабого пола.

В заключение следует обратить внимание, что полученный относительно небольшой по объему археозоологический материал позволил коллегам предположить наличие у населения, проживавшего в долине р. Сурхоб в VII–VIII вв. и оставившего могильник Шохидон, довольно развитого кочевого животноводства [8]. Стоит согласиться с дважды высказанным мнением В.С. Соловьева [3], что номады «... жили в горах и предгорьях, где были благоприятные условия для выпаса скота», «... контактировали с местным оседлым населением, и это приводило к их взаимодействию в экономике и культуре».

Раскопки важного археологического памятника необходимо продолжить, так как он находится в аварийном состоянии, а уже полученные результаты необходимо более детально изучить с привлечением современных естественнонаучных методов. Опубликованные антропологические и археозоологические определения и наблюдения могут быть дополнены палеогенетическими исследованиями. Весь комплекс проанализированных данных обеспечит достоверную реконструкцию исторических процессов этнокультурного

взаимодействия разных народов рассматриваемого региона в тюркское время.

Библиографический список

1. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Средневековые воины Алтая // Природа. 2002. №9 (1044).

2. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009.

3. Соловьев В.С. Материалы из раскопок могильника Шахидон в Таджикистане // Filo Ariadne. 2018. №2. [Электронный ресурс]. URL: filoariadne.esrae.ru/12-209.

4. Тишкин А.А., Филимонова Т.Г., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Шохидон – аварийный могильник раннего средневековья в Таджикистане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул, 2019.

5. Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р. Отчет об археологических работах в Бальджуанском районе (2012 г.) // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. XXXVIII. Душанбе, 2016.

6. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012–2013 гг. в Бальджуанском районе // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXVIII. Душанбе, 2016.

7. Филимонова Т.Г. Бальджуанская археологическая экспедиция. Раскопки и разведки 2013–2014 гг. Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXX. Душанбе, 2019.

8. Дубова Н.А., Сатаев Р.М., Куфтерин В.В. Сатаева Л.В. Первые результаты археозоологических исследований на могильнике Шохидон. Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXX. Душанбе, 2019.

9. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1979.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

Н.А. Дубова

О символах власти в Маргиане эпохи бронзы

Локализация страны Моуру-Маргуш-Маргианы в конце III тыс. до н.э. стала более определенной, благодаря исследованиям В.И. Сарияниди во второй половине XX в. в древней дельте р. Мургаб в Юго-Восточном Туркменистане. Но ее внутреннее социальное устройство, как и многие другие проблемы, пока остается почти не изученными. В ряде работ, посвященных некрополям и погребальным обычаям Гонур-депе, самого крупного из известных на сегодняшний день ее поселений, В.И. Сарияниди, опираясь на количество и набор погребальных приношений, а также конструкцию могилы, выделил три социальных слоя – наиболее богатый (около 5%), средний (около 85%) и бедный (10%) [1]. Проведенный позднее краткий анализ показал, что сходные «по богатству» приношений цисты и камерные могилы (т.е. те могилы, которые увязываются с верхним социальным слоем) значительно отличаются друг от друга по набору инвентаря [2]. Был отмечен также ряд могил, которые можно отнести к «погребениям воинов» [3]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что своими особенностями в этом административно-культовом центре отличались погребения жрецов. Учитывая, какое важное место Маргиана занимала в международной торговле своего времени, о чем свидетельствует множество данных, Е.В. Антонова справедливо пишет о том, что и торговцы, купцы были также привилегированным сословием [4]. Но пока все эти данные остаются только первыми шагами в понимании маргианского общества. Данный текст также не претендует на какие-либо обобщающие выводы. Здесь предпринята попытка в самых общих чертах описать разнообразие «посохов», «жезлов» и других подобных предметов, которые были найдены на Гонур-депе, как по отдельности, так и в различных сочетаниях, и в первом приближении рассмотреть имеющиеся варианты в сравнении с таковыми на других памятниках Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК) и, по возможности, Евразийского пространства в целом.

Жезлы, скипетры и посохи, как в древности, так и в наши дни, являются индикаторами определенных полномочий, выполняемых функций или занимаемого положения. Достаточно привести хотя бы два примера. Так, на официальной эмблеме Верховного главнокомандующего России, утвержденной в 2009 г., двуглавый орёл восседает на горизонтально расположенном маршальском жезле. В небольшой группе веддов, живущей, как и тысячелетия назад в районе селения Дамба в центре Шри Ланки, отец семейства носит на плече топор на длинном топорище. Когда-то он был каменным, теперь металлический. Нет топора – пока не достоин считаться мужчиной. Казалось бы, разные предметы, – золотой маршальский жезл, украшенный драгоценными камнями, и каменный топор, – но у всех исследователей нет сомнений в том, что они имеют близкое символическое значение.

Символы духовной и/или административной власти на археологических памятниках Восточной Европы и Предкавказья исследованы и проанализированы достаточно подробно [См.: 5], имеются работы по Алтаю и Сибири [См.:6]. Наилучшим образом описаны разновидности посохов у богов Древнего Египта [См.: 7]. Подобным предметам, происходящим от памятников Древнего Востока, также посвящена не одна публикация [См.: 8]. Но работы, рассматривающие варианты предметов, которые могут обозначать социальный статус на всей территории Евразии, и даже обобщающие исследования по Ближнему Востоку отсутствуют. Для Маргианы эти предварительные замечания имеют большое значение, ибо она и в эпоху бронзы являлась одним из важных форпостов на путях, связывающих Западную и Южную Азию с миром степей и далее с Сибирскими пространствами.

На Гонуре найдены разные предметы, которые могут быть интерпретированы как символы принадлежности к социальным стратам: крупные каменные посохи, некогда деревянные жезлы с металлическими навершиями, так называемые ритуальные топоры (из металла или кости), которые отличаются от обычных бытовых наклонно поставленной втулкой, так называемые «гарпуны» (или «серповидные мечи»), изогнутые металлические

предметы, металлические трезубцы. Форма посохов, наверший и топоров также различаются.

В 2018 г. начата работа по каталогизации находок, сделанных в Маргиане. Пока, из упомянутой группы предметов, мы имеем статистику только по каменным «посохам». Среди известных 52-х этих изделий 30 происходят из погребений, 11 – из помещений, а еще 11 экз. (в основном, фрагменты) собраны на поверхности поселений. На изученных памятниках представлены таковые с навершием (7 экз., длина целых экземпляров от 111 до 126 см, вес 4,4–6,2 кг), веретенообразные (11 экз., длина 124 до 1490 см, вес 9,9–10,8), и «посохи» с одним скошенным концом, напоминающим копыто (12 экз., длина 121–196 см, вес 10,4–15,4 кг). Форма фрагментов еще от 21 «посоха», не определяется. С. Винкельман [9] проанализировала известные по публикациям маргианские металлические и костяные ритуальные топоры (20 из металла и 3 из кости), их разновидность, которые она называет «молоты» (3 из металла), а также уже упомянутые «гарпуны». Последних известно на Гонуре всего 3 экз. М. Мэдером [10] проведено предварительное сопоставление типов скипетров, встреченных на разных территориях, а также их изображений на иконографии. Им же составлены предварительные карты распространения отдельных форм скипетров на территории Древнего Востока, включая часть Средней Азии. Характерно, что на ряде территорий встречается ограниченное число скипетров, а другим, включая Гонур, свойственно их большое разнообразие.

Единственная группа из перечисленных вначале, которая осталась пока без специального внимания, это короткие жезлы с металлическими навершиями. Собственно известны только навершия от них, большинство из которых имеет четырех- или шестизубую форму, но есть округлые и очень небольшие. По всей видимости, они по значению могут быть близки культовым топорам. Пока, до проведения полной инвентаризации находок, сложно указать их число. Представляется, что данный тип жезлов, так же как и топоры, было бы перспективно сопоставить с каменными фигурными жезлами с головами медведя, коня и других животных, так характерных для ряда культур степного пояса Евразии. Возможно, это даст новую информацию для

понимания генезиса и символического значения данных объектов. Столь же важно подробно изучить связи разных типов символов власти с другими погребальными приношениями и с характеристиками могильных ям.

Библиографический список

1. Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001; Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

2. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Данные археологии и антропологии по социальной стратификации древнеземледельческого общества Маргианы (Туркменистан) // Труды V(XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Сборник научных статей / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Т. 3. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017.

3. Дубова Н.А. Погребения знатных воинов на Гонур-депе (Туркменистан) // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 6. – Барнаул, 2011.

4. Антонова Е.В. Бактрия и Маргиана на Древнем Востоке. Очерки. М., 2020.

5. Дергачёв В.А. О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции Гимбутас // Revista archeologică seria nouă. 2005. Vol I. № 2; Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб., 2007; Корневский С.Н. Символика атрибутов духовной власти эпохи энеолита Восточной Европы и Предкавказья – каменных зооморфных скипетров // Археология Восточно-Европейской степи. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2008.

6. Леонтьев Н.В. Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. Л., 1975; Ченченкова О.П. О стилистическом единстве древней каменной скульптуры западносибирской лесостепи и сопредельных территорий // Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996; Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово, 2001; Ковтун И.В. Сибирские

каменные жезлы с головой медведя // КСИА Вып. 229. 2013 и др.

7. Бадж У. Древний Египет: духи, идолы, боги / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2009.

8. Ambos C., Krauskopf I. The curved staff in the Ancient Near East as a predecessor of the Etruscan lituus // Meer van der B.L. (Ed.). Material Aspects of Etruscan Religion. Proceedings of the International Colloquium Leiden, May 29 and 30, 2008. – Suppl. 16. – Babesch, 2010; Organization, Representation, and Symbols of Power in the Ancient Near East. Proceedings of the 54th Rencontre Assyriologique Internationale at Würzburg 20–25 Jul / Ed. Gernot W. Indiana, 2012.

9. Winkelmann-Witkowsky S. Betrachtungen zu den Kultäxten, Hämmern und Sichelschwertern in Gonur Depe // Природа – человек – общество: от прошлого к настоящему. Сб. статей к юбилею Н.А. Дубовой / Сост. и общая ред. М.Н. Губогло, В.В. Куфтерин. М., 2020.

10. Mader M. Central Asian and Eastern Elamite Scepters. Typology and linguistic identification. Draft presentation. Personal communication – February, 2020.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-40082). Работы в Туркменистане проводятся Российско-Туркменской Маргянской археологической экспедицией в рамках Соглашения между Институтом этнологии и антропологии РАН и Министерством культуры Туркменистана.

СЕКЦИЯ 1

Евразийство как феномен отечественной философской и социально-политической мысли.

Современные дискуссии вокруг евразийской идеи

К.К. Бегалинова, М.С. Ашилова, А.С. Бегалинов
Евразийская сущность казахской философии

Современные социально-духовные реалии, связанные с ускорением и турбулентностью развития глобализационных процессов, порождающих все новые и новые сложные вызовы мировому сообществу, выдвигают задачу обоснования и воплощения новой парадигмы духовно-культурного развития человечества. Казахстанский социум не является исключением в этом отношении, он также стоит перед выбором нового цивилизационного развития, в основе которого лежит модернизация общественного сознания, раскрытие богатого потенциала культурного опыта предков, духовных ценностей, их традиции, обычаев. И в этом отношении изучение казахской философии, истоки которой берут начало в духовности казахского народа, которая, трансформировавшись через целый ряд поколений, органично вошла в наше современное общество, является весьма своевременным и значимым.

Следует заметить, что казахская философия в силу своего географического расположения имеет евразийский характер. И ее особенностью является то, что она представляет собой единство, синтез западных и восточных мотивов, духовности. Они своеобразно проявились через её видение мира, историческое развитие народа, в особенностях его менталитета и психологии. На развитие казахской философии неоценимое влияние оказал Великий Шелковый путь, который пролегал через территорию казахских степей. Он явился «связующим мостом взаимодействия и диалога цивилизаций и культур Запада и Востока, взаимно обогащая всех участников этого

процесса. Караванные пути, с постоянно циркулирующими идеями, знаниями, вероисповеданиями и товарами, на протяжении тысячелетий влияли на менталитет народа древнего Казахстана. Это явление, на наш взгляд, сделало предков казахов толерантными по отношению к иным культурным традициям и влияниям» [1].

Этот аспект казахской цивилизации как социокультурного феномена, к сожалению, был слабо представлен в отечественной научной литературе. Становление казахской духовности непосредственно было связано со становлением разных типов государства, проходивших через войны, различные завоевания.

Казахская философия является закономерным этапом в развитии философской мысли. Поэтому она содержит в себе и общее, и специфическое. Общее заключается в том, что она проходит весь путь исторического развития, начиная с древнейшей эпохи, и приобретает свойственные всей мировой философии черты, характерные для философии XXI в. Общее заключается и в том, что существующая тенденция мировой философской мысли – переход к целостному универалистскому мировоззрению, – свойственна и казахской философии начала III миллениума. Особенное проявляется в том, что казахская философия данные черты – целостное мировоззрение, космоцентризм, – пронесла через всю свою историю, что не могло не сказаться в особенностях духовности, менталитета, психотипа казахской нации, евразийского по своей природе. К примеру, казахская культура содержит в себе такое космоцентристское начало, по которому ностальгируют многие западноевропейские философы, такие как Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс и другие. Специфическими особенностями казахской философии выступают открытость, благоговейное отношение человека к природе, органическая, неразрывная связь человека с космосом, которая становится сущностным моментом внутреннего мира человека. Великая казахская (евразийская) Степь сохранила много тайн связи людей с миром, с космосом. Наш народ хранит в своей памяти, в подсознании, в своём творчестве этот огромный космический евразийский мир, который является сущностью самого народа и каждого человека в особенности. И эта сущность выступает той точкой, от

которой начинается отсчёт духовного развития народа. Наступило время обратиться к нему как к живительному, животворящему источнику всей духовности, всего знания, сохраняющих народ как целое, оберегающих его и служащих опорой в настоящем и будущем. Другая особенность заключается в том, что большую роль в развитии казахской философии сыграло устное народное творчество, казахский фольклор. В этом плане огромна, неоценима роль, которую сыграло творчество жырау, акынов. Они воспевали свою страну, родную степь, народ, населяющий эти степи, лучшие народные традиции, которые складывались веками и передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Конечно, их творчество позже записывалось, но оно рождалось как фольклорное. Оно сохранилось, благодаря ему не прерывалась связь времён, нить, связующая настоящее и прошлое в духовном развитии народа. Поэтому многие авторы выделяют это творчество как самостоятельный, своеобразный этап в становлении казахской философии, казахской духовности. И это своеобразие заключается в том, что они утверждают единство духовного и материального, небесного и земного, души и тела. Их память сохраняет самое лучшее, что сложилось в образе жизни народа. Поэтому через их творчество память казахского народа сохранила знание о героизме, патриотизме не только героев-батыров, но и простых людей. Благодаря их творчеству духовная жизнь казахского народа предстаёт внутренне богатой, многообразной, а человек рассматривается существом чрезвычайно многоаспектным, многоуровневым, включающим в себя и доброе и злое начала, способным на высокое и низменное в поведении. И, безусловно, эти мотивы в казахском фольклоре определили тенденцию в дальнейшем развитии духовности. Джаухари, Аяз-би, Жиренше-шешен, Асан-Кайгы, Бухар-Жырау, Казтуган, Доспамбет, Шалкииз-Жырау и многие другие казахские мыслители совершенствование человека, его души видели через связь человека с природой, космосом. Думается, что казахскую философию можно определить как онтоэтику, как нравственно-экологическую философию, а её представителей назвать нравственно чистыми Личностями, мыслителями. Богородившая, пронизанная высокой духовностью,

гуманизмом поэзия Жырау и Акынов призвала людей к великодушию, любви к Богу, к духовному совершенствованию, которые открывают путь к постижению Абсолюта, Аллаха, ибо Он находится в сердце человека. Так мыслители – жырау, акыны, просветители – приходили к выводу о единстве между Богом и человеком.

Творчество жырау и акынов выступило мощным носителем казахской философской мысли, казахской духовности. Поэтому казахская философия сильна не только творчеством ее носителей, но и творчеством истинно народным, сильна своей национальной народной культурой. Всё это сказалось на состоянии философской мысли казахского народа.

Казахская философия никогда не умирала и дошла до наших времён благодаря литературным памятникам, устному народному творчеству жырау и акынов, философским трактатам мыслителей, исторической памяти народа. Она сохранила такие черты этой философии, сформированные в эпоху мифологической префилософии, которые оказались доминирующими на протяжении всей истории философии казахского народа. Это космоцентризм, открытость человека миру и мира человеку, благоговейное отношение к природе по принципу «не навреди», особое чувственно-предметное взаимодействие человека с космосом, миром и др. И казахстанская философия должна сохранить эти замечательные черты как субстанциальную основу духовности нового XXI в. «Уникальность тюркской философии заключается в органическом сочетании традиции и открытости к инновациям, номадического и оседлого опытов освоения мира <...>, она характеризуется толерантностью, свободолобием, изначальностью слова и оптимизмом» [2, с.133].

На современном этапе у нас в республике господствует плюрализм, свобода духа, философы проявляют толерантность, терпимость к различным точкам зрения. Это настоящая свобода духа, через которую только и может существовать такой феномен как философия, выступающий квинтэссенцией духовности, одним из субстанциональных факторов обновления современного казахстанского общества.

И сегодня, когда мы подводим итоги периода нашего независимого существования, необходимо отметить, что путь был выбран правильный. Это путь экономического развития, демократического, правового, светского государства. Только в условиях свободного суверенного развития возможно построение социально-ориентированного демократического правового государства, принципами существования которого становятся общечеловеческие ценности, межнациональное согласие, казахстанский патриотизм.

Одним из принципов развития нашего Отечества является принцип евразийства, сочетающего в себе черты европейского и азиатского в культуре. И в этом плане подобный анализ казахской культуры позволяет подчеркнуть, что духовность Казахстана – это такое целое, которое включает в себя целостность, универсальность человеческой истории, человеческой духовности. В качестве специфики казахской философии можно отметить особую открытость, благоговейное отношение человека к Космосу, органическую, неразрывную связь человека с Космосом, которая становится сущностным моментом внутреннего мира человека. Всё это проходит через всю историю духовности казахского народа, выступает основой философского мировоззрения всех веков, в том числе и XXI в. Подобная особенность казахской философии выступает одним из духовных источников стабильности современного казахского государства. И проводимый через призму целостностей анализ поможет раскрытию этого особенного феномена Казахстана, своеобразного талисмана, оберегающего наше общество от ненужных смут, распрей и вражды.

Библиографический список

1. Нысанбаев А.Н., Барлыбаева Г.Г. Этика как ядро казахской философской мысли. // Вопросы философии. 2012. № 10.
2. Тюркская философия: десять вопросов и ответов. Сб. статей. Алматы, 2006.

И.В. Фотиева

Междисциплинарность наследия евразийцев

В последние десятилетия междисциплинарность («полидисциплинарность», «мультидисциплинарность» и т.п.) стала одним из трендов в научных исследованиях. В то же время оценка результатов подобных исследований неоднозначна. Так, Е.А. Попов отмечает, что междисциплинарный подход в качестве методологической базы исследования мог бы стать передовым звеном научного поиска, «...но на деле лишь затрудняет, делает невыразительной позицию ученого, а рассматриваемый им предмет исследования теряется в реальности» [1, с.5].

С этой позиции представляется интересным оценить наследие евразийцев. Исследователи чаще всего отмечают именно «...комплексный междисциплинарный синтез (месторазвитие, экономическая безопасность, хозяйнодержавие, поликультуроцентризм, самобытность, “симфоническая личность”», исторические циклы объединения и дробления евразийских государств, политико-правовые концепции “государства правды”, “правообязанностей”, “демотии” и “идеократии”)» [2, с.12]. По мнению И.П. Кавиновой, «евразийцы одними из первых стали систематически использовать междисциплинарный подход в исследовании исторических феноменов... Междисциплинарный подход был не просто оригинально задуманной методологией исследования исторической судьбы России – он отвечал заветным чаяниям евразийцев в их стремлении соединить “всемирную отзывчивость” с идеей формирования в евразийском пространстве идеократического государства, в котором народ и власть гармонично сосуществуют, а дихотомия Запада и Востока успешно преодолевается» [3, с.147]. «Теоретики евразийства предложили системное рассмотрение политических процессов, предполагающее их многофакторное и многоаспектное изучение: с точки зрения права, истории, богословия, экономики, лингвистики, социологии, философии, демографии. Благодаря этому была построена целостная, универсальная политическая теория, которая, в отличие от

теорий псевдоглобализма, по сути своей преимущественно квантификационных и экономикоцентричных, пытается дать рекомендации комплексного характера» [4].

Но, как относительно междисциплинарности в целом, так и в оценке данного подхода в евразийских построениях высказываются разные точки зрения, и наряду с однозначно положительными оценками нередки и категорически отрицательные. Так, В.Л. Каганский упрекает евразийцев в эклектизме и внутренней противоречивости; с его точки зрения, евразийство есть «...поздняя разновидность географического детерминизма, где сплелись просвещение и романтизм, культ почвы и натуры, интеллектуальная вера в объяснительное всемогущество земного места и мистика Земли» [5, с.205].

Зададимся в связи со сказанным несколькими вопросами. Что можно считать реальными результатами междисциплинарных исследований и по каким критериям их оценивать? Каковы основные факторы достижения этих реальных результатов? И, наконец, как на основании вышеназванных критериев можно оценить наследие евразийцев?

Критерии оценки научных исследований, казалось бы, общеизвестны; доказательность, новизна, прогностичность и др. Но, как известно, на их применение влияет ряд факторов, связанных, прежде всего, с исходной позицией критика, – его научной школой, общетеоретическими и мировоззренческими установками и просто субъективными предпочтениями. Далее, принципиально важен масштаб оцениваемых исследований в плане и вовлеченных областей, и, соответственно, предметов и методов исследования, и привлеченных теорий, и объема эмпирического материала. Чем масштаб выше, – как и в работах евразийцев, – тем сложнее дать им адекватную оценку. И, наконец, для оценки теоретической доказательности подобных исследований необходим соответствующий уровень научной квалификации, что сегодня, увы, далеко не само собой разумеется. Доказательность же эмпирическая здесь всегда может быть подвергнута критике из-за разнородности привлекаемых фактов.

Отсюда, на наш взгляд, можно сделать следующие выводы. Во-первых, сам оценивающий не должен быть предубежден против исходных теоретических и мировоззренческих посылок тех, кого он оценивает, а именно такая предубежденность видна во многих работах исследователей евразийства, как западных, так и российских. Во-вторых, в случае таких масштабных исследований, какими являются работы евразийцев, нужно быть им «конгениальным», что весьма сложно. В связи с этим мы полностью согласимся с М.А. Маслиным в его оценке научного масштаба Н.С. Трубецкого как «наделенного чертами гениальности» [6, с.164]. Далее, необходимо уметь провести грань между эклектикой и синтезом; для этого критик должен обладать, помимо профессионализма, который позволяет сразу видеть явно эклектические построения, еще и некоей «панорамностью» взгляда, позволяющей увидеть, – вслед за самим автором, – неявные, но важные связи явлений, процессов; переплетение, казалось бы, разнородных тенденций.

И, наконец, стоит обратить внимание на критерий прогностичности в плане предсказания не только новых фактов, но и новых тенденций. Это позволяет, помимо прочего, оценить и верность самих исходных предпосылок. И этому критерию евразийские исследования в достаточной мере удовлетворяют. Так, авторы монографии «Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты» подчеркивают, что в современной науке, например в теориях культурного ландшафта, доказано значительное влияние географических и климатических условий на специфику культурного бытия тех или иных этнических образований, и именно междисциплинарная методология исследования особенностей разных «месторазвитий», предложенная евразийцами, оказывается здесь и методологически востребованной, и теоретически актуальной» [7, с.122]. Но наибольшее подтверждение, на наш взгляд, сегодня получает одна из основных идейных и теоретических исходных установок евразийцев, которую они наследовали от славянофилов, от Н.Я. Данилевского, но существенно ее переработали, – это «отрицательное отношение к представлению европейской культуры в качестве «общечеловеческой цивилизации» [6, с. 166]. Показательна в

этом плане не утратившая своей актуальности работа Дж. Грея «Поминки по Просвещению», где он на обширном эмпирическом материале убедительно показывает ложность «западоцентризма». За годы, прошедшие со дня ее выхода в свет, мнения специалистов стали, как известно, еще более однозначными: сегодня практически во всех работах отмечается и сдвиг геополитического вектора на Восток, и крах доминирующей модели глобализации, и тупиковость рыночной экономики, не только подверженной закономерным, вытекающим из самой ее сущности кризисам, но и ведущей к нарастающим социальным и экологическим проблемам. Как известно, многие из этих органических пороков западной экономической модели также были отмечены и предсказаны евразийцами.

Завершим наш краткий обзор еще одной цитатой из уже упомянутой монографии «Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты»: «Евразийская идея выступила как бы центром кристаллизации представлений и интуиций, которые оказались накопленными к тому времени различными научными дисциплинами и школами; при этом во взглядах на социум и этнос «...они фактически закладывают основы междисциплинарной методологии, которую, как известно, отличают проблемно-, а не предметоцентризм; осознание факта неустранимости аксиологической составляющей из ткани научных рассуждений; и, наконец, интенция на конструктивный синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания... Сколь ни спорны, а иногда и ошибочны, их синтетические междисциплинарные выводы – тем не менее сама широта евразийского течения и масштаб личностей, которые приняли в нем участие, заставляют воздерживаться от поспешных и часто поверхностных квалификаций» [6, с.122].

Библиографический список

1. Попов Е.А. Смыслы социального и аналогия супер-социального // Социологические исследования. 2012. № 11.

2. Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность. Автореф. канд.... истор. наук. – Ижевск, 2008.

3. Кавинова И.П. Евразийство в контексте русской истории и культуры // Вестник российской академии наук. 2016. Том 8. № 2.

4. Седых Т. Н. Евразийство: национальный вопрос или поиск идентичности // MATERIÁLY VIII MEZINÁRODNÍ VĚDECKO – PRAKTICKÁ KONFERENCE VZNIK MODERNÍ VĚDECKÉ. 2012. Т. 7 Издательский дом Образование и наука Прага, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/27_SSN_2012/Politologia/7_117457.doc.htm

5. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

6. Маслин М.А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 4.

7. Иванов А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: монография / А.В. Иванов Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев. М.Ю. Шишин. Барнаул, 2007.

А.А. Васильев, В.В. Мухомов

Правовые основы реализации евразийских идей в России

С момента подписания в 2014 г. Беларусью, Казахстаном и Россией Договора о Евразийском экономическом союзе не утихают разговоры о том, что наше государство призвано стать идейным вдохновителем и претворителем в жизнь политико-правовых идей течения евразийцев, согласно воззрениям которых евразийский континент является особым во всех смыслах пространством, а Россия – особым государством, способным примирить две крайности – Европу и Азию.

Неудивительно, что именно на волне возрожденной евразийской концепции особый интерес для исследователей государства и права представляют и высказывания главы государства о государственных идеях (идеократии), о воспитании ведущего слоя для совершения правящего отбора

(которым, вероятно, должно стать поколение 2000-х), о восстановлении дипломатических связей на постсоветском пространстве.

Неспроста, думается, было принято и судьбоносное решение о необходимости внесения поправок в Конституцию РФ, в которых большое внимание уделяется декларативным высказываниям и идеологии, а отнюдь не юридически значимым категориям. В этом смысле Основной закон страны будет держаться особняком от строго выдержанных и выверенных текстов Конституций европейских государств. Удивительно, что России понадобилось около 30 лет, чтобы осознать безуспешность слепого подражания западным идеалам и необходимость «адаптации» демократических ценностей для страны с многовековой имперской историей.

Отметим, что ведущую роль в реализации «особого пути» российского государства занимает поиск государственной идеологии, призванной сплотить народ признаком «единого мирозерцания» [1]. Под единством мирозерцания понимается не просто поддержка конкретной идеи, но и такое состояние, при котором названная общность «мыслит в одном направлении», «объективно овладевает истиной», что по существу означает эйдохратию, как выражался Н. Алексеев. В результате формируется единство культуры, позволяющее говорить о том, что «ведущему слою» присущи одни культурные ценности и идеалы, моральные установки, которые впоследствии уходят в массы [2].

И в варианте обновленной Конституции появляется пункт следующего содержания: *«Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»* [3].

Мысль о достижении духовного единства народа, особенно посредством влияния религии и сохранения «памяти предков», кажется несколько утопичной и высокопарной. Однако не следует умалять роль популяризированной сегодня национальной идеи, которая служит основой консолидации граждан, а также национальной культуры, регулирующей

отношения, возникающие между гражданами данного государства и в межнациональном общении, и формирует правила поведения в обществе, которые могут восходить к нормам морали.

Национальная идея-правительница фигурирует и в норме о защите детей: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному (не одно и то же для авторов правовой нормы – прим. авт.), интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» [3]. Особенно замечательными в этом смысле становятся слова В.В. Путина о том, что национальная идея России – патриотизм [4].

Поддержку данный критерий находит в ограничении выезда за пределы России, в запрете иметь гражданство иного государства, в особом порядке тестирования (анкеты) при поступлении на государственную службу. Так, анкета может содержать вопросы о том, каким исполнителям, актерам, спортсменам (в том числе, отечественным) симпатизирует претендент на должность. Также данной анкетой проверяется уровень начитанности, образованности служащего, дается оценка его моральных качеств и характера взаимодействия с окружающими. Идея морального предводительства, морального ориентира закладывается, например, в законе «О статусе судей», где к судьям предъявляется требование «безупречной репутации».

Что касается правящего отбора, то достаточно рассмотреть требования, предъявляемые действующим законодательством к государственным служащим, судьям, прокурорам. Так, например, глава 3 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 11.12.2018) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержит требования, ограничения и запреты, касающиеся статуса гражданского служащего, в которых можно обнаружить веяния евразийства.

По мнению евразийцев, рекрутинг элиты должен производиться в рамках идеократии, в которой классовому порядку отбора нет места. По словам Н. Алексеева, слияние

правлящей элиты с определенным социально-экономическим классом невозможно, так как это приводит к потере истинного назначения ведущего слоя [5]. Иными словами, евразийцы настаивали на необходимости использования в России такого способа отбора, как власть «служилая», которая зиждется на идее добровольного служения, самовольного исполнения государственных предписаний и совершения действий, оказывающих благоприятное воздействие на государство.

И в поправке к статье 79 Конституции России находим: «Представителями Российской Федерации в Совете Федерации, осуществляющими полномочия сенаторов Российской Федерации пожизненно, могут быть назначены граждане, имеющие выдающиеся заслуги перед страной в сфере государственной и общественной деятельности» [3]. Конечно, большой критике подвергается момент «пожизненного» занятия должности тем или иным лицом (напомним, их может быть не более 7 человек) в рамках демократического государства. Кроме того, с точки зрения права данная норма содержит в себе оценочные категории, требующие объективного разъяснения, толкования. Однако сам факт заключения в норму, даже в таком виде, «служилого принципа» свидетельствует о возможности построения евразийски-ориентированного государства в России.

Можно найти в строках закона и воплощение идей «государства правды», «возвращения правды на землю»: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [3].

В какой-то мере отражаются идеи Н.С. Трубецкого об особенностях религиозного, этнического, языкового наследия России [6]: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. <...>. Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия».

Мы полагаем, что с точки зрения строгого языка закона такие формулировки кажутся незрелыми, импульсивными и

непонятными. Однако возвращаясь к отечественной действительности, можно заметить, что за введением этих норм будут стоять попытки реформирования культурной, образовательной, а, возможно, и духовной сфер жизни народа.

Кроме того, нам кажется особенно важным, в контексте попыток создания евразийского экономического, образовательного, научного пространства и, наконец, «моды на евразийство» в целом, отметить, как «между строк» авторы поправок к Конституции РФ оставляют возможность создания (или присоединения?) иных союзов межгосударственного плана: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [3].

В данных строчках нам прозрачно видится надежда политической элиты России создать межгосударственное объединение, может быть, континентального масштаба, оставляя при этом, – номинально или реально, – власть над ситуацией в своих руках. Полагаем, что эта норма может послужить началом, толчком к консолидации стран постсоветского пространства.

Таким образом, авторы полагают, что нормы о поправках Конституции России, в некоторой мере, отвечают политико-правовым идеям евразийцев, а значит, есть основания полагать, что и в будущем нормы отечественного законодательства, а также политически важные решения будут сопровождаться идеологическими мотивами.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Организация ведущего слоя // Русский народ и государство. М., 1998.

2. Савицкий П.Н. Подданство идеи // Континент Евразия. М., 1997.
3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.
4. Путин: «Патриотизм – это и есть национальная идея» // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/2636647>
5. Алексеев Н.Н. Теоретическое государствоведение // Русский народ и государство. М., 1998.
6. Грубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7.

Т.А. Артамонова, Д.А. Коршикова
К вопросу о евразийском характере

Понятие «национальный характер» имеет много трактовок, хотя сам факт его существования является для многих исследователей спорным. По этому поводу академик Д.С. Лихачев писал: «Национальные особенности – достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности, значит делать мир народов очень скучным и серым» [1, с.3].

Русские философы уделяли изучению национального характера пристальное внимание. Об этом писали западники и славянофилы, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев и многие другие. По мнению отечественных исследователей, русский национальный характер сформировался под влиянием ряда факторов, среди которых особо были отмечены природно-географический и культурно-исторический [2]. Также важнейшим фактором является религиозно-мировоззренческий,

который опирается как на языческие корни, так и позднее принятие православного христианства от Византии. Влияние цивилизационно-геополитического фактора продиктовано расположением России между Западом и Востоком, что породило необходимость выстраивать межцивилизационный диалог и закрепило такие черты русского характера как открытость, психологичность, умение понять чужую душу, стремление решить проблемы мирным путем.

Основополагающим трудом в этом вопросе признана работа Н.О. Лосского «Характер русского народа», где автор отмечает как положительные, так и отрицательные черты русского человека. К положительным чертам автор относит, прежде всего, религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра [3, с. 241]. К числу особенно ценных свойств русского народа, по мнению Лосского, принадлежат доброта, чуткое восприятие чужих душевных состояний, а также могучая сила воли [3, с. 289]. Но, несмотря на многочисленные сильные стороны, автор делает акцент и на слабых чертах русского характера. Прежде всего, это небрежность в работе, беспечность, пьянство, склонность к абсурдным поступкам, своеволие и попустительство, увлечение безудержным самобичеванием. Тщательному анализу он подвергает леность, объясняя, что русскому человеку свойственно стремление к абсолютному совершенству и, вместе с тем, чрезмерная чуткость ко всяким недочетам своей и чужой деятельности. Это приводит к тому, что часто в работе возникают охлаждение и нерадивость. В заключение Лосский делает вывод о незаконченности и неопределённости русского характера.

Евразийское течение в отечественной философии, в его классической и современной трактовке, позволяет нам поставить вопрос о специфике именно евразийского характера. Еще Н.С. Трубецкой в статье «Верхи и низы русской культуры» подчеркивал особенность евразийского менталитета как результат связи представителей русского этноса с туранцами: «Связь русских с туранцами закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в русских жилах, несомненно, течет, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь. В народном характере русских, безусловно,

есть какие-то точки соприкосновения с туранским Востоком. То братание и взаимное понимание, которое так легко устанавливается между нами и этими азиатами, основано на этих невидимых нитях расовой симпатии» [4]. Особенности евразийского характера посвящены и такие его работы, как «Мы и другие», «Общевразийский национализм».

Современные исследователи считают, что евразийская сущность российского государства закрепила в национальном характере веротерпимость и межнациональную комплиментарность. Особо значимы ценности героизма, семейственности, нестяжательства и любви к родной природе, а также господство духовных приоритетов, среди которых важнейшим является активное противостояние злу. «Духовность не совместима с пресловутой европейской толерантностью, ибо исключает нравственную всеядность и равнодушное смирение со злом» [5, с. 213].

Также отмечают открытость евразийского характера и его всечеловечность. В качестве ведущих евразийских черт русской культуры выделяют общинность и природоцентричность [6].

Что же сегодня нового мы можем сказать о национальном характере и его проявления у молодежи? Как видоизменились его черты? Какое влияние на него оказала евразийская специфика российской культуры? Для уточнения проблемного поля исследования был проведен экспресс-опрос студентов 4 курса Алтайского ГАУ, факультета природообустройства и водопользования в количестве 25 человек. Студенты отвечали на следующие вопросы:

1. Какие из перечисленных черт больше присущи русскому человеку?

2. Когда вы беретесь за какое-либо дело, доводите ли вы его до конца?

3. Считаете ли вы верным, что русскому человеку присущи: небрежность в работе/учёбе, своеволие и попустительство?

4. Согласны ли вы с мнением, что излишняя самоуверенность и эгоизм современной молодёжи создают впечатление некой бездушности и неорганизованности молодых?

5. Согласны ли вы с мнением, что под напором глобализации у молодого поколения формируются новые ценности, в которых деньги становятся мерилем успеха в жизни?

6. Какие евразийские черты характера, исходя из предложенных, вы смогли бы выделить у себя?

По итогам опроса были получены следующие результаты:

1. Студенты выделили в качестве самой главным из всех перечисленных черт национального характера гостеприимство, на втором месте оказалась лень.

2. На вопрос «Доводят ли они дело до конца?» большая часть, а это 52 %, ответили «чаще всего да»;

3. Большая часть опрошенных (36 %) считают, что русскому человеку все-таки присущи небрежность в работе/учёбе, своеволие и попустительство.

4. В ответе на вопрос об излишней самоуверенности и эгоизме современной молодёжи большая часть опрошенных (68 %) оказались согласны с мнением, что это проявление некоей бездушности и неорганизованности молодых.

5. По поводу того, что деньги стали одной из главных ценностей у современной молодёжи, результаты показали, что 84% ответили положительно.

6. О наличии в своем характере евразийских черт никто из опрошенных не смог выразиться отчетливо.

Опрос показал, что не все студенты готовы принять идею о евразийской сущности русского человека. Для тех, кому близка эта идея, трудно разграничить две идентичности: евразийскую и собственно русскую. Этот этап работы позволил нам поставить ряд вопросов для дальнейшего теоретического исследования. Во-первых, требуется уточнить, в чем выражается сходство евразийского и русского характеров? Во-вторых, ряд авторов, анализируя систему ценностей современной российской молодежи в рамках евразийской концепции, приходят к выводу, что в ней «до сих пор доминирует традиционный кластер, одной из ключевых ценностей которого является коллективизм / соборность, понимаемый исходя из особенностей национальных традиций» [7, с. 518]. Поэтому необходимо более детально изучить евразийскую специфику национального характера и то,

в чем она проявляется в системе ценностей российской молодежи. Эти вопросы послужат отправной точкой для нашего дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2000.
3. Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. М., 1991.
4. Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры). [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-NST-verxi.php>
5. Иванов А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: монография / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, М.Ю. Шишин. Барнаул, 2007.
6. Хлыщева Е.В., Меликов И.М., Храпов С.А. Российская ментальность в социокультурном пространстве // Философские науки: Научный образовательный просветительский журнал. М., 2017. №8. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/13/14#>
7. Каланчина И.Н., Артамонова Т.А., Пуревсурен Ц. Соборность как инвариант в системе ценностей современных студентов России и Монголии // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49).

В.В. Левченко

К истории формирования политических суждений российского геополитика И.И. Дусинского

В 2019 г. исполнилось 140 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти российского геополитика, панслависта и политического публициста – Ивана Ивановича Дусинского (1879–1919) – одного из идеологов евразийского развития внешней политики Российской империи в начале XX в. Эти две «круглые» даты не были отмечены в научном мире и не вызвали

потока «юбилейных» публикаций. Имя И.И. Дусинского относится к числу полузабытых, известных лишь узкому кругу представителей науки и политики. Однако личность ученого представляет интерес во многих аспектах его интеллектуальной деятельности.

За последние менее чем двадцать лет в современной историографии биографии и интеллектуальному наследию И.И. Дусинского уделяется внимание в работах многих исследователей в контексте разных аспектов истории XX в.: геополитики и панславизма [1–5], политических репрессий [6–7], библиотековедения [7–8], антиковедения [9], реформы народного образования [10], зарождения «бициллиеведческого процесса» [11] и др. Обзор научной литературы показывает невысокую степень разработанности анонсированной темы.

Одни исследователи утверждают, что вопросами международных отношений И.И. Дусинский увлекся под влиянием профессора Императорского Новороссийского университета (ИНУ), правоведа, специалиста по международному и государственному праву, монархиста по общественно-политическим убеждениям П.Е. Казанского, возглавлявшего Одесское отделение Императорского общества востоковедения, членом которого являлся молодой ученый [2, с. 110; 4, с. 1]. Данное предположение является ошибочным, так как Одесское отделение было основано в 1916 г. [12], а за много лет до этого, в 1908 г., И.И. Дусинский стал автором фундаментального труда «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики», в котором рассматривал геополитические задачи внешней политики России [13]. Следовательно, его увлечение внешнеполитическими вопросами состоялось задолго до 1908 г. Другие исследователи причиной формирования политических воззрений И.И. Дусинского называют события Первой мировой войны [5, с. 14], третьи – предреволюционную ситуацию 1905 г. [9, с. 245]. Как видим мнения исследователей относительно момента увлечения И.И. Дусинского международной политикой расходятся, а один из главных эпизодов его жизни остается неизученным. Поэтому данная статья посвящена исследованию факторов и обстоятельств, которые повлияли на процесс

формирования его политических воззрений. Для решения этой задачи привлечены ранее не вводившиеся в научный оборот архивные документы, которые позволяют существенно уточнить и дополнить имеющиеся в историографии сведения. Материалы по теме были выявлены в фонде Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

При весьма разнообразном круге интеллектуальных интересов и занятий, жизнь И.И. Дусинского на протяжении почти двадцати лет, второй половины его непростой жизни, с 1899 по 1919 гг., была связана с одной государственной институцией – ИНУ (четыре года в качестве студента, три года в статусе профессорского стипендиата и более четырнадцати лет на разных должностях в библиотеке университета). На наш взгляд, именно в стенах ИНУ состоялось формирование его политических суждений относительно вопросов геополитики.

Во-первых, это связано с выбором И.И. Дусинским специализации во время обучения на классическом отделении историко-филологического факультета ИНУ. В качестве специализации он выбрал классическую филологию, непосредственным предметом изучения которой являются классические языки (древнегреческий и латинский), а также все, написанные на этих языках, сочинения литераторов, философов, историков, политиков, юристов, ученых и т. д. Осваивая азы классической филологии, И.И. Дусинский значительное внимание уделял изучению вопросов развития институтов власти и государства в античности, и со временем стал известным специалистом в этих вопросах. Подтверждением этого является опубликованная им рецензия на сборник статей в честь профессора ИНУ Э.Р. фон Штерна [14]. В этой публикации из рецензируемых 24 статей на 21 странице молодой ученый уделил особенное внимание на 5 страницах анализу 3 работ, посвященных исследованию вопросов государственного устройства Древней Греции и Древнего Рима, соответственно в трудах Аристотеля и Тацита [14, с. 222–224, 227, 237–239]. Содержание рецензий отчетливо характеризует отношение И.И. Дусинского к разбираемым вопросам не только как к предмету научного исследования, но и как к актуальной

политической проблеме Российской империи в начале XX в. Например, рецензию на статью П.М. Бицилли он закончил фразой: «Словом, Тацит – вполне римский патриот, действующий с большой широтой кругозора исключительно во имя римского национального чувства и римской имперской идеи» [14, с. 239]. Высказанные в 1913 г. слова И.И. Дусинского о Таците, в начале XXI в. с полной ответственностью можно переадресовать ее автору.

Во-вторых, немалую роль в формировании геополитических воззрений И.И. Дусинского сыграло формирование в нем, как этническом поляке, патриотического российского самосознания. Этому способствовало воспитание родителей и его первичная социализация, которая пришлась на период 1880-х – 1890-х гг., ознаменовавшийся для Российской империи интенсивным экономическим ростом, процессом урбанизации, превращением из аграрной в аграрно-индустриальную страну, удержанием ведущих позиций на международной арене, что привело к обострению противоречий с другими европейскими державами (Англией, Францией, Германией, Австро-Венгрией) и к поиску союзников для создания военно-политических блоков с целью поддержания мира на своих границах и сохранения статуса великой державы.

В-третьих, на укрепление патриотических чувств И.И. Дусинского также повлияло его знакомство в ИНУ с профессорами А.Н. Деревецким и И.И. Луньяком, известными своими монархическими взглядами и ставшими для него наставниками в науке и единомышленниками в вопросах политики.

В-четвертых, на утверждение общественно-политической позиции И.И. Дусинского как русского патриота и защитника славянофильских идей оказали влияние революционная ситуация начала XX в. и события Первой русской революции (1905–1907).

В-пятых, «повороту» И.И. Дусинского от академических занятий и публицистической работы к активной общественно-политической деятельности содействовало его знакомство с авторитетным популяризатором славянофильских идей А.С. Будиловичем. В НИОР РГБ хранятся пять статей

политического характера И.И. Дусинского с правками и пометками А.С. Будиловича. В первой, «Одесса, 22 февраля» (февраль 1908), рассказывается о мерах администрации по подавлению революционного движения в Одессе [15]. Во второй, «Одесса, 5 марта» (1908), речь идет о событиях в Новороссийском университете в 1905–1907 гг. [16]. Третья, «Одесса, 22 июня 1908 г.», является заметкой о работе III съезда монархических организаций Херсонской губернии, проходившего 8 июня 1908 г. в Одессе [17]. Четвертая и пятая, «Одесса, 21 апреля» и «Одесса, 30 сентября 1908», описывали хронику городской жизни Одессы в 1908 г. [18].

Исходя из вышеизложенного, становление и развитие идей И.И. Дусинского о правовом государстве и славянском братстве как оплоте могущества Российской империи имели поэтапное формирование и были предопределены внутренней и внешней политической ситуацией. Обращение к публицистическому нарративу геополитика существенно изменяет представление о масштабах и тематике его публицистической деятельности. Интеллектуальное наследие публицистической деятельности И.И. Дусинского до сих пор не получило максимально возможного библиографического обобщения с целью его характеристики как общественно-политического деятеля. Изучение биографии, мировоззрения, интеллектуального наследия, причин и специфики формирования политических суждений И.И. Дусинского заслуживает проведения дальнейшего синтетического исследования.

Библиографический список

1. Смолин М.Б. Панславистский политический теоретик в истории русской геополитики // Дусинский И.И. Геополитика. – М.: «Москва», 2003.
2. Смолин М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. – М.: Имперская традиция, 2005.
3. Репников А. В. Представления о месте Российской империи в мировом пространстве // Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). – М.: Готика, 2006.

4. Самодурова В.В. Геополитический изгой. Жизнь и смерть И.И. Дусинского (1879–1919) // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. – 2013. Т. 18, вип. 2 (10).
5. Ковтуненко М.К. Концепция политического панславизма И.И. Дусинского: Автореф. ... канд. пол. наук. М., 2015.
6. Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т. 3 / Составители Л.В. Ковальчук, Г.А. Разумов. Одеса: ОКФА, 2005.
7. Левченко В.В. Судьбы сотрудников научной библиотеки Одесского университета на фоне социально-политических трансформаций первой трети XX века // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. Т. 13, вип. 8. 2013.
8. Подрезова М.А., Самодурова В.В. Библиотекари Одесского (Новороссийского) университета – мировой науке // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. Т. 18, вип. 1 (9). 2008.
9. Березин С.Е. Антиковед, библиотекарь, публицист: новые материалы к биографии И.И. Дусинского // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. – Т. 16, вип. 1/2 (5/6). 2011.
10. Корнюш Г.В. Внесок професора М.М. Ланге в організацію Одеського народного університету (1917–1920 рр.) // Педагогіка та психологія. 2015. Вип. 50.
11. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017.
12. Казанский П.Е. Задачи Одесского отделения Императорского общества востоковедения. Одесса: Русская речь, 1916.
13. Арктур. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса: Русская речь, 1908.
14. Дусинский И. [Рецензия] Προλεττάρια. Сборник статей, изданный Императорским Одесским обществом истории и

древностей в честь почетного члена Эрнеста Романовича фон-Штерна (Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXX). Одесса, 1912. XXIV+413+II стр. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 5.

15. НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 6. 4 л.

16. НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 7. 5 л.

17. НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 8. 7 л.

18. НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 9. 7 л

И.Н. Каланчина

Отражение евразийского культурного кода в этическом дискурсе В. М. Шукшина на примере рассказа «Забуксовал»

Как справедливо отмечают многие исследователи, несмотря на то, что в последние десятилетия значительно снизился интерес к классической литературе, и отдельные произведения изъяты из образовательных программ под предлогом недоступности школьникам их «слишком глубокого философского содержания», тем не менее, наследие выдающихся отечественных писателей продолжает оказывать (правда, зачастую опосредованное) влияние на формирование национального самосознания и цивилизационной идентичности наших современников. Ключевые идеи и смыслы творчества классиков продолжают транслироваться – с помощью экзистенциальных смыслов, своеобразной поэтики художественных образов, неповторимого стилистического орнамента, напитавших культурную и ментальную жизнь общества на многие годы вперед.

По мнению не только отечественных, но и ряда зарубежных ученых, специфические черты лучших произведений русской литературы созвучны евразийской системе ценностей и наиболее полно проявились в творчестве многих российских и советских писателей [1]. В частности, можно отметить в качестве такой черты коллективизм. Экзистенциальная установка: не «я», а «мы» в качестве социального эталона присуща всем народностям евразийского пространства. Но проявляется в каждой конкретной культуре по-разному, или

поворачивается своей индивидуальной гранью. Например, в Монголии, коллективизм, прежде всего, проявляется в традициях боевого братства. А в России он выявляется не только в социальном плане, но, прежде всего, – в моральном измерении. Конечно, коллективизм – это всего лишь один и аспект культурного евразийского кода, и в русской культуре он приобрел свои, индивидуальные черты.

Так, в произведениях Василия Макаровича Шукшина мы можем эксплицировать эту специфику коллективизма. Помимо ряда евразийских ценностно-культурных констант, отразившихся в отечественной классической литературе и получивших свое развитие в работах В. Шукшина, таких как установка на приоритет духовных ценностей над материальными, социальная открытость и активность, в творчестве Шукшина особое место занимают ценности коллективизма, проявляющиеся в равнодушном отношении к миру и людям; в нравственном самоопределении; в личной ответственности за происходящее в социальном пространстве, за лучшее мироустройство; в утверждении потенциальной ценности каждого человека (даже самого «маленького»), его права на уважение и раскрытие самых светлых сторон души.

Типаж маленького человека в творчестве Шукшина трансформируется в образ чудика – героя, который совершает, с точки зрения обывателя, странные, нерациональные поступки и которого постоянно «заносит не туда». При этом совершенно очевидно, что автор противопоставляет чудиков сонным обывателям, эгоцентричным и сосредоточенным лишь на своем узком мирке, не имеющим ясного морального сознания и стремления к общему благу. При этом этика шукшинской малой прозы, как, впрочем, у большинства русских классиков, – это не заповеди и не развернутое морализаторство, а художественные приемы и средства, с помощью которых он раскрывает характер так, что читатель за различными внешними наслоениями может разглядеть светлое зерно в человеке.

Поэтика душевного света, излучаемого героем, – еще одна оригинальная черта русской литературы, унаследованная Шукшиным. Для сравнения вспомним, у западных авторов в характерах героев, и их поступках нет этой ясности, нет

акцентов, помогающих различить, что есть добро и что есть зло. В характерах персонажей все перемешано, и в них нет стремления к однозначному нравственному выбору.

Шукшин же, следуя русской литературной традиции, рассказывает о своих героях так, что в каждом из них четко проявляется нравственная цельность, его моральный стержень.

И коллективизм, как ценностный камертон, подается Шукшиным в свете извечного конфликта добра и зла, жизни и смерти, правды и лжи, жертвенности и своеволия. Он как бы удостоверяет библейскую истину о том, что без праведника не стоит ни село, ни город, ни страна, и воплощает в своих произведениях драматическую борьбу, при которой не всегда в душе человека побеждает добро. Василий Макарович предвидел и предупреждал об опасности усиливающейся тенденции приоритета материального над духовным, потребительского отношения к жизни и миру над творческой и гражданской ответственностью. К сожалению, мы можем сегодня констатировать, что современное состояние мира – это, в определенном смысле, печальное прогностическое свершение шукшинского нравственно-этического предупреждения: "Нам бы про душу не забыть!".

Обращаясь к рассказу В.М. Шукшина «Забуксовал» в качестве примера воплощения специфики выражения в отечественной культуре ценности коллективизма, заметим, что это произведение является одним из самых литературоцентричных в творчестве писателя. В нем использован прием текста в тексте через включение реминисценции известного Гоголевского лирического отступления: «... Эх, тройка! Птица-тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи...». В этом рассказе В. Шукшин заостряет внимание на амбивалентности образа гоголевской тройки, представляя на суд читателя особый историко-культурологический взгляд на финал «Мертвых душ», который некогда он сам так же, как и его герой, с удивлением открыл с помощью таких авторов, как Ф. Достоевский и Д. Мережковский. Показательно, что ремини-

сценцию гоголевской тройки можно найти в диалоге между прокурором и адвокатом в «Братьях Карамазовых». В их прениях образ тройки, пожалуй, впервые в русской литературе был сопоставлен с бричкой Чичикова. И, конечно, Шукшин, будучи большим знатоком творчества Федора Михайловича, не мог не обратить на эту литературную аллюзию своего внимания [2].

Герой рассказа Роман Звягин – рабочий совхоза, со школы полюбивший чтение художественной литературы. Он слушает сына, который готовит к уроку лирическое описание птицы-тройки Гоголя, и предвкушает радость от погружения в узнаваемую стихию слова, образов и ритма. Но неожиданно для себя Роман вдруг испытывает удивление, увидев в знакомом тексте совершенно новый смысл. Он обнаруживает, что гоголевская тройка несется не сама по себе, а везет Чичикова, который является по своей сути шулером и мошенником. «Вдруг – с досады, что ли, со злости ли – Роман подумал: «А кого везут-то? Кони-то? Этого... Чичикова?» Роман даже привстал в изумлении... Прошелся по горнице. Точно, Чичикова везут... Вот так троечка!» [6].

Звягин поражен собственным открытием и пониманием того, что фигура Чичикова, который явно присутствует здесь в качестве ездока, разрушает традицию восприятия Руси-тройки, как образа стремительного движения, удали, напряженной внутренней динамики.

Обескураженный Роман обращается к школьному учителю своего сына с вопросом: «Летит тройка, все удивляются, любят, можно сказать, дорогу дают – Русь-тройка! ... А кто в тройке-то? Кто едет? Кому дорогу-то? Так это Русь-то – Чичикова мчит? Это перед Чичиковым все шапки снимают?». – Но в тройке-то мошенник, прохиндей, шулер, который мертвые души скупал, действительно, – в чем тут гордость? [6].

При этом, очевидно, что сам автор в «Мертвых душах» время от времени подводит читателя к мысли о том, что Чичиков не просто заблудившийся в этических вопросах охотник за материальными благами и социальным статусом, а представитель inferнального мира, хотя и изображенный в комичной стилистике.

Учитель литературы по-своему пытается разъяснить герою рассказа, что образ несущейся тройки лошадей необходимо рассматривать с позиций культурной традиции XIX в., когда он в общественном сознании семантически воспринимался как самодостаточный, – вне зависимости от находящегося в повозке путника. Но, несмотря на доводы учителя, Роман испытывает смешанные чувства разочарования и удивления. В итоге спора с учителем герой остаётся уверенным, что в тройке везут именно Чичикова. Но необходимо отметить, что интерпретация метафоры «Руси-тройки» Шукшиным недостаточно прозрачна. Для него в данном случае важно предельно заострить вопрос, заставить задуматься своего читателя, чтобы самостоятельно найти на него ответ.

Роман Звягин – один из шукшинских «чудиков». Он так же стремится во всем «дойти до самой сути», ему так же небезразлично положение дел в стране, проявление мещанского, потребительского отношения к жизни, общей несправедливости. И поэтому он не может не задуматься о несоответствии изначальной сути образа птицы-тройки и сидящего в ней Чичикова. Герой одновременно и по-доброму комичен, и серьезен: комичен в своей попытке вникнуть в профессиональные вопросы классической литературы и серьезен в самой постановке вопроса, имеющего решающее значение для будущего страны. В его размышлениях проявляется одна из главных идей Шукшина – непримиримое отношение к культу материальной выгоды, обывательской психологии, той социальной болезни, развитие которой он все больше замечал вокруг себя. Всем своим творчеством Василий Макарович как бы предупреждал и своих современников, и будущие поколения о нарастающей угрозе культурной деградации и одичания, произрастающей из меркантилизма и индивидуализма.

Что же касается истолкования Шукшиным лирического отступления в финале «Мертвых душ», по мнению ряда исследователей, писатель напрямую примеряет его образ к окружающей его реальности. Являясь выразителем самого духа эпохи, Шукшин, конечно, более чутко воспринимал те тенденции в социальной жизни, которые многие современники

не замечали или не видели в них серьезной нравственной проблемы. И действительно, с одной стороны, стремительность русской тройки символизирует новые возможности развития, энергичное движения в прекрасное будущее, однако, с другой стороны, в тройке появляются и пытаются ею править современные Чичиковы, – по сути, безнравственные личности, воры и преступники. К сожалению, вопрос, на котором «забуксовал» герой рассказа, остается и поныне открытым и остро звучащим в современном этическом и интеллектуальном дискурсе. «Маленький человек», чудик, Роман Звягин, выходя за пределы своего маленького «эго», вырастает в зрелую личность, подлинную индивидуальность, которую прежде своих личных проблем, волнуют вопросы судьбы страны, необходимости для каждого человека нравственного выбора, чтобы Чичиковы больше не правили русской птицей-тройкой, чтобы сбылись надежды на светлое будущее России.

Библиографический список

1. Вэньфэй Лю. Как русская литература сформировала русскую общественную мысль [Электронный ресурс] URL: <https://inosmi.ru/russia/20130520/209163627.html>

2. Глушаков П.С. Тема «Шукшин и Гоголь» в исследованиях последних лет (к интерпретации рассказа «Забуксовал») // *Przegled Rusycystyczny*. 2011. № 1 (133).

3. Зубова О.В. Особенности истолкования рассказа В. М. Шукшина «Забуксовал» в литературоведении и кинематографе // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия «Русская филология». 2014. № 2.

4. Сигов В.К. Русская идея В.М. Шукшина: концепция народного характера и национальной судьбы в прозе. М., 1999.

5. Спиридонов В.Н. В «защиту» Русской Тройки // *Дружба-3*. Слово и образ в художественной литературе: третий совмест. сб. науч. ст. фак. рус. филологии Моск. гос. обл. ун-та и каф. русистики и лингводидактики пед. фак. Карлова унта в Праге / ред.-сост.: Л.Ф. Алексеева, Радка Гржибкова М., 2003.

6. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 3: Повести; Рассказы. М., 2005.

Н.С. Флаот

Проблема соотношения концепций евразийства и русского мира во внешней политике России на современном этапе

В условиях установления многополярного мира для России, вышедшей из кризиса 1990-х гг., возникла необходимость сформулировать новую и амбициозную внешнеполитическую концепцию. В этой связи возобновился интерес к дореволюционным политико-философским течениям, определявшим место и роль России в мировой истории. Наиболее популярными на сегодняшний день являются концепции евразийства и русского мира, нашедшие свое отражение в Концепции внешней политики РФ, программах общественно-политических движений и масштабных экономических проектах. Интерес представляют соотношение данных идейных течений, общие и конфликтные положения и перспективы их применения во внешней политике России на современном этапе.

Евразийство как направление политической мысли появилось в 20-е гг. XX в. в среде русской эмиграции, воспринимавшей революционные события как глобальную катастрофу для России. Во многом евразийство стало реакцией на разочарование Западом. Россия, в этой связи, выступала как особый культурный и этнографический мир, занимающий срединное пространство Европы и Азии. Центральная задача России – отстаивание самобытных основ российской истории и культуры, вобравших в себя черты Запада и Востока [1, с. 270-271]. При этом культуру евразийцы понимали как сложный комплекс взаимосвязи менталитета, духовной жизни, географической среды, этнического состава и экономико-политического развития.

По мнению П. Савицкого, Россия-Евразия является центром Старого Света, держащим за счет своего особого положения все остальные государства материка вместе. Такая стабильная структура России-Евразии обусловлена следующими обстоятельствами: 1) широко растянувшиеся природно-климатические зоны не благоприятствуют политическому,

культурному, экономическому или иному сепаратизму, поскольку для слаженного ведения хозяйства необходимо сильное, централизованное управление [2]; 2) политическое единство стран Евразии, обусловленное общим прошлым – империей Чингисхана; 3) этническая основа евразийского мира – симбиоз славянского и туранского элементов, объединенных чертами устойчивости и консерватизма [1, с. 272].

Неоевразийство, возникшее в 1980-90-х гг., актуализировало идеи классического евразийства. На этой волне стали создаваться различные общественно-политические организации, предлагавшие собственные проекты политической организации евразийского пространства и отстаивания суверенитета и уникальности России в условиях глобализации: 2001 г. – учредительный съезд ОПОД «Евразия», 2003 г. – Международное Евразийское движение, 2005 г. – Евразийский союз молодежи и др.

Согласно концепциям классических и новых евразийцев, Россия, благодаря особому географическому положению и историческому прошлому, претендует на лидирующие позиции на евразийском пространстве. В условиях конфликта с коллективным Западом внешняя политика нашей страны должна быть направлена на установление партнерских отношений с государствами не только Европы, но и Азии, в частности с Индией и Китаем. Эти положения закреплены в Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. Документ впервые закрепил ориентацию внешней политики страны на Восток. Так, Россия уделяет «особое внимание деятельности организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов в Евразии», считает «ключевой задачей углубления и расширения интеграции в рамках ЕАЭС», настроена на формирование открытого пространства совместного развития государств-членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС [3].

Концепция русского мира не столь категорична в определении пространственных границ российского международного влияния. Несмотря на долгий исторический путь, она остается весьма размытой. Русский мир – сетевая структура сообществ, думающих и говорящих на русском языке,

исповедующих православие или имеющих опыт принадлежности к Российской империи или СССР. Это ресурс российской «мягкой силы», использующий инструменты общественной дипломатии и гуманитарного сотрудничества, в частности, по вопросам распространения русского языка, русской культуры, истории и ценностей. Отметим также, что православная вера является частью европейской цивилизации, а русский язык наиболее близок к украинскому и белорусскому языкам, следовательно, вектор «русского мира» в большей степени обращен на западные страны [4].

Для реализации данной концепции руководством страны создан ряд организаций, таких как Россотрудничество (2008 г.), Фонд «Русский мир», (2007 г.), Фонд развития публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (2010 г.) и др. В работе Россотрудничества особое место занимает распространение идей евразийской интеграции среди зарубежной общественности [5, с. 36]. Однако процесс концептуализации понятия «русский мир» до сих пор не завершен, а разлад в отношениях с Украиной и Беларусью ставит существование самой идеи под вопрос.

И русский мир, и евразийство акцентируют внимание на особом историческом пути России и ее уникальности, в связи с чем данные концепции нередко смешивают. Теоретически они могут дополнять друг друга, ведь с одной стороны, евразийство – конкретный геополитический проект, продолжающий дело русского мира по освоению Евразии [4]. С другой – русский мир может стать культурной составляющей евразийского проекта интеграции, целью которой станет популяризация и сохранение русской культуры.

Однако противоречия между концепциями более существенны. В первую очередь, они имеют разную природу, ведь русский мир – «мягкая сила», нацеленная на общество, а евразийство – план экономического и стратегического развития стран Евразии, обращенный к правительствам государств. Русский мир поддерживает распространение православных ценностей как важного элемента русской идентичности, что противоречит идеям евразийства о поликонфессиональности и полиэтничности. Противопоставляет концепции и понимание

отношений с таким союзником, как Китай. Для русского мира, испытывающего демографический кризис, это серьезная угроза, однако для евразийства – выгодный экономический и геополитический партнер [6]. В целом, можно сказать, что для русского мира евразийская интеграция – угроза для России потерять свою «самость».

России необходимо увеличивать свое культурное влияние в Евразии за счет инструментов «русского мира», однако следует отходить от патерналистского отношения к евразийским партнерам и налаживать равноправное сотрудничество. У Российской Федерации есть большой потенциал в данном направлении. В отличие от Китая и США, конкурирующих на евразийском пространстве в сфере распространения своих ценностей и моделей общественного развития, Россия имеет большой опыт сотрудничества со странами Азии и долгое время оказывает необходимую им экономическую и политическую поддержку [5, с. 39-40].

Однако для того, чтобы занять лидирующее положение на евразийском пространстве и не попасть под влияние усилившегося Китая, России необходимо выработать эффективную социально-экономическую программу, а также найти компромисс между концепциями русского мира и евразийства, ставшими частью ее внешнеполитического курса.

Библиографический список

1. Плаксенко А.А. Россия-Евразия как особый культурно-географический мир в теоретическом наследии классического евразийства // Мир науки, культуры, образования. 2014. №1 (44).
2. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. Прага, 1933. [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm>
3. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>
4. Дзермант А. Русский мир и Евразийский союз. Почему между ними нет противоречий // Однако. 2014. 12 сентября.

5. Агеева В.Д. Российская «Мягкая сила» и ЕАЭС: в поиске ценностного измерения евразийской интеграции // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. №3.

6. Марлен Ларюэль: Русский мир. Мягкая сила России и геополитическое воображение // САА Network. 2015. 9 июня.

А.И. Леханов

Влияние евразийской идеи на научно-философское самосознание России

Евразийство, или евразийская идея, – философско-политическое направление, рассматривающее Россию как особый социокультурный мир. Россия находится на границе восточного и западного миров и осуществляет культурный синтез этих начал [1].

Основной идеей евразийства является представление о России как об особом цивилизационном образовании. П.Н. Савицкий вводит такое понятие как «срединность», то есть особая духовно-политическая реальность. Компиляция арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества, православной традиции создает «срединное» образование и представляет собой синтез мировой истории [3]. Культура России не является ни полностью европейской, ни одной из азиатских. В ней нет механического соединения той и другой.

Помимо определения особого места российской культуры среди других культур последователи евразийской идеи занимались разработкой концепций будущего России. Множество точек зрения по поводу пути дальнейшего развития страны послужило одной из причин внутренней дифференциации идеологии евразийства, а в некоторых случаях и перехода его сторонников на жесткие политические позиции борьбы с советским строем. Таким образом, формировалась система взглядов, в основе которой лежал комплексный подход. Впервые евразийская идея была озвучена в начале 20-х гг. XX в. Петром Николаевичем Савицким и Николаем Сергеевичем Трубецким. Примечательным является то, что все авторы классического евразийства находились в момент его разработки

за рубежом. Первоначально данная концепция получила свое распространение в Чехии, Германии, Франции. Особое внимание уделялось проведению конференций в Праге, Париже, Берлине и Софии, и публикации сборника «Евразийский временник» [2]. К концу 1930-х гг. активность евразийцев снижается, некоторые родоначальники идеологии отказываются от участия в деятельности евразийских клубов, так как другие члены этих клубов были приверженцами революционных идей. По причине непризнания самостоятельного статуса политической науки в Советском Союзе, работы евразийцев носили научно-исследовательский характер и не содержали прикладных политических аспектов. Новая волна евразийства появляется в 80-е гг. XX в. в связи с творчеством Л.Н. Гумилёва и А. Дугина.

Основной задачей евразийства как научно-философской концепции было создание научного мировоззрения, критически настроенного по отношению к Европе. Особенностью русского самосознания, с точки зрения евразийцев, является введение в область гуманитарного знания географии, которая до этого времени практически не связывалась с проблемой самоопределения народа. Так, евразийцы первыми предложили углубленный вариант размышлений о непохожести России на Европу и о роли географического фактора в национальном сознании.

Евразийцы выступали против повсеместного распространения и возведения в ранг общемировой романо-германской культуры. Последователи евразийской идеи противопоставляли европейскому универсальному гуманизму идею органического единства Евразии [4]. Евразийцы воспринимали Европу как пространство без какого-либо внутреннего разнообразия, которое ассоциируется лишь с романо-германскими народностями. Европейская идентичность выражается в шовинизме и космополитизме.

Для обозначения непохожести своей цивилизации на европейскую евразийцам необходимо было переосмысление нашей истории, в частности, пересмотр исторического значения монгольского ига. Евразийство призывало Россию развивать собственное научное знание о монгольской эпохе для того,

чтобы избавиться от влияния Запада. Идеологами евразийства делается вывод о том, что монгольская история оказывает влияние не только на российскую историю, но и на мировую.

Помимо оценки влияния монгольского ига на историю России, евразийцы также пересматривают концепцию происхождения российской государственности от Киевской Руси. В связи с набегами печенегов и других кочевников Киевская Русь была подвержена разложению в виде постоянных междоусобиц и войн. На основании вышесказанного евразийцы делают вывод о том, что предшественницей России является не Киевская Русь, а монгольская держава. Таким образом, евразийская идея повлияла на формирование исторической науки в современной России, послужила стимулом для рассмотрения отечественной истории с альтернативных точек зрения.

Помимо влияния евразийства на историческую науку, евразийская система идей стала источником геополитической науки в России. Идея «месторазвития» как взаимосвязи территории и культуры, человека и природы рассматривалась евразийскими идеологами. В ней просматривается определенный географический детерминизм евразийцев. Территория влияет на население, сплетает его вместе и создает определенную общность.

Евразийцы говорят о предопределенности внутренних законов развития евразийского пространства, действие которых приведет географию, политику, а также историю к одной и той же цели. Территориальное, политическое, экономическое и языковое единство имеют смысл только при реализации особого положения России.

Таким образом, идеи евразийства повлияли на формирование нового научно-философского сознания через изменение взгляда на собственную историю. На основе полученных новых смыслов истории страны евразийская идеология порождает и новые географические, политические и духовные положения в системе научного знания. Евразийство, в целом, позволило определить свое, особое место России между западным и восточным мирами.

Библиографический список

1. Очирова Т. Геополитическая концепция евразийства // *Общественные науки и современность*. 1994. №1.
2. Орлик И.И. Евразийская идея: возникновение и эволюция // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2010. №4.
3. Дугин А. Основы геополитики. М., 2000.
4. Голенкова З.Т., Еремеев А.Е. Идеология евразийства: между Востоком и Западом // *Общество и право*. 2006. №4 (14).

М.А. Широкова, А.И. Леханов

Культурный фактор формирования российского национального самосознания

Национальное самосознание народов России находится в состоянии своеобразной маргинальности. Любое проявление национального самосознания обнаруживает несбалансированность между традиционным и новым, поскольку прежние характеристики самосознания существенно изменились, а новые еще не закрепились. Так как культура является одним из наиболее динамичных аспектов общества, необходимость ее изучения наиболее ярко выражена.

Для того чтобы узнать, какое влияние оказывает культурный фактор на самосознание, первое, что необходимо сделать – дать определение самосознания. Оно может быть двух типов: этническое самосознание личности и этническое самосознание общности. (Прилагательное «национальное» используется в данном контексте как образованное от термина «нация» и может определяться как синонимичное с прилагательным «этническое»). Этническое самосознание личности – это осознание принадлежности человека к какой-либо этнической общности. Критериями идентификации общности являются как раз культурные факторы, о которых речь пойдет ниже.

Культурные факторы необходимо отделять от исторических, политических и т.д., что зачастую бывает достаточно трудно. В частности, литература может быть как культурным фактором, т.е. показателем духовной составляющей этнической общности,

так и историческим, например, мемуары или историческая литература. К культурным факторам относятся: язык, традиции, национальная (внешняя) идентичность, обычаи (быт людей).

Язык, как культурный фактор национального самосознания, играет достаточно большую роль в консолидации этнической общности. Он является инструментом коммуникации между членами этнической общности, при помощи него создается субъективная картина этноса, т.к. язык является формой выражения сознания каждого индивида, а из индивидуальных сознаний складывается сознание национальное. В России язык играет особую роль. На территории страны проживает множество различных этносов. Русский язык выступает в роли государственного языка, это означает не только его использование в работе всех государственных органов, но и его функцию в качестве связующего звена между многочисленными народами. Происходит обмен ценностями, традициями и т.д., что способствует формированию нации.

Для того чтобы рассмотреть влияние традиций и обычаев на формирование российского национального самосознания, необходимо спуститься на уровень регионов. По мнению Ю.М. Беспаловой, региональная культура – это «особый мир, с одной стороны, уединенный, замкнутый, заикленный на повседневности, стремлении сохранить определенный иммунитет к нововведениям. Региональная культура порой плохо восприимчива к инновациям, чужим ценностям, тяготеет к своеобразному преломлению ценностных систем. С другой стороны, это открытая культура, стремящаяся вовне к диалогу с другими культурами, постоянному приращению ценностного богатства. Региональная культура обращена как вовнутрь, так и вовне себя. Это культура, чувствующая одновременно и внутреннюю исключительность, и в то же время неполноценность по отношению ко всему остальному миру. Это и кладезь духовности, и основа российского бескультурья, вандализма, безнравственности, которые вызваны отходом от одной культурной среды и „не вхождением” в другую»[1].

В России традиции и быт на региональном уровне играют большую роль по уже указанной причине – в связи с наличием множества этносов, проживающих на территории государства.

Как говорилось выше, это одновременно может быть как консолидирующим фактором, создающим условия для культурного обмена между этническими общностями, формирующим определенное российское национальное самосознание, так одновременно и фактором, который будет выступать причиной национальной розни, из-за закрытости некоторых этносов. Так, в результате тесного общения с русскими, среди представителей мордовского этноса издавна началось развитие ассимиляционных процессов. Мордва сравнительно легко принимала христианскую веру, ибо в ее религии находились аналоги христианским представлениям о боге. Татары же, в первую очередь из-за приверженности к мусульманству, почти не подверглись обрусению. Ими воспринималась не столько русская этническая культура, сколько культура европейская, с которой они знакомились через русскую городскую культуру.

Культура российской нации есть некое пространство, которое постоянно меняется, насыщается новыми идеями, ценностями за счет тесного взаимодействия между этническими общностями, проживающими на территории государства, что является фактором их сближения, диалогом между культурами общностей [2]. Таким образом, культура выступает инструментом межэтнической интеграции. Язык, традиции и быт выполняют преимущественно консолидирующую роль в формировании российского национального самосознания.

Библиографический список

1. Беспалова Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения: тезисы докладов, сообщений научно-практической конференции / под ред. Н.В. Яблонского. Тюмень, 1999.

2. Широкова М.А. Русская идея как категория национального самосознания и ее нравственные характеристики // Проблемы и перспективы евразийской экономической интеграции: сб. ст. из материалов Евразийского научного форума 24 ноября 2016 г. / Общ. научн. ред. М.Ю. Спириной. Часть III. СПб., 2017

СЕКЦИЯ 2

Культурное взаимодействие и миграционные процессы на территории Евразии

К.Н. Солодовников

Место населения неолита Алтая в популяционно-антропологической структуре Евразии

В исследовании вопросов происхождения и родства древних и современных народов, автохтонного развития, масштабов и направления миграций большое значение имеют данные физической антропологии, получившей развитие на территории российского научного пространства начиная с XIX в. в рамках т.н. «анучинской триады» по имени профессора МГУ Д.Н. Анучина. Последняя представляет собой комплекс дисциплин, направленных на реконструкцию этногенетических и этноисторических процессов (археология, антропология и этнография). Отечественными антропологами исследуются преимущественно народы Северной Евразии, где происходит взаимодействие популяции европеоидного и монголоидного расовых стволов, поэтому по сравнению с западной наукой методический аппарат совершенствовался в данном направлении. Изучение палеоантропологических коллекций по унифицированным методикам (краниометрия – исследование черепа) и поныне позволяет более детально исследовать многие проблемы этногенеза древнего населения, чем активно развивающаяся в настоящее время палеогенетика.

На территории Алтая древнейшие серийные палеоантропологические материалы представляют население периода неолита (VI-IV тыс. до н.э.). Его антропологический тип на основании нескольких краниологических серий и отдельных находок характеризуется как европеоидно-монголоидный или монголоидно-европеоидный. Эти различия в выраженности расовых особенностей позволяли определять

протоевропейский антропологический тип на некоторых черепах из погребений с территории Новосибирско-Каменского Приобья, и выявлять на краниологических материалах из северных предгорий Алтая более монголоидный тип, связанный происхождением с восточными территориями Прибайкалья [1].

В настоящее время физические особенности неолитического населения Южной и Западной Сибири, и Алтая в частности, связываются с несколькими антропологическими общностями. Т.А. Чикишевой предложена концепция формирования слабо дифференцированных с позиции традиционной расовой систематики северной евразийской и южной евразийской антропологических формаций [2]. Их популяции характеризуются фенотипической европеоидно-монголоидной промежуточностью в морфологии лицевого отдела, и различаются главным образом строением мозговой коробки. При этом на территории Западной Сибири расположены юго-восточные окраины северной евразийской формации (Северная Бараба), чей ареал огромен, и охватывал лесную зону Восточной Европы вплоть до Поонежья, Белого моря, Карелии и Прибалтики. Ареал южной евразийской формации связан со степными и горно-степными областями центра Евразии, и в неолите-энеолите маркируется на западе краниологическими находками из могильника Тумек-Кичиджик кельтиминарской культуры Приаралья, на севере – из могильника Солонцы V, Нижнетыткескенской I и Каминной пещер на Алтае, а на востоке – материалами из могильников Красноярско-Канской лесостепи [2].

Изучение краниологических материалов нео-энеолитических погребений Среднего Прииртышья позволило уточнить границы ареалов этих двух крупных расо-генетических общностей на территории Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана. Они связаны с лесостепной и степной зонами, близ пограничья которых в Обь-Иртышье происходило взаимодействие носителей физических черт двух антропологических формаций древнего населения Евразии. Учитывая антропологическое сходство нео-энеолитических групп лесостепи Западной Сибири от Тоболо-Ишимья до Кузнецкой котловины, а также их общее отличие от большинства восточно-европейских мезолитических

и нео-энеолитических популяций, предлагается отказаться от термина «северная евразийская антропологическая формация» применительно к совокупности краниологических материалов с территории лесной полосы Восточной Европы и лесостепных районов Западной Сибири [3]. В отношении палеоантропологических материалов западносибирской лесостепи следует вернуться к термину В.В. Бунака «древняя протоазиатская формация». Ее морфологической и расо-генетической основой является специфический комплекс признаков, являющийся предковым для западносибирской расы. Западносибирская раса, к которой принадлежат современные урало- и тюркоязычные народы Западной Сибири, сформировалась, во-многом, в результате консервации протоморфных недифференцированных черт в условиях относительной географической изоляции [4], чему соответствует значительная межгрупповая изменчивость краниологических серий неолита-энеолита западносибирской лесостепи. Также следует отметить определенное антропологическое сходство некоторых лесостепных неолитических групп Западной Сибири с древними популяциями лесостепного Волго-Уралья.

Картину антропологической дифференциации древнего населения срединных областей Евразии дополняет влияние третьего, также неконсолидированного краниологического комплекса, но с преобладанием монголоидной специфики – «палеосибирского», характеризующего неолитическое население Прибайкалья [2, с. 53-60]. Морфологические особенности этого антропологического типа восточно-сибирского происхождения фиксируются на антропологических материалах неолита-энеолита северных предгорий Алтае-Саян [1–4]. Судя по краниологическим находкам периода неолита с территории Северной Монголии из могильников Харуулын гозгор и Марзын хутул (неопубликованные измерения автора, автор раскопок Идэрхангай Т.-О.), ареал популяций прибайкальского антропологического облика охватывал и южные предгорья Южной Сибири. Вероятно, это непосредственно повлияло на физический тип населения последующего исторического периода, что фиксируется по краниологическим материалам ранней бронзы из могильников елунинской культуры южной

части Обь-Иртышского междуречья и погребений чемурчекской культуры высокогорных районов Монгольского Алтая [5].

Взаимодействие трех групп популяций срединных областей Евразии определило физический облик неолитического населения Алтая, что выявляется при исследовании новых краниологических материалов из неолитических могильников Фирсово XI, XIV и Чумыш-Пережат I в правобережных районах Верхней Оби. Спецификой алтайского региона является наложение ареалов трех крупных антропологических общностей, – «южной евразийской» и «протоазиатской» формаций, а также «палеосибирского» антропологического типа – обнаруживающих параллелизм с распространением ландшафтных зон Евразии. Однако наибольшее совпадение прослеживается с флористическим районированием по А. Л. Тахтаджяну [6]. Ареал «протоазиатской» формации совпадает с меридиональными границами Западно-Сибирской провинцией Циркумбореальной области Бореального подцарства Голарктического флористического царства. Ареал популяций «палеосибирского» типа соответствует территории Среднесибирской флористической провинции, а «южной евразийской» антропологической формации – Алтае-Саянской флористической провинцией вместе с соседними территориями Западно-Сибирской провинции и семиаридными ландшафтами северной части Ирано-Туранской области Древнесредиземноморского подцарства. Соответствует и характер взаимовлияния соседних флористических провинций с антропологической дифференциацией и степенью морфологической контрастности древних популяций Алтая и соседних регионов. Так, во флористическом отношении границы Среднесибирской провинции очень смазаны для западной части, а граница Алтае-Саянской провинции более резкая, особенно на севере. Также констатировано проникновение Восточно-Европейской провинций в ареал Западно-Сибирской, флора лесостепи которой носит смешанный европейско-сибирский характер [6]. С учетом присваивающего характера хозяйства неолитического населения центральных регионов Евразии, значительной детерминированности культурных комплексов древнейших эпох экологическими факторами, связи биологических и социальных

общностей через территории на которой они формируются, данные наблюдения находятся в соответствии с концепцией антропогеоценозов В.П. Алексеева [7]. Взаимодействие популяций основных антропологических общностей автохтонного населения периода неолита центральных регионов Евразии резко отличается от последующих миграций эпохи бронзы, стремительных по историческому и трансевразийских по территориальному масштабу, и часто приводивших к смене антропологического покрова на обширных пространствах Евразии.

Библиографический список

1. Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997.
2. Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск, 2012.
3. Багашёв А.Н., Солодовников К.Н. Краниологические материалы неолита-энеолита Среднего Прииртышья в связи с вопросами формирования антропологических общностей древнего населения центральных областей Северной Евразии // «В этой связи...»: Сборник статей к юбилею Маргариты Михайловны Герасимовой. М., 2019.
4. Багашёв А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск, 2017.
5. Ковалев А.А., Солодовников К.Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А.И., Зубова А.В. Палеоантропологическое изучение черепа погребенного в захоронении на чемурчекском святилище Хулагаш (Баян-Ульгийский аймак Монголии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48).
6. Тахтаджян А. Л. Флористическое деление суши // Жизнь растений. Т. 1. Введение. Бактерии и актиномицеты. М. 1974.
7. Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №18-59-94020)

А.В. Фрибус
**Сателлитные поселения Гонурского оазиса
в контексте степных древностей дельты Мургаба**

Первые находки керамики степного облика в древней дельте Мургаба были сделаны еще в первой половине XX столетия [1]. С началом планомерных исследований древнеземледельческих оазисов количество известных материалов значительно возросло. Они были представлены сборами с развешанных стоянок либо немногочисленными находками непосредственно на территории древнеземледельческих поселений Гонур депе, Аучин, Аджи-куи, Таип, Тахирбай, Тоголок и др. [2, 3 и др.].

В начале 1990-х гг. совместной группой туркменских, российских и итальянских специалистов были начаты работы по составлению археологической карты дельты Мургаба (AMMD project). Реализация этого масштабного проекта заняла почти 15 лет (1990–2005) [4]. В процессе исследований появились новые находки керамики «степного» облика, а также были обнаружены многочисленные следы сателлитных поселений, временных стоянок подвижных скотоводов в непосредственной близости от протогородских центров древних земледельцев. Новые материалы позволили вновь обратиться к вопросу о характере взаимодействия групп скотоводческого и земледельческого населения.

Анализируя материалы исследований стоянок подвижных скотоводов в древней дельте Мургаба, итальянские коллеги пришли к выводу о тесном взаимовлиянии земледельческого и скотоводческого населения в экономике, технологиях и идеологической сфере. Было предложено несколько моделей такого взаимодействия.

Первая модель представлена материалами временного лагеря скотоводов на Аджи-куи. Здесь стоянка располагалась в непосредственной близости от городских стен Аджи-куи 1, а полученные датировки (2210 – 1960 г. до н.э.) позволяют говорить о том, что земледельческая и скотоводческая общины существовали одновременно. По мнению авторов, сохраняя специфику, мобильные скотоводы многое заимствовали у земледельцев [5, р. 678-680]. Лагерь скотоводов в Аджи-куи

может считаться одним из первых свидетельств раннего проникновения степных скотоводов в дельту Мургаба.

Иную модель взаимодействия демонстрируют материалы северного холма Тоголок 1 (1880-1620 до н.э.). Работы 1980-х гг. показали, что это один из значительных протогородских центров БМАК [3]. В верхних слоях здесь обнаружены слои с преобладанием «скотоводческой керамики». Таким образом, стоянка мобильных скотоводов появилась в то время, когда земледельческий центр перестал функционировать или был частично оставлен земледельческой общиной. В данном случае механизм контактов не прослеживается, однако в материалах памятника присутствуют окультуренные злаки, а также многочисленные предметы, связанные с БМАК, в частности украшения, каменные сосуды, печати, амулеты и антропоморфная пластика [5, р. 680-681]. Таким образом, если признать эти слои памятника относящимися исключительно к культуре скотоводов, влияние на них земледельческой культуры было значительным.

Третья модель базируется на материалах наиболее полно и комплексно исследованного памятника – Оджаклы. Эта стоянка расположена изолированно, вдалеке от известных протогородских центров, здесь выявлена жилая зона и участки, на которых было сконцентрировано керамическое производство. На памятнике исследованы двухкамерные печи, близкие по конструкции, но отличающиеся по форме от печей, широко распространенных на поселениях БМАК. Наличие таких печей трудно объяснить, так как в слое абсолютно преобладает лепная, плохо обожженная керамика. Таким образом, Оджаклы демонстрирует специфические формы товарообмена между оседлыми и скотоводческими группами, по всей видимости, нерегулярного и непродолжительного, а также заимствование технологий и представлений, связанных с ними.

Наконец, последняя модель базируется на материалах поселения Чопантам. Так же как и Оджаклы, этот памятник изолирован, расположен на значительном расстоянии от протогородских центров БМАК. Кроме того, это самый поздний и самый южный в долине Мургаба памятник, связанный с присутствием скотоводческих групп. Здесь преобладает лепная

керамика, однако присутствует значительное количество посуды типичной для БМАК, сделанной на круге. Среди материалов зафиксированы ямы для хранения зерна, остатки культурных злаков и даже зернотерки. По мнению авторов раскопок, община, обитавшая здесь, наряду со скотоводством могла заниматься и земледелием [5, p.683-684]. По сути дела, такая модель может быть интерпретирована, как «оседание» скотоводов на землю, интеграция оседлых и подвижных групп, при сохранении базиса традиционной культуры.

Таким образом, представленные модели демонстрируют сложный и нелинейный процесс взаимодействия между земледельческими сообществами и мобильными группами скотоводов в древней дельте Мургаба. Кроме того, можно выделить и определенные хронологические фазы, связанные с изменением стратегий таких связей. Определенными маркерами скотоводческой традиции могут служить отсутствие сырцовой архитектуры, доминирование лепной керамики с примесью шамота, состав стада. С другой стороны, на большинстве поселений присутствуют следы земледелия, окультуренные злаки. Вероятно, проникавшие с севера скотоводческие сообщества заимствовали у жителей протогородских центров некоторые технологии, идеи и предметы материальной культуры, сохраняя в той или иной степени основы собственной идентичности.

Археологические комплексы Гонурского оазиса являются прекрасной площадкой для верификации моделей, выделенных итальянскими коллегами. Гонур-депе – самый большой и хорошо исследованный протогородской центр БМАК.

В 2010-2011 гг. в результате проведения разведочных работ стало ясно, что центральная часть Гонур-Депе окружена многочисленными сателлитными поселениями сельского типа, которые располагаются на расстоянии пешей доступности от основного комплекса. Р.М. Сатаевым и В.В. Куфтериним было выявлено более 20 таких объектов. Все они представляли собой невысокие холмы вытянутой формы, на поверхности которых фиксировались россыпи характерной керамики. Также были зафиксированы и другие объекты – остатки сырцовой архитектуры и керамических печей. На двух таких поселениях,

которые были обозначены как Гонур 20 и Гонур 21, были проведены раскопки. В ходе исследований стало ясно, что поселки имели разную структуру и, возможно, различную специализацию.

На раскопе 1 Гонура 20 было исследовано 2 керамические печи, 12 помещений, образующих небольшой квартал, поминальники и 10 погребений людей и животных. На раскопе 2 была выявлена более сложная архитектура. Здесь были исследованы жилые помещения, которые образуют 4 квартала, поминальники и более 50 погребений людей и животных, которые в основном располагались в центральной части памятника. Следует обратить внимание, что с Гонура 20 происходят находки керамики «степного облика», а также здесь обнаружены конструкции, которые можно считать необычными для БМАК [6, с. 39-43].

Речь идет о полуземлянках и навесах, которые представляли собой, по всей видимости, производственные зоны. Одно из таких сооружений представляло собой прямоугольное помещение, углубленное в материк на 30 см с входом, оформленным в виде пандуса. Внутри находились хозяйственные ямы, заполненные золой. Вдоль стен котлована прослежены столбовые ямки. Подобная постройка могла представлять собой навес либо легкую каркасно-столбовую конструкцию, со стенами, плетеными из прутьев и глиняной обмазкой. Подобные конструкции известны в андроновском ареале.

Гонур 21 представляет собой своеобразную небольшую укрепленную усадьбу. Центральный участок, где располагались помещения, имел подпрямоугольную планировку и был обнесен довольно мощной (до 1,5 м.) стеной, имевшей проход с северной стороны. Кроме того, здесь исследован небольшой могильник, состоящий из 11 погребений, некоторые из которых имели довольно сложную структуру, напоминающую в упрощенном виде устройство гробниц «царского некрополя» Гонур-депе [6, с. 43-44]. Приведенные примеры показывают, что сателлитные поселения Гонурского оазиса имеют разную структуру и предназначение.

Библиографический список

1. Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.
2. Сарияниди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА, 1975. №2.
3. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. / отв. ред. А.А. Росляков. Ашхабад, 1990.
4. M. Cattani, B. Cerassetti, S. Salvatori and M. Tosi The Murgab Delta in Central Asia 1990-2001: the GIS from Research Resource to a Reasoning Tool for the Study of Settlement Change in Long Term Fluctuation // The Archaeological map of the Murhab Delta Studies and Reports. Vol II. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands. BAR International Series, 2008.
5. Lynne M. Rouse & Barbara Cerasetti Mixing metaphors: sedentary-mobile interactions and local-global connections in prehistoric Turkmenistan // Antiquity 92363 (2018), 674-689. DOI: 10.15184/aqu2018.88
6. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 4. Исследования Гонур-Депе 2008-2011 гг./ глав. ред. В.И. Сарияниди М., 2012.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-40082)

А.М. Илюшин

Влияние миграций в Центральной и Северной Евразии в период развитого средневековья на процесс формирования современных этносов этого региона

Период развитого средневековья характеризуется началом процесса формирования современных этносов на евразийском континенте. Эта особенность исторического периода была характерна и для территорий Центральной и Северной Евразии.

Одной из важнейших причин, обусловившей начало процесса сложения современных этносов в этом евразийском ареале, являются многочисленные миграции населения в предмонгольский (кыпчакский) и монгольский период. К числу территорий, где наиболее активно протекали эти процессы в XI–XIV вв., относятся горностепные долины Саяно-Алтая и его северная периферия со степными, лесостепными, южно-таежными и смешанными в различных комбинациях ландшафтами. Разнообразие ландшафтов позволяло мигрантам быстро освоиться на новых территориях с внесением небольших изменений в свой традиционный хозяйственный уклад и способствовало комфортной адаптации пришлых этнических групп на новых территориях. В пользу этого тезиса свидетельствуют данные письменных источников, этнографические и археологические материалы.

В качестве примера, иллюстрирующего эти процессы, используем данные о малых коренных этносах Кузбасса – шорцах и телеузах. Эти этносы сложились лишь в начале XX в., при активном участии советской власти. При этом в составе этих малых коренных народов сохранились родовые (сеоки) названия, многие из которых известны в письменных источниках, описывающих их в древности и средневековье, когда они проживали на других территориях и были крупными племенными объединениями на просторах Центральной и Северной Азии. Не вдаваясь в этимологию отдельных этнонимов, назовем наиболее крупные, о которых писали средневековые авторы. Среди них можно упомянуть такие как: кый (кой или каи), куманды, сары (сара), меркит, тумат, кыпчак, куштеми и др. [1; 2; 3; 4; и др.]. Этнические группы с этими этнонимами известны у многих тюркоязычных народов Евразии и понятно, что попасть в различные уголки континента и даже за его пределы для них было возможно только в результате миграций.

О том, что миграции происходили особенно активно в период развитого средневековья, свидетельствуют письменные источники, описывающие геополитическую и этническую историю Центральной и Северной Азии. В начале этого времени активно менялись этнические лидеры на «политическом

олимпе» и формировалась монгольская государственность, вытесняя из Монголии на периферию Саяно-Алтая многочисленные тюркоязычные и монголоязычные племена. А в процессе становления монгольской империи активно использовалась практика переселения многих потенциально враждебных племен, а также перемещения этнических групп по военной или экономической необходимости на огромные расстояния для решения повседневных государственных нужд. После распада монгольской империи на отдельные государства и ослабления контроля над бывшими переселенцами многие из них вернулись на свою «родину», но отдельные рода (сеоки) и большие семьи (тёли) остались на новых землях, ставших для них родными.

Об активных миграционных процессах в развитом средневековье на территории Центральной и Северной Азии свидетельствуют многочисленные археологические материалы. Обобщив опыт исследования археологических объектов периода развитого средневековья на территории Кузнецкой котловины и исследовав процессы миграций [5, с. 147–149; 6, с. 222–226; 7, с. 126–131; и др.], к числу таких свидетельств мы можем отнести ряд фактов. Во-первых, это значительное количество по сравнению с предыдущим периодом небольших по числу объектов погребальных памятников, как правило, курганных групп и одиночных курганов. Даже на крупных могильниках фиксируются отдельно стоящие цепочки или одиночные курганы. Кроме этого, конструктивные особенности погребальных сооружений свидетельствует об их новизне. Во-вторых, наблюдается большое разнообразие способов захоронения, даже в пределах небольших погребальных памятников. Это указывает на смешанный состав населения, соорудившего эти объекты, и на наличие начальной фазы взаимной этнической аккультурации. В-третьих, синхронные погребальные памятники развитого средневековья, при системной классификации элементов погребального обряда и инвентаря и сравнении их между собой по количественному критерию, показывают низкий процент сходства (ниже 50%), что указывает на их разные культурные истоки. В-четвертых, на отдельных поселениях фиксируется не характерная прежде

форма ведения хозяйства – коневодство, и, видимо, земледелие. Несмотря на природно-экологические условия проживания, население на этих территориях выработало традиционно комплексный подход к ведению хозяйства.

Таким образом, совокупность данных свидетельствует о том, что миграционные процессы развитого средневековья стимулировали процессы начала формирования многих современных малочисленных этносов в Центральной и Северной Евразии, и ныне проживающих на этих территориях.

Библиографический список

1. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989.
2. Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово, 1989.
3. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: истори-ко-этнографическое исследование // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVIII: Телеуты. М., 1993.
4. Батьянова Е.П. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI в. М., 2007.
5. Илюшин А.М. К вопросу о тюркской миграции на территорию Кузнецкой котловины в эпоху средневековья // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье: Тез. докл. Междунар. конф. Барнаул, 1994.
6. Илюшин А.М. Миграции в эпоху средневековья как фактор формирования аборигенных этносов Кузнецкой котловины // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск, 1998.
7. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005.

К.А. Руденко

Влияние поздних сармат на материальную культуру населения Среднего Поволжья в VI – VII вв. н.э.

Проблема этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в эпоху раннего средневековья является одной из обсуждаемых тем в археологии региона. До сих пор нет однозначной оценки не только характера глобальных миграционных процессов, но и культурной интерпретации имеющихся археологических материалов. Достаточно быстро накапливающийся археологический материал не только не вносит ясность в решение этих вопросов, но, зачастую, наоборот, размывает уже, казалось бы, сложившуюся картину.

Ключевым объектом исследования здесь выступает именьковская культура, получившая обоснование в конце 1960-х гг. в исследовании П.Н. Старостина [1]. Не вдаваясь в историографические вопросы о происхождении и культурной принадлежности носителей этой культуры, что требует отдельного исследования, отметим, что в этой дискуссии скорее всего наиболее обоснована точка зрения самарского археолога Д.А. Сташенкова, утверждающего, что эта культура представляет собой конгломерат различных этнических групп, имевших специфические особенности в разных частях ее территории [2]. В сущности, обсуждался и обсуждается базовый компонент именьковской культуры, который в исследованиях фигурирует как: 1) поволжско-финский (А.П. Смирнов); 2) тюрко-угорский (А.Х. Халиков и поддерживающие его точку зрения в 1970-80-х гг. П.Н. Старостин и Е.П. Казаков); 3) славянский (Г.И. Матвеева, В.В. Седов, Ю.А. Семькин, Д.А. Сташенков и примкнувший к ним в 1990-2000-х гг. П.Н. Старостин).

Эти интерпретации рассматривались в тесной связи с изучением формирования средневекового волжско-булгарского этноса и материальной культуры булгарского государства. В первом случае предполагалось смешение пришельцев-булгар с коренным местным финноязычным населением, при доминировании последнего, во втором – подразумевалась ранняя тюркизация края, но прямое участие именьковского

населения в процессах этногенеза волжских булгар отрицалось. Третья концепция декларировала раннюю славянизацию Поволжского региона и участие славянского населения в процессах этногенеза в Волго-Камье в V-IX вв. н.э.

При этом в описание общей археологической картины были включены и исторические интерпретации, что предполагалось советской исторической наукой. Н.Ф. Калинин считал, что именьковские племена – это исторические буртасы, соседи тюркоязычных волжских булгар. А.П. Смирнов эту точку зрения не разделял, утверждая, что буртасы жили южнее, а позднеродецкие (именьковские) племена – это историческая мордва, взаимодействовавшая с булгарами-сарматами. А.Х. Халиков локализовал буртасс в Посурье, отделив их от именьковцев, этническую принадлежность которых он точно не определил (в его публикациях они фигурируют то как тюрки, то как балты), и от пришлых булгар, которые, по его мнению, были потомками гуннов, тюркоязычным этносом, развивавшимся автономно на Средней Волге, сохраняя базовые черты тюркской культуры-матрицы. Авторы славянской концепции в своем видении этногенетических процессов в регионе прямой связи именьковцев с какими-либо историческими славянскими племенами не указывали. Исключение составляет мнение известного слависта В.В. Седова, считавшего часть смоленских кривичей потомками именьковцев после их ухода из Волго-Камья.

Таким образом, если рассматривать исходный код проблемы, то существуют два подхода к вышеназванным вопросам, один из которых строится на принципах дискретности этногенетических процессов в регионе (А.Х. Халиков), второй – на их континуальности (А.П. Смирнов, Г.И. Матвеева). При этом первый расширяет пространство исходной археологической матрицы (прежде всего, в отношении аналогий в материальной культуре) на восток, второй – на запад.

Новый взгляд на проблему в конце 1990-х гг. сформулировал казанский археолог Е.П. Казаков, оттолкнувшийся от идеи, что в VI-VII вв. на Средней Волге образовалась турбаслинско-бахмутино-именьковская культура, которую он в 2000-х гг. стал интерпретировать как позднесарматскую [3;4]. Таким образом,

по Е.П. Казакову, эта этнокультурная среда имела исходный код на стыке вышеописанных двух первоначальных археологических матриц, к югу от Среднего Поволжья.

Второе появление исторических сармат в интерпретации раннесредневековых материалов Е.П. Казаковым сначала вписывалось в концепцию А.Х. Халикова о происхождении волжских булгар, краеугольный камень которой покоился на тезисе о постименьковском hiatusе. Но, по мере развития собственной концепции Е.П. Казакова [5], она приняла совершенно новый вид, в какой-то мере сблизившись с гипотезами А.П. Смирнова о сарматах-булгарах и Н.Ф. Калинина об именьковцах-буртасах.

Е.П. Казаков справедливо отметил, что территория Среднего Поволжья в первые века н.э. была северной периферией сарматского мира. Движение гуннов в IV-V вв. рассеяло сармат – часть их покинула южные степи и ушла на север в Прикамье. Это была, по его мнению, первая волна сарматской северной миграции. Вторая волна приходится на середину VI в., как следствие образования Тюркского I каганата, когда произошла еще одна подвижка степного населения на Южном Урале. В результате этого в Волго-Икском междуречье сложилось своеобразное именьковско-турбаслинское культурное пространство, где турбаслинский компонент является позднесарматским [6].

Е.П. Казаков считает, что в дальнейшем, под давлением приуральских угров (кушнаренковская культура), часть этого населения уходит в Саратовское Поволжье, где они смешиваются с «салтовскими» болгарами и становятся известными под именем «буртас». В середине VIII в. этот метисный этнос приходит на Среднюю Волгу (Больше-Тарханский и Автозаводской могильники) став основой генезиса волжско-булгарской культуры [7].

Но главное в этом видении проблемы – выявление сарматского фарна, который, по мнению Е.П. Казакова, выражается в своеобразном культе коня в погребальной обрядности, украшениях солярного типа, антропоморфных вотивных фигурках и т.п. [8]. К этому стоит добавить обычай деформации черепа, что зафиксировано в захоронениях

именьковских II Коминтерновского, Маклашеевского могильников, а также погребениях Кайбельского раннебулгарского могильника.

Таким образом, если исходить из предположения об участии в II – VII вв. потомков сарматского населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в этнокультурных процессах в Среднем Поволжье, то это проявляется в нескольких формах. Прежде всего, это погребальный обряд биритуальных могильников именьковской культуры, включая специфические жертвенные конские комплексы, деформацию черепов погребенных, использование меловой присыпки при проведении обряда, что находит определенные параллели в поздне-сарматской культуре (II – IV вв. н.э.) Нижнего Поволжья [9].

Второй признак – это набор культовых поделок, фиксирующийся в погребальном инвентаре и, реже, в поселенческих материалах. В него входят культовые фигурки животных, прежде всего, лошадей, фигурки людей, а также украшения в виде солярных символов и миниатюрные зеркала, точнее, подвески в виде зеркал. Большая часть этих изделий имеет аналогии в материалах аланских могильников IV-VIII вв.

Третий признак связан с материальной культурой именьковских поселений. В керамическом комплексе значительной части их имеются изделия с тщательно заглаженной поверхностью и с лощеной поверхностью. Их выделяли в отдельную группу Н.Ф. Калинин и П.Н. Старостин. Не исключено, что этот декоративный прием является наследием постсарматских традиций. Кроме того, зафиксированы гибридные формы керамической посуды с орнаментами в виде ямок и декоративными налестками, которые чаще всего встречаются в Восточном Закамье. Раскопки на волжском Правобережье (археологический комплекс у с. Новая Беденьга и II Тетюшское городище) показали, что эти элементы керамического комплекса присущи поселениям в этой части территории именьковской культуры. Также к этой категории изделий стоит добавить серию округлодонных небольших глиняных сосудов, скорее всего, ритуального назначения, и культовых миниатюрных изображений жертвенного столика, которые встречаются только на именьковских поселениях.

Библиографический список

1. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967 (САИ. Вып. Д1-32).
2. Сташенков Д.А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье в начале эпохи Великого переселения народов // Средневековая археология Евразийских степей. Казань, 2007. Т. I.
3. Казаков Е.П. О сармато-аланском компоненте в культуре ранней Волжской Болгарии и его происхождении // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения. Казань, 2011.
4. Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // *Finno-Ugrica*. 2011. № 12-13.
5. Руденко К.А. Концепции болгарского этногенеза во второй половине XX – начале XXI в. (к 85-летию Е.П. Казакова) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4(28). DOI : [https://doi.org/10.14258/tpai\(2019\)4\(28\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2019)4(28).-14)
6. Казаков Е.П. К проблеме выявления памятников поздних сармат в Закамье // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы Международной конференции. Самара, 2003.
7. Казаков Е.П. О типологии и хронологии погребальных комплексов ранней Волжской Болгарии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной конференции. Самара, 2013.
8. Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
9. Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону, 2011.

Ю. И. Ожередов
Тюркское изваяние у с. Кулада в Горном Алтае
(по изобразительному источнику)

Творческий путь старейшего бийского художника Дмитрия Ивановича Кузнецова прошел почти через все XX столетие. Начавшись в императорской России, завершился он незадолго до окончания советского строя. Родившийся в Бийске в 1890 г. художник ушел из жизни в родном городе в 1980 г. В раннем возрасте у мальчика проявилось художественное дарование, получившее поддержку со стороны родителей и, прежде всего, отца, владельца магазина канцелярских товаров, Ивана Ивановича Кузнецова. Он же познакомил мальчика с маляром-художником, в квартире которого юный Кузнецов впервые узнал живописные картины, поразившие его своей красотой. Затем были годы учебы в городском училище, где рисование преподавали политические ссыльные художники Моисеев и Елистратов [1]. В 1912–1914 г. Дмитрий Кузнецов учился в Харьковском художественном училище [2, с. 133], а по данным газеты «Сибирская жизнь», осенью 1913 г. намеревался поступать «в среднюю художественную школу в Москве» [3, с. 3]. В 1915–1917 гг. молодой человек проходил службу в авиаэскадрилье «Илья Муромец», с которой принял участие в Первой Мировой войне [4, с. 188, рис. 76].

Однако истинным учителем и другом Д. И. Кузнецова стал алтайский художник Г.И. Гуркин, связавший свое творчество с Горным Алтаем. Еще при жизни художников томская газета «Сибирская жизнь» неоднократно именовала их учителем и учеником. В 1910 г., характеризуя вторую выставку Томского общества любителей художеств, автор писал: «...г. Кузнецов, самый, кажется, молодой художник на выставке, ученик г. Гуркина, с успехом продолжает дело своего учителя – воспроизведение на полотне неисчерпаемых красот Алтая...» [5, с. 3]. В 1912 г. газета сообщает о новой экспедиции Г.И. Гуркина «из Аноса вглубь Алтая», в котором ему «сопутствует его ученик Д. Кузнецов» [6, с. 2]. В следующем, 1913 г., газета пишет: «В Аносе нынче, по обыкновению, проводит лето г. Кузнецов (бийчанин, ученик Гуркина), продолжает работать

около своего учителя и вместе с ним» [3, с. 3]. В.И. Эдоков писал в своей книге: «Гуркин не терял оптимизма... В письме своему бывшему ученику Д.И. Кузнецову... в 1929 г. он писал: "Живу хорошо, здоров..."» [7, с. 156]. Следуя за учителем, Д. Кузнецов прошел путь мастера пейзажа, стал признанным художником, первым в Бийске членом Союза художников, наставником молодых дарований в педагогическом училище [4, с. 188, рис. 76]. Началом признания молодого художника стала персональная выставка в Бийске зимой 1913 г., которая принесла «материальный и художественный успех» и предоставила «возможность раздвинуть рамки своих художественных предложений достаточно широко» [3, с. 3].

В.И. Эдоков отметил, что Г. Гуркина «в путешествиях по Алтаю» тогда (1909 г.) сопровождал «молодой художник из Бийска Д.И. Кузнецов» [7, с. 85]. Эти путешествия обычно рассматриваются в качестве пейзажных пленэров, воспевавших красоты Алтая или ориентированных на изучение этнографии: зарисовки этнических типажей, жилищ, утилитарных и ритуальных предметов, бытовых и обрядовых сцен [7, с. 58, 59; 8, с. 30–31; 9, с. 32–34]. Однако существовала еще одна тема, крайне важная для исторической науки, – фиксация археологических памятников Алтая. Случилось так, что в ходе изучения природы низовий Катунь в 1902–1903 гг. художник столкнулся с наскальными изображениями. Петроглифы настолько его увлекли, что он стал заниматься ими всерьез. В 1911–1912 гг. состоялись работа на петроглифах Кок-Кан в устье р. Урсул и у с. Каянча, а в 1930 г. в окрестностях Бичикту-Бома. Одновременно Г.И. Гуркин начал изучение тюркского каменотесного искусства². Первые зарисовки изваяний им были сделаны в 1911 и 1912 гг. [10, с. 226; 7, с. 178–179], но наиболее плодотворной в этом отношении стала экспедиция 1930 г. Ее участники зарисовали все изваяния в окрестностях с. Кувада³.

² В конце XIX в. фиксацией археологических памятников Горного Алтая занималась томская художница М.П. Черепанова, также принадлежавшая к кругу Г.Н. Потанина [12, 13, 14].

³ В разных источниках написание топонима имеет два варианта: «Кувада» или «Кулада». Современное прочтение: «Кулада» (*прим. авт.*). Саяно-Алтайской

Большинство из них не сохранилось. Их нет в сводной работе В.Д. Кубарева [10, с. 227], а А.С. Васютин, в разведке у с. Кувада в 1981 г. не отметил интересующий нас памятник [11, с. 192].

Согласно вербальному источнику, вместе с Г.И. Гуркиным в экспедиции участвовал его ученик Д.И. Кузнецов. Сведения получены от бийского краеведа С. Скрипина, некогда сотрудника Бийского краеведческого музея и близкого знакомого Д.И. Кузнецова. В конце 1970-х гг., незадолго до ухода из жизни, художник передал ему в дар этюд, написанный им у с. Кувада и рассказал об обстоятельствах его создания (рис. 1). На листе картона крупным планом изображено тюркское изваяние на фоне горного пейзажа и каменных насыпей⁴. Данная работа оказалась важным изобразительным источником, раскрывающим одну из неизвестных страниц истории художественной жизни и новый аспект археологического прошлого Алтая.

Наиболее раннее описание и рисунок данного изваяния находим в публикации Л.А. Евтюховой, участника Саяно-Алтайской экспедиции 1935–1936 гг. (рис. 2), начавшейся через пять лет после путешествия художников. В статье описано четыре изваяния в урочище Кувада. Интересующее нас выглядело следующим образом: «В этой же группе могильных памятников около земляного кургана лежит на земле упавшее изваяние из серовато-зеленоватого камня в виде четырехгранного столба, на одной стороне которого плоской скульптурой высечено изображение человека. Его голова сверху спрямлена. На лице слегка выступают нос и усы. Подбородок заострен в виде бородки. Обе руки согнуты в локте, и кисти как бы сжаты в кулак на уровне груди. Под локтями имеется

экспедицией 1935-1936 гг. в данном урочище отмечено четыре изваяния [14, с. 123, 125].

⁴ К сожалению, работа не подписана, не датирована и не имеет названия. Художник не придавал этому значения. Со слов С. Скрипина, условное ее название «Изваяние в долине р. Урсул». Художник не мог вспомнить точно географического местоположения памятника. На самом деле с. Кулада (соврем. транскрипция) располагается на р. Каракол в том же Онгудайском районе Республики Алтай к востоку от р. Урсул (*прим. авт.*).

перехват, несколько ниже – другой. Высота изваяния около 2 м 15 см, ширина – около 36 см» [15, с.125, рис. 12]. Следующие описание и рисунок (рис. 3), но с некоторыми изменениями, приводится тем же автором через 11 лет: «Каменное изваяние №8 вытесано из четырехугольного столба серовато-зеленого сланца, высотой около 2,15 м при ширине граней до 36 см. Наверху одной из граней, на высоте одной трети, плоской скульптурой высечено поясное изображение человека. Голова подчетыреугольной формы. Широкие усы круто загибаются кверху, борода заострена. Правая рука, согнутая в локте, кистью прижата к груди, левая согнута в локте под прямым углом, кисть находится на уровне живота. Изваяние лежит у восточной стенки четырехугольной каменной оградки. Алтай, уроч. Кулада» [16, с. 74, рис. 2, 3].

Сравнительный анализ описаний и изображений, представленных в названных работах и на картине Д.И. Кузнецова, доказывает, что все три образца демонстрируют одно изваяние (рис. 1, 2, 3). Вместе с тем, имеются некоторые отличия в изображениях, обусловленные особенностями природы на момент ее фиксации и задачами художников. Прежде всего, изменилась проекция скульптуры. Через пять лет, прошедших между экспедициями, она оказалась лежащей на земле, что серьезно осложнило ее фиксацию.

На двух рисунках Л.А. Евтюховой, безусловно, показана одна и та же фигура, но в разной графической форме (рис. 2, 3). На раннем рисунке имеется тонировка, передающая рельеф поверхности, второй рисунок чисто контурный, упрощенный вид первого. Изваяние на обоих выглядит в форме блока «правильной» формы, тщательно обработанного подобно круглой скульптуре. Рисовальщик работал с лежащим на земле громоздким камнем, возможно, углубленным в почву. Отсюда «в фокусе» наблюдателя исключительно лицевая сторона, «пустые» боковые грани не учитывались. Автор ориентировался на антропоморфный образ, и психологически для него было удобно придать рисунку эстетически законченный вид. В итоге, подквадратный в сечении блок дикого камня на рисунках превратился в выглаженную плиту, вопреки указаниям об

«изваянии в виде четырехгранного столба» и формы других фигур, изготовленных на плитах [15, с. 124, 125].

Кардинально по-другому выглядит изображение на картине Д. Кузнецова, демонстрирующее совершенно иное осмысление природы (рис. 1). Художник показал памятник в изначальном вертикальном положении и отразил, прежде всего, природный объект с его формой, фактурой и цветом, а уже потом – антропоморфный образ на нем. Отсюда, при большой детализации камня, чужеродная для его природы фигура, в отличие от «археологических» реконструкций, выделяется схематизмом и недосказанностью. Несколькими штрихами, названными в описании «перехватами», художник лишь подчеркнул «внедрение» человека в естественную форму, подправленную при обозначении контура лица и линии поясного ремня. Живописец, не вдаваясь в подробности, передал замысел древнего мастера, заключившего дух усопшего воина в камень посвященного ему изваяния. Воплощению этой идеи на живописном пространстве послужил исторический пейзаж. По сторонам от изваяния видны напоминания о бренности земного и вечности небесного: плиты поминальной оградки, а чуть дальше – курганная насыпь с крупными камнями на поверхности, отмеченные в описании.

Формируя композицию места памяти об усопшем, художник внимательно подбирал цвет и тона мизансцены. Мастер тщательно смешал цветовую гамму камня, именуемую зеленовато-серовой. Не поскупился он и на цветовое решение пейзажа, выполненное в импрессионистском духе. Фигура обращена, по обычаю древних тюрков, на восток, значит, тень от изваяния падает на север. Как можно понять, она недлинная, солнце находится высоко в зените на юге, т.е. сцена разворачивается в предполуденное время с сильной и равномерной освещенностью. Отсюда яркий, насыщенный светом желтый цвет выжженной горным солнцем травы и сочной зелени травостоя вдаль, высокое голубое небо, легкие, светлые облака.

Работа, созданная Д. Кузнецовым, – не более чем «полотно» этюдного плана, не претендующее на фундаментальные художественные обобщения. Но его художественная

самобытность и точность мироощущения ставит его в ряд талантливых художественных произведений и нечастых живописных источников в археологии.

Рис. 1.

Рис. 2.

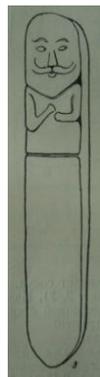

Рис. 3.

Рис.1. Д.И. Кузнецов. Древнетюркское изваяние у с. Кулада. 1930. Картон, масло. 41x30.6 см. Частная собственность.

Рис. 2. Тюркское изваяние у с. Кулада. По кн.: Евтюхова Л.Е. Каменные изваяния Северного Алтая // Тр.ГИМ. Вып.XVI. Работы археологических экспедиций. М., 1941, рис. 12.

Рис. 3. Тюркское изваяние у с. Кулада. По кн.: Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА, № 24. 1952, рис. 2.3

Библиографический список

1. [Электронный ресурс]. URL: facebook.com/100488311425248/posts/

2. Хроника художественной жизни Томска 1909-1919 гг.: К 90-летию Томского общества любителей художеств: (По материалам газеты «Сибирская жизнь»). Томск, 2000.

3. Катунин Ф. Чемал (художники Алтая) // Сибирская жизнь. 1913. № 171.

4. Прибытков Г.И. Алтайский художник-педагог Дмитрий Иванович Кузнецов. Бийск, 2010.

5. Вторая периодическая выставка в Томске (окончание) // Сибирская жизнь. 1910. № 5.
6. К.Ф. Чемал (художники Алтая). Сибирская жизнь. 1912. 22.06. № 139.
7. Эдоков В.И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994.
8. Тадина Н.А. Алтайская символика в этнографических рисунках Г.И. Гуркина // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1994.
9. Шинжин И.Б. Отражение шаманства в картинах Г.И. Гуркина // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1994.
10. Кочеев В.А. Г.И. Гуркин и археология Горного Алтая // Возвращение. Горно-Алтайск, 1993.
11. Васютин А.С. Исследование древнетюркских оградок в горном Алтае // АО. 1981. М., 1983.
12. Ожередов Ю.И. Петроглифы Алтая в копиях художницы М.П.Черепановой («Чемальская скала») // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск, 2014.
13. Ожередов Ю.И. Акварели томской художницы М.П. Черепановой // Суриковские чтения. Научно-практическая конференция 2016 г. Красноярск, 2017.
14. Ожередов Ю.И. Бельтертуюкская «писаница» томской художницы М.П. Черепановой (начало исследований. XIX в.) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск, 2017.
15. Евтюхова Л.Е. Каменные изваяния Северного Алтая // Тр. ГИМ. Вып. XVI. Работы археологических экспедиций. М., 1941.
16. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24.

С.И. Бондаренко
Особенности культурного хозяйствования
кумандинцев во второй половине XIX в.
по материалам ученого и путешественника Алтая
Н.Б. Шерра

Труды ученых, путешественников, общественных деятелей XVIII–начала XX вв. являются уникальным историческим источником для всестороннего изучения быта, традиций, культуры народов Алтая. Они оставили свои наблюдения, исследования, которые позволяют нам увидеть авторские впечатления, эмоционально окрашенные оценки, уникальную интерпретацию исторических фактов. Эти источники позволяют более точно реконструировать образы автохтонного населения в контексте их восприятия современниками.

Шерр Николай Борисович, будучи учителем в Петербурге, был выслан за революционную пропаганду в Сибирь. В 1880–1890 гг. он проживал в Барнауле и занимался сельскохозяйственной статистикой. Интересы Шерра были весьма разносторонни. Так, по поручению Общества исследователей Алтая он совершает экспедицию в предгорья Алтая. Там он знакомится с малочисленным этносом Сибири – кумандинцами. В течение двух месяцев он посещает кумандинские айлы – Турочак, Улалу. Исследователь тщательно изучает быт, традиции, природные условия проживания кумандинцев. Собранные материалы ученый публикует в 1903 г. в пятом томе «Алтайского сборника» под названием «Из поездки к кумандинцам в 1898 году».

Интерес Шерра к особенностям хозяйствования и культуре кумандинцев объясним. Кумандинцы являются одной из этнических групп северных алтайцев. Ими была создана специфическая культура, позволившая им адаптироваться к природным условиям северного предгорья Алтая и сохранить свою идентичность, несмотря на многочисленные социальные катаклизмы.

Шерром были описаны различные элементы культуры – жилье, пища, одежда и способы их обеспечения; трудовые традиции, в том числе земледелие, собирательство,

скотоводство, ловчие промыслы, охота. Это позволяет выделить ряд особенностей культуры хозяйствования этноса.

В рассматриваемый период кумандинцы проживали в Бийском уезде в двух волостях – Верхне- и Нижне-Кумандинской. Территория их расселения не представляла собой замкнутого пространства, с определенными границами, так как айлы были разбросаны по нескольким русским и инородческим волостям и управам.

Местность, которую посетил исследователь, была заселена русскими крестьянами – сибиряками и переселенцами, а также кумандинцами. Говоря о составе населения, Шерр замечает, что термины «оседлый» и «кочевой» уже потеряли свой буквальный смысл в данной области, поскольку «истинных кочевников встретить уже практически невозможно» [1].

По описанию Шерра, кумандинцы избегали жить в одиночку вне айлов. В среднем селение насчитывало около 10 хозяйств, селение более крупное насчитывало 50-60 хозяйств. Жители айла составляли общество и решали общие дела сходом. Айл представляет собой небольшое селение с неправильно разбросанными постройками. Преобладающим типом построек являлась изба, т.е. четырехстенное строение в одну комнату с русской печью, сбитой из глины.

Кумандинцы занимались земледелием, скотоводством, пчеловодством, рыболовством, а также ореховым и беличьим промыслом. Все остальные работы, такие как наем на страду к крестьянам, извоз и т. п., играли весьма незначительную роль. Запашка производилась пропорционально потребностям своей семьи. На рынок в небольших размерах шел иногда овес. Скот кумандинцы держали преимущественно крупный – лошадей, коров. Количество мелкого скота было весьма незначительно.

Основой питания кумандинской семьи являлось мясо лошадей, реже – коров, молоко, мед, рыба. На продажу шло масло, часть мяса, мед. Главную роль в обеспечении кумандинской семьи денежными средствами играли ореховый и беличий промыслы.

Бить орех отправлялись целыми семьями в середине августа. Продолжительность промысла составляла месяц, иногда полтора. После Покрова мужчины ходили на белку до

наступления зимы. Эти два промысла, по сути, и кормили кумандинцев. При хорошем урожае ореха и обилии белки, кумандинская семья могла заработать 100-200 и более рублей за сезон.

Однако в конце XIX в., ввиду быстрого заселения территории и распространения заимочного хозяйства, кедровники стали исчезать достаточно быстро. Это привело к тому, что русские начали вытеснять инородцев. Конкуренция становилась все более острой. Одновременно развивались посредничество в сбыте продуктов промысла, ссуды денег и предметов первой необходимости под будущую добычу, привоз товаров, а с ними и водки, вместо орехового промысла. Все это постепенно ухудшало экономическое положение кумандинцев. Грабительский характер торговых операций отмечали и другие исследователи (Н.М. Яндринцев, М.А. Брещинский) [3, с. 318].

Официально в делопроизводственных бумагах того времени влияние русских на жизнь аборигенов рассматривалось только в положительном ракурсе. Оно трактовалось как способ перехода коренного населения Сибири на новую, цивилизованную ступень развития общества. Так, чиновник А. Вознесенский, исследовавший экономическое и правовое положение «инородцев» Нижне-Кумандинской волости пришел к выводу, что «в нижне-кумандинце умер наивный дикарь – дитя природы ... и нарождается новый сельский хозяин по образцу его учителя – сибирского крестьянина» [3, с. 326].

Действительно, сравнивая особенности хозяйствования и быта, мы можем увидеть у кумандинцев много общего с чисто русским бытом. Так бревенчатые стены, проложенные мхом или промазанные глиной, иногда выбеленные, небольшие окна, встречались и у русских поселенцев. Внутреннее убранство жилища также было сравнимо с убранством русской избы.

Практически обязательным атрибутом кумандинского жилища являлось ружье – важное промысловое орудие этноса. Если в семье было несколько промысловых охотников, у каждого имелось свое ружье.

Во второй половине XIX в. ружья ставятся более доступными инородцам ввиду низкой цены (6-8 руб. для винтовки и 12 руб. для дробовика-двустволки). Торговлей ружьями занимались

татары и русские. Также ружья можно было приобрести в Бийске, Улале и в других крупных русских селениях. Доступность оружия приводила к все более хищническому истреблению лесной фауны.

Важной составляющей рациона кумандинцев являлась рыба, поэтому практически в каждой семье имелись рыболовные снасти, ничем не отличающиеся от русских рыболовных снарядов. Земледелие также было распространено среди кумандинцев, хотя и в небольших масштабах. Практически все земледельческие орудия были заимствованы у русских.

Шерр выделяет только одну особенность кумандинского хозяйства, являющуюся результатом, по его мнению, во-первых, более позднего возникновения у них земледелия, во-вторых, сравнительной незначительности эксплуатируемых земельных участков, в-третьих, второстепенности этого промысла и, в-четвертых, меньшей хозяйственной культурности кумандинцев. Эта особенность состояла в том, что у кумандинцев земледельческие орудия были значительно примитивнее, чем у русских крестьян. В соседних русских селениях употреблялись плуги или усовершенствованная соха, у кумандинцев – самая простая соха; у русских молотба осуществлялась лошадьми, у кумандинцев – цепями. Молотили кумандинцы сучковатыми толстыми палками с естественным изгибом.

Кумандинцы в весьма незначительной степени занимались огородничеством. На полях выращивали небольшое количество картофеля и огурцов. Основные огородные культуры, широко распространенные у русских, практически не попадали на стол кумандинцам. Такой пробел в списке пищевых продуктов был весьма чувствителен. Шерр замечал, что кумандинцы часто живут впроголодь, могут по несколько месяцев питаться почти исключительно чаем с молоком и хлебом.

Среди отличительных черт кумандинского характера Шерром были отмечены общительность, робость, застенчивость, отсутствие злобы, мстительности кумандинцев, но, вместе с тем, и отсутствие живого темперамента и добродушия, гостеприимства, отсутствие в языке приветствий, пожеланий.

Исследователь высказывал опасение по поводу возможного исчезновения кумандинцев как этноса, ввиду их быстрой ассимиляции русскими.

В советский период многие культурные и хозяйственные традиции кумандинцев, действительно, были утрачены. Однако, в конце 1980-х гг. был дан мощный импульс возрождению национальных традиций. Это было связано с образованием Кумандинского национального совета и общественной организации «Возрождение кумандинского народа» [2, с 177]. В настоящее время кумандинский народ включен в список «Малочисленные народы Севера» и поддерживается государством, что способствует сохранению традиций кумандинского этноса.

Библиографический список

1. Шерр Н.Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 г. // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX вв. Т.3. Барнаул, 2009.
2. Кухтуекова Н.В. Природные и социальные условия формирования и возрождения малочисленного этноса Сибири – кумандинцев // Социосфера. 2013. № 10.
3. Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в.: монография. / Под ред. Т.Н. Соболевой, Д.С. Боброва. Барнаул, 2016.
4. Иващенко Я.С. Методология изучения культуры жизнеобеспечения в гуманитарном знании // Вопросы культурологии. 2010. № 6.

Д.В. Егоров

Миграционные процессы на пространстве ЕАЭС

Важнейшим фактором в обеспечении устойчивого демографического и социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза является международная миграция стран-участниц ЕАЭС и стран ближнего зарубежья, в

которой преобладают трудовые мигранты [1]. С одной стороны, миграция сохраняет социально-экономическую и политическую стабильность в странах с избыточными трудовыми ресурсами, высокими темпами естественного прироста населения и экономической стагнацией, с другой – снижает нагрузку на систему социального обеспечения в странах Союза, сталкивающихся с риском депопуляции, дефицитом трудовых ресурсов и демографическими потерями.

ЕАЭС является структурой, созданной, прежде всего, для интеграции стран-участниц в экономической сфере. Основное внимание уделяется функционированию единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза. Стоит подчеркнуть, что страны Евразийского экономического союза испытывают воздействие множества факторов, стимулирующих построение скоординированной политики по ряду вопросов, в том числе в сфере регулирования миграционных потоков.

Культурно-исторический фактор. Является одним из основных для формирования миграционных потоков в системе, которая практически сложилась в рамках Российской Империи и в дальнейшем Советского Союза. Российская Федерация, будучи правопреемницей этих держав и имея необходимые социально-экономические и демографические условия, является главной страной-реципиентом на просторах ЕАЭС. Мигрирующее население стран-доноров ориентируется, в первую очередь, на знание русского языка и менталитета местного населения.

Политический фактор. Наличие относительно стабильных политических отношений между странами ЕАЭС и, как следствие, безвизового режима, в значительной степени влияет на масштабы миграционных потоков.

Инфраструктурно-географический фактор. Оптимальное географическое положение стран Союза и России, как связующего звена между ними, очевидно. Страны Центральной Азии, являющиеся главными донорами миграционных потоков, несмотря на свое расположение в «сердце» Евразии, более тесно связаны в плане транспортной коммуникации со странами-реципиентами этого направления, чем с более близкими в

географическом плане Китае, Афганистаном и другими государствами региона.

Экономический фактор. В странах-донорах ЕАЭС существуют предпосылки для выезда трудоспособного населения, к которым можно отнести высокий уровень безработицы и бедности. В странах-реципиентах, напротив, имеются предпосылки для притяжения трудовых ресурсов.

Демографический фактор. Ранее было уже упомянуто о роли миграции как стабилизирующего аспекта групп стран, имеющих прямо противоположные характеристики по естественному приросту населения. С одной стороны, на пространстве ЕАЭС имеется группа стран, характеризующаяся избытком трудовых ресурсов, с другой – страны с их острой нехваткой.

Социальный фактор. Чаще всего миграция из стран-доноров рассматривается населением этих стран как успешная модель поведения и стратегия жизненного успеха. Этот фактор является основным при принятии решения о миграции.

На пространстве ЕАЭС главными реципиентами являются Кыргызстан и Армения, которые среди всех стран-участниц имеют наиболее высокие уровни безработицы и коэффициент бедности (табл. 1). Эти «выталкивающие» факторы сочетаются с относительно низкими показателями миграционного прироста и годового роста населения. Упомянутые государства имеют самую большую долю денежных переводов в ВВП своей страны. В соответствии с этими характеристиками, денежные переводы трудовых мигрантов снижают уровень бедности и поддерживают социально-экономическое развитие в этих странах.

На пространстве ЕАЭС к самым экономически благополучным странам и, в то же время, к странам с отрицательным годовым приростом населения относится Россия. Как показано в таблице 1, в нашей стране отмечается относительно средний по сравнению с другими странами ЕАЭС показатель безработицы и коэффициент бедности при низком годовом росте населения и, как следствие, самым высоким уровнем миграционного прироста. Потребность страны в трудовой иммиграции будет сохраняться. Так, согласно опубликованному прогнозу Росстата, численность населения

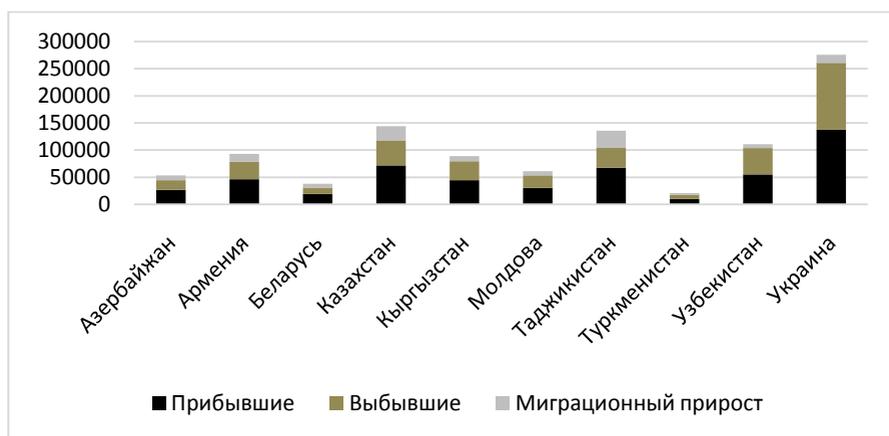
России даже при высоком варианте прогноза увеличится примерно на 5 млн. человек, при среднем и низком прогнозах – ожидается снижение [3].

Таблица 1

Отдельные показатели социально-экономического и демографического развития стран ЕАЭС в 2018 году

	Россия	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан	Армения
Безработица (%)	4,846	4,825	4,76	5,96	17,496
Коэффициент бедности	12,9	2,5	5,6	22,4	23,5
Миграционный прирост / убыль (тыс. человек; 2017 год)	912279	-90000	43648	-20000	-24989
Годовой рост населения (%)	-0,01	1,29	-0,15	1,99	0,23
Доля денежных переводов в ВВП (%)	0,5	3,4	2,3	33,3	12

Источник: Данные Всемирного Банка [2]

Источник: Федеральная служба государственной статистики [4]

Рисунок 1. Количество прибывших мигрантов в РФ среди стран СНГ, 2018 г.

Россия является наиболее привлекательной страной для миграционных потоков не только среди стран ЕАЭС, но и среди стран СНГ. В 2018 году наибольшее число прибывших из Украины, далее идут Казахстан и Таджикистан. Однако по численности миграционного прироста среди стран-доноров лидируют Таджикистан, Казахстан и Украина.

Особенное, промежуточное положение на пространстве ЕАЭС занимает Казахстан, являясь одновременно страной донором и реципиентом миграции. Это обусловлено, с одной стороны, высокими темпами годового роста населения, что позволяет экспортировать рабочую силу и быть на 3 месте среди стран ЕАЭС по доле в ВВП от денежных переводов. С другой стороны – близким к российскому показателю безработицы и самым низким коэффициентом бедности на пространстве Евразийской миграционной системы, что говорит о сравнительно благоприятных условиях для привлечения миграции. В связи с этим, существует опасение, что в будущем Казахстан начнет еще сильнее переориентировать миграционные потоки в свою сторону[5].

Беларусь, как и Казахстан, занимает промежуточное положение на пространстве ЕАЭС, являясь страной, одновременно экспортирующей и импортирующей рабочую силу. Однако отмечается, что иммигранты в Белоруссии ориентированы на постоянное проживание, в отличие от Казахстана, где преобладают мигранты-работники [6, с. 216].

Как было сказано ранее, большинство мигрирующего населения меняет место своего пребывания с целью трудоустройства. При этом в составе мигрантов преобладают мужчины трудоспособного возраста [7, с. 83].

Таким образом, миграционные процессы на пространстве ЕАЭС имеют ряд особенностей, обусловленных множеством факторов, сложившихся на протяжении длительного периода времени, и вряд ли стоит ожидать резких изменений этих показателей в будущем. Главным центром миграционных потоков ЕАЭС является Россия, и, несмотря на растущий потенциал миграционной привлекательности Казахстана, в ближайшие годы так же не предвидится изменений в направлениях миграционных потоков.

Библиографический список

1. Трудовая миграция // Международная организация труда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/labour-migration/lang-en/index.htm>
2. Данные по странам / показателям // Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/>
3. Демография // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781>
4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm
5. Трудовые мигранты в Казахстане – что их ждет // Спутник. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputniknews.kz/infographics/20190721/11007795/trudovye-migranty-kazakhstan.html>
6. Гаева А.С. Миграционные процессы на Евразийском пространстве // Россия и современный мир. 2019. № 1.
7. Данилова И.А. Возрастные структуры населения в странах ЕАЭС // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Т. 2. Екатеринбург, 2017.

СЕКЦИЯ 3

Этнокультурное разнообразие как фактор этносоциального развития и перспективы евразийской интеграции

Е.А. Тюгашев

Коалиция культур как закон прогресса (в горизонте идейного наследия К. Леви-Стросса)

В 1952 г. по заказу ЮНЕСКО К. Леви-Стросс написал брошюру «Раса и история». В ней он предложил рассматривать проблему расового неравенства в горизонте разнообразия культур. Рассуждения К. Леви-Стросса относились к миру в целом. А сегодня его постановка проблемы вновь приобрела актуальность в связи с кризисом проводимой в отдельных государствах национальной политики мультикультурализма и расовыми волнениями. Пробуждающаяся ностальгия по монорасовому и культурно гомогенному обществу побуждает нас вновь обратиться к данной работе, чтобы уточнить ориентиры государственной национальной политики.

Используемая К. Леви-Строссом терминология своеобразна и интересна. В любом человеческом обществе он выделял три аспекта – социум, культуру и цивилизацию [1, с. 95].

Социум – это отношения людей друг с другом, отношения инвариантные, присутствующие в любом обществе (экономика, политика, родство и пр.). В общественных отношениях может наблюдаться слабая дифференциация. Тогда это эгалитарные, статичные, или «холодные» общества. При сильной социальной дифференциации и наличии иерархии общества становятся динамичными, «горячими».

Культура – это комплекс отношений общества с окружающим природным и историческим миром, выражающийся в определенном его упорядочивании, прежде всего, в хозяйственной деятельности. Культуры бесконечно

разнообразны, различны. Подлинный вклад культур К. Леви-Стросс видел «в тех дифференциальных разрывах, которые имеются между ними» [2, с. 352]. Свою доктринальную позицию он определял как культурный релятивизм.

Цивилизация – это сложная целокупность изобретений во всех порядках общественной жизни [2, с. 350]. Поскольку такие изобретения появляются уже в палеолите, то первые цивилизации, по К. Леви-Строссу, старше 500 тыс. лет. Он различал великие и малые цивилизации. Каждая цивилизация имеет собственные, характерные для нее изобретения. Например, эскимосы и бедуины первенствуют в умении выживать в самых враждебных географических условиях, а австралийцы изобрели наиболее сложную систему родства [1, с. 142–143].

Культурное разнообразие К. Леви-Стросс оценивает как естественно возникший феномен, обусловленный, прежде всего, особенностями хозяйственной адаптации обществ к специфическим свойствам географической среды. Вследствие географической отделенности так же естественно возникает этноцентризм, не признающий человеческой идентичности обществ с иной культурой.

Наряду с фактом культурного разнообразия, зачастую негативно оцениваемого, К. Леви-Стросс фиксировал факт сосуществования, совместного бытия культур: «Человеческие общества никогда не одиноки; когда они, как кажется, наиболее сепарированы, то все же существуют в виде групп, в какой-то связке» [2, с. 327].

Следовательно, возникает вопрос о характере сосуществования культур в какой-либо целокупности. Это простое различие, противоречие или гармоничность?

К. Леви-Стросс полагал, что культуры, прежде всего, отличаются «дробным вкладом», то есть особым способом решать общечеловеческие проблемы. Например, он отмечал способность меланезийцев интегрировать «в социальную жизнь наиболее темные продукты бессознательной деятельности духа» как «одну из самых высоких вершин, достигнутых людьми в этом направлении» [2, с. 340]. Кроме того, у разных культур никогда в точности не совпадает соотношение языка, науки и

техники, религии и искусства, а также социальной, экономической и политической организации [2, с. 349].

Далее, К. Леви-Стросс различает два типа развития культур – стационарный (инертный) и кумулятивный (прогрессивный). В стационарном состоянии, по его мнению, находятся уединенные общества. В кумулятивном состоянии находятся не одиноко «играющие» культуры, а культуры, вступающие в коалиции. Наиболее кумулятивны те культуры, которые «сочетали, вольно или невольно, свои взаимные ходы, реализуя разнообразными средствами (миграции, заимствования, торговые обмены, войны) коалиции» [2, с. 349]. Чем длительнее и вариабельнее режим коалиции, тем кумулятивнее и успешнее культура.

Поскольку одинокая культура стационарна, то «всякий культурный прогресс есть функция коалиции культур» [2, с. 353]. В этой коалиции культуры делают общим достоянием те исторические шансы, которыми они располагают. Чем разнообразнее культуры, тем плодотворнее коалиция. Вариабельность коалиций, в которые вступает одна и та же культура, ведет к смене ориентаций и направлений прогресса. Поэтому последний идет нелинейно, скачками [2, с. 335].

Положительно оценивая культурное разнообразие, К. Леви-Стросс рассматривает перспективу унификации, которая должна привести к угасанию прогресса. Расширение коалиций лишь отдаляет это угасание. На его взгляд, угроза унификации преодолевается усилением социальной дифференциации и социального неравенства по различным признакам (вплоть до классовой и колониальной эксплуатации), а также ростом внутреннего культурного разнообразия.

К. Леви-Стросс предполагал, что в каждом развивающемся социальном теле поддерживается и регенерируется некий «оптимум разнообразия» [2, с. 327]. Поскольку культурное разнообразие регенерируется, одни культурные отличия отмирают, а другие зарождаются, то необходим своего рода *социокультурный реинжиниринг*. Недостаточно лелеять локальные традиции, так как они бывают не только живыми, но и мертвыми [3], а также отмирающими или нарождающимися традициями. Поэтому завтра культурное разнообразие может оказаться другим. И его следует предвидеть, понимать и

продвигать. К. Леви-Стросс называет такую позицию динамической установкой в отношении разнообразия культур [2, с. 356].

Изложенные взгляды К. Леви-Стросса представляют интерес в различных отношениях. Например, его замечания о том, что «цивилизация подразумевает сосуществование культур, представляющих максимум разнообразия, и она как раз состоит в этом сосуществовании» [2, с. 353], а также о том, что «мировая цивилизация может быть только коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняет свою самобытность» [2, с. 353], ориентируют на образ локальной цивилизации как кумулятивно развивающейся общности культур. Локальные цивилизации выступают своего рода локомотивами мировой истории. Они притягивают и вовлекают в историческое движение находящиеся на цивилизационной периферии стационарные культуры. Когда кумулятивный эффект коалиции исчерпывается, локальная цивилизация «окаменеет» и распадется на стационарные культуры.

Библиографический список

1. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М., 2016.
2. Леви-Стросс К. Путь масок. М., 2000.
3. Иванов А.В. Традиции живые и мертвые // Новые исследования Тувы. 2010. № 2.

О.А. Персидская

Социокультурный межэтнический конфликт: специфика феномена, особенности проявления

Акцентированная в социальных взаимодействиях языковая, культурная, конфессиональная, расовая и другая мозаичность является одной из отличительных черт современного общества. Дискурс, построенный на различиях социальных идентичностей, зачастую приводит к возникновению межгрупповых конфликтов на разных уровнях. Разная

этническая идентичность конфликтующих групп, манифестируемая в ходе конфликта, становится основанием для классификации межэтнических конфликтов как отдельного вида социальных конфликтов. Эти конфликты характеризуют как одни из наиболее затяжных и трудно регулируемых явлений социальной жизни. В их основе обычно находится сложное переплетение проблем этнических групп, далеко не все из которых, впрочем, имеют прямое отношение к этничности.

Для описания и анализа межэтнических конфликтов исследователи, как правило, выбирают кейсы, в которых явно присутствует выраженная ситуация противостояния, то есть проявленный, совершившийся конфликт, протекающий в насильственной или ненасильственной формах. В то же время, зачастую за рамками анализа остается широкое полотно фонового потенциально конфликтного межэтнического взаимодействия. Нам представляется, что в исследовательской практике для целей, связанных с как можно более полной фиксацией причин и последствий межэтнических конфликтов в широком контексте факторов их явного и фонового возникновения может быть использован социокультурный подход. Теоретические основания данного подхода были заложены в работах русско-американского социолога и социального философа П.А. Сорокина и развиты рядом отечественных и зарубежных научных школ. Так, в работах сотрудников Института философии и права СО РАН проработаны теоретико-методологические основания адаптации социокультурного подхода к анализу этносоциальной ситуации в рамках локальных полиэтнических (в терминологии авторов – межэтнических) сообществ [подробнее см. 1]. Представители данного научного направления Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев специфику социокультурного подхода связывают с трактовкой социального как существующего в культурном разнообразии, а отдельного социального организма – как сложного единства взаимодействующих этнокультур [2, с. 36]. Авторам представляются значимыми следующие принципы социокультурного подхода: принцип описания обществ в их генетических и функциональных связях, в обусловленности как антропо-географическим разнообразием, так и межкультурными

взаимодействиями, принцип анализа общества как исторически сформировавшегося ансамбля культур [3, с. 101].

Хотя межэтнические конфликты, насколько мы можем судить, не были самостоятельным объектом исследования у новосибирских этносоциологов, адаптация социокультурного подхода к теме межэтнической конфликтности обладает, по нашему мнению, значительным эвристическим потенциалом. Мы считаем, что на наиболее абстрактном уровне социокультурного подхода межэтническую конфликтность можно рассматривать как дестабилизирующий фактор, угрожающий интеграции сообщества как целостного социокультурного образования. В оптике социокультурного подхода динамика межэтнической конфликтности может быть представлена в широком ключе – например, через изучение детерминант, определяющих этнокультурную специфику, описание ценностных оснований, отраженных в семиотике коммуникаций, в координатах исследования иерархий идентичностей, определяющих поведение представителей разных этнических групп. В этой связи опора на данный теоретико-методологический подход способна дать другую, более тонкую объяснительную модель происходящим конфликтным процессам, как в период фонового накопления межэтнических противоречий, так и на этапе проявленного конфликтного взаимодействия.

Также представляется, что для аналитических целей имеет смысл выделение социокультурного межэтнического конфликта в качестве отдельного вида межэтнических конфликтов. О.М. Самойлова грамотно фиксирует суть социокультурного конфликта: по ее мнению, такой конфликт «определяется как предельное обострение противоречий в процессе совместного воспроизводства социальной реальности между большими социальными общностями (национальными, расовыми, этническими, конфессиональными). Противоречия могут быть основаны на нарушении системы культурных ценностей в этническом, религиозном и цивилизационном аспектах и ощущаемой (реально или мнимо) на этом основании ущемлённости социального статуса» [4, с. 91]. Акцентируем, что, в рамках нашего понимания, социокультурный

межэтнический конфликт не обязательно должен иметь открытое проявление, например, в виде актов противостояния с применением насилия (драк, погромов или войн, в основе которых лежат манифестируемые конфликтующими сторонами межэтнические противоречия). Скорее, социокультурный анализ межэтнической конфликтности предполагает фиксирование ее фонового потенциала: факторов напряжения, неявных противоречий, взаимных негативных оценок друг друга членами межэтнических сообществ. При этом, в основании такого анализа должны находиться противоречия по поводу ключевых норм, установок и ценностей. Социокультурный межэтнический конфликт предполагает не конфликт между конкретными субъектами взаимодействия, но символическое поле противостояния, реальность которого может быть доказана исследовательскими методами, даже при отсутствии его явного конкретного носителя.

По нашему мнению, адаптация социокультурного подхода к анализу межэтнических конфликтов и выделение социокультурного межэтнического конфликта как отдельного феномена может способствовать постановке и последующему анализу следующих актуальных вопросов: как именно происходит восприятие и осмысление конфликта в культурных терминах? Как культурные символы в одних случаях формируют почву для межэтнической солидарности и консолидации, а в других – усиливают противостояние и конструируют «образ врага»? Что является реальной причиной межэтнического социокультурного конфликта: расхождение в культурных ценностях или столкновение каких-то иных интересов в ситуации, когда противоречия в культурных ценностях используется лишь как скрывающая истинные причины вуаль?

Социокультурный подход помогает заблаговременно выявить деструктивные составляющие формирующегося конфликта, среди которых могут иметь место: негативная этническая стереотипизация, наличие коммуникационных барьеров между людьми, имеющими разную этническую идентичность, факторы, повышающие общий фон межэтнического напряжения. Своевременное выявление

триггеров позволяет предотвратить эскалацию межэтнического социокультурного конфликта и его развитие по деструктивному сценарию и способствует формированию условий для осуществления конструктивного взаимодействия на основе формирования общего культурно-ценностного пространства взаимодействия.

Библиографический список

1. Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская школа этносоциологии: этапы становления, основные результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1.

2. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Социокультурное видение нации и государственной национальной политики // Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / коллектив авторов; под. ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2018.

3. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Национальная политика и социокультурный подход // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3.

4. Самойлова О. М. Социокультурные конфликты (особенности определения и типологизации) // Власть. 2009. № 9.

И.С. Тарбастаева

К вопросу о теоретической модели моноэтнизации регионов

Проблема моноэтнизации регионов затрагивает фундаментальные основы государственной национальной политики, поэтому требует особого, пристального внимания со стороны экспертного сообщества. Под моноэтнизацией, применительно к российским регионам, автором понимается процесс сокращения их этнокультурного разнообразия путем эмиграции из них русского населения, в результате которого в этнической структуре доминирующим становится титульный этнос. О том, что власть серьезно озадачилась моноэтнизацией регионов, говорит тот факт, что в 2018 г. в Стратегию

государственной национальной политики внесли дополнение в виде признания «оттока русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока страны» в качестве актуальной проблемы в сфере межнациональных отношений [1].

Процессы моноэтнизации регионов, в частности, национальных республик, берут свое начало в 1990-е гг., когда русские активно покидали те из них, которые отличались обостренной межнациональной ситуацией. Объяснения этому понятны – кризис политической системы и крах идеологии «советского народа» привели к «параду суверенитетов», всплеску националистических настроений. Однако спустя двадцать лет, когда социально-экономическая ситуация в стране улучшилась, а государство уверенно взяло курс на укрепление «вертикали власти», на формирование российской нации, и, казалось бы, вся сфера национальной политики была взята под федеральный контроль, отток русских из национальных регионов не прекратился. Исследователи фиксируют нарастание моноэтничности значительной части «мононациональных» автономий [2, 3]. Если российская нация уже сформирована и уровень гражданской идентичности только повышается, то почему русские покидают национальные регионы? Как остановить «сжатие русского населения» и каковы последствия моноэтнизации? Эти и другие вопросы нуждаются в серьезном теоретическом осмыслении с привлечением обширных эмпирических данных по регионам Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. В настоящей же статье я сделаю попытку сформулировать общую теоретическую модель процесса моноэтнизации регионов.

Согласно выводам А. Г. Манакова, опубликованным в 2019 г., можно выделить следующие моноэтнизирующиеся регионы в Европейской части России: республики Башкортостан, Мордовия, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чечня и Дагестан [2]. В Сибири – это Республика Тыва [4], на Дальнем Востоке – Республика Саха (Якутия) [5]. Несмотря на то, что в каждом регионе свои особенности, процесс моноэтнизации обладает некоторыми общими чертами.

Выделив их, можно приблизиться к пониманию того, какие меры следует предпринять на уровне федеральной, региональной власти, чтобы остановить «сжатие русского населения» в национальных субъектах.

Г.Н. Нурышев выделяет четыре механизма в теоретической модели моноэтнизации: 1) латентная миграция; 2) медленная ассимиляция; 3) потеря исконных территорий; 4) геноцид [3]. На наш взгляд, в наиболее обобщенном виде теоретическая модель моноэтнизации должна быть более объемной и включать в себя:

А. Факторы, способствующие моноэтнизации:

– общие (социально-экономические, этнополитические, культурные);

– особенные, специфичные для отдельного региона;

Б. Механизм моноэтнизации:

– миграционные процессы,

– естественный прирост титульного населения;

В. Факторы, останавливающие моноэтнизацию:

– повышение общего уровня социально-экономического развития в республиках;

– специальные меры, направленные на целенаправленную поддержку оставшегося русского населения.

Общим фактором, способствующим оттоку русского населения, является социально-экономический фактор, выражающийся в падении уровня жизни, деградации промышленного сектора, уменьшении доходов населения. Е.Г. Маклашева пишет, что миграционная убыль русских, прежде всего, связана «с низким уровнем качества жизни, заставляющим ранее «приехавших» мигрировать в другие более благоприятные регионы России» [5, с. 101]. Так, в 2019 г. Республика Саха-Якутия заняла 72 место по рейтингу качества жизни, опустившись на две позиции с 2017 г. Следующим фактором является этнополитический, выражающийся в слабой представленности русских во властных структурах республик и престижных сферах занятости. Немаловажную роль играет культурный фактор: языковой барьер (русские часто не знают государственные языки титульных этносов), недостаточно развитая досуговая сфера русской культуры (акцент системы управления на поддержании культуры титульного этноса). К

особенным факторам моноэтнизации можно отнести: в Республике Тыва – территориальную удаленность от центра, труднодоступность региона, высокий уровень криминальности; в Северо-Кавказских республиках – присутствие элементов исламского радикализма, военные действия террористических организаций в 1990-е гг.; в республике Саха-Якутия – тяжелые климатические условия, которые в советское время компенсировались разного рода преференциями (льготами), которые сейчас становятся все менее заметными при общем падении уровня доходов.

Механизм моноэтнизации в национальных республиках, на наш взгляд, заключается в миграции (оттоке) русского населения с параллельным естественным приростом титульного населения. Во всех регионах исследователи отмечают высокий коэффициент рождаемости титульного этноса, что на фоне уменьшения численности здесь русских приводит к сокращению этнокультурного разнообразия в самом регионе. Безусловно, высокая рождаемость не может оцениваться иначе, как положительная динамика, и ее следует поддерживать на всех уровнях общественного управления. Поэтому решение обозначенной проблемы надо искать по линии создания возможностей для сокращения миграционного оттока русского населения.

К факторам, останавливающим моноэтнизацию, можно отнести ряд специальных мер, направленных на целенаправленную поддержку русского населения на местах. Так, в Туве в 2013 г. возникла идея объявить набор педагогов из числа носителей русского языка. Согласно официальным данным, глава Тувы учредил 10 грантов для учителей (по 1 млн. рублей на каждого), согласных работать в сельских школах. В 2014 г. на первый конкурсный отбор заявили 13 претендентов, причем не только из Тувы, но и из других регионов России – Красноярского и Пермского краев, Башкирии, Иркутской области [6]. Как заявил эксперт Центра политического анализа Андрей Тихонов в 2016 г., «тувинский опыт будет использоваться в Северо-Кавказском автономном округе, и это является признанием его успешности. При этом власти республики не скрывают, что проблема нехватки педагогических кадров остается, и пытаются ее решить не только за счет привлечения

учителей из других регионов, но и с помощью повышения квалификации местных кадров» [7]. Следует осознавать, что меры позитивной дискриминации могут произвести и обратный эффект в виде ухудшения межнациональных взаимоотношений между русскими и титульным населением, поскольку ставят первых в число более привилегированных граждан. Что касается приведенного примера с Тувой, то здесь существует мощный общественный запрос со стороны родителей, заинтересованных в улучшении качества преподавания русского языка. Тем не менее, специальные средства поддержки русского населения в республиках необходимы, поскольку дальнейшее сокращение данной категории приведет к ухудшению межнациональной обстановки по стране в целом.

В заключение отметим, что проблема моноэтнизации регионов достаточно сложная, неоднозначная, требующая вдумчивого, осторожного подхода со стороны экспертного сообщества и органов власти. Важно не допустить нагнетания обстановки и преувеличения масштабов последствий (русских никто не «выживает»), в то же время не стоит избегать анализа миграционных процессов в регионах в этническом срезе. «Сжатие русского населения» в национальных республиках стоит оценивать как негативную динамику в сфере национальной государственной политики, которая требует разработки и принятия комплексной программы, учитывающей особенности конкретных регионов.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 52 ст. 7477.

2. Манаков А. Г. Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 2.

3. Нурышев Г. Н. Внутренняя геополитика России: современные этнополитические вызовы // Экономика и экологический менеджмент. 2013. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-geopolitika-rossii-sovremennye-etnopoliticheskie-vyzovy> (дата обращения: 13.01.2020).

4. Тарбастаева И. С. Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // ЭКО. 2018. № 5 (527).

5. Маклашова Е. Г. Трансформация этнической структуры населения Якутии (территориальный срез) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4 (51).

6. «Сельские жители Тувы просят расширить программу привлечения в сельские школы русских учителей» // Официальный портал Республики Тыва. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/education/23736/.

7. «Языковая ситуация в Туве не требует вмешательства федеральных властей» // Редакция «Федерал-Пресс». [Электронный ресурс]. URL: <https://fedpress.ru/expert-opinion/1888189>.

С. А. Мадюкова

Этнокультурное измерение глобализационных процессов на локальном уровне: синхронный аспект

Этнокультурная ситуация в современном евразийском культурно-географическом пространстве в высокой степени определена тенденциями глобализации и информационно-технической революции. В связи с развитием новых технологий, интернет-СМИ, туризма и т.д. все более существенными признаками современности становятся мобильность, космополитичность, поликультурность. Еще 15-20 лет назад мы могли говорить о том, что глобализационные тенденции наиболее ярко проявляются в поликультурных городах, которые были в большей степени подвержены тенденциям технизации, урбанизации, универсализации ценностей и в которых в большей степени осуществлялись *непосредственные* контакты представителей различных этносов, религий и культур. Сегодня

же мы можем говорить о том, что влияние, оказываемое глобализационными процессами на этнические культуры, в гораздо меньшей степени зависит от типа локальности.

Усиление этнического объединения и обособления, рост этнического самосознания находятся в диалектической связи с универсализирующими тенденциями глобализационных процессов. Как считает Дж. Фридмен, «этническая и культурная фрагментация и модернистская гомогенизация – это не два аргумента, не два противоположных взгляда на то, что происходит в современном мире, а две важнейших тенденции глобальной действительности»[1].

Ядром культуры любой этнической группы являются традиционные этнокультурные ценности, и именно они нередко подвержены деформации под воздействием глобализации. До некоторой степени такие ценности десакрализуются современным контекстом, вытесняются в сферу публичного пространства. Тем не менее, сама жизнь человека является значимой ценностью как традиционной, так и современной культуры. Следовательно, представление, связывающее жизнеспособность индивида (социальной группы) с приверженностью к определенной системе ценностей, т.е. с этнокультурной традицией, остается устойчивым и распространенным. Это представление нередко становится ядром *неотрадиционалистских концепций*, направленных на формирование парадигмы этнического возрождения, которая могла бы способствовать консолидации этноса и его успешной интеграции в полиэтничный социум.

В тесной связи с глобализационными процессами находятся процессы социокультурной идентификации, в том числе активизации этнического самосознания. Самоидентификация посредством обращения к культурной памяти этноса представляется более надежной, стабильной, чем поиски идентичности в мире «западных», возникающих в результате процесса глобализации, идеалов. Таким образом, можно говорить о значимости этнических культур на локальном уровне для сохранения идентичности общества, когда локальное (этническое) сообщество «распознаёт» себя через выбор и интерпретацию традиций. Влияние процесса глобализации на

актуализацию этнического самосознания можно определить следующим образом: «глобализация как новый виток интеграционных и универсализирующих процессов, с одной стороны, делает более открытыми ранее закрытые общества, политические системы и культуры, сближает страны и культуры, с другой стороны, мобилизует локальные цивилизационно-культурные системы, которые предлагают свои версии мирового развития, не позволяющие преодолеть «цветущую сложность» человечества» [2, с. 5].

В современности можно говорить о смещении границ соотношения этнического и интернационального. Последнее отождествляется с *универсальным* в формах закрепления и трансляции социокультурного опыта. При этом сама этнокультурная традиция, являясь фундаментом этнокультурной идентичности, не является статичной, закостеневшей субстанцией. Корректнее будет говорить о постоянном обновлении такой традиции, происходящем в процессах этнокультурных взаимодействий, когда привносимые элементы другой этнической культуры (*b*) выступают как инновации для культуры *a*. Таким образом, в синхронии современная локальная культура является продуктом этнокультурного взаимодействия, в рамках которого осуществляется постоянное включение новаций в традицию и механизмы ее воспроизводства, переосмысление и принятие (закрепление) или неприятие (отторжение) таких инноваций. Но поскольку сами глобализационные процессы, предполагающие значительное ускорение обмена информацией, подразумевают синхронные взаимодействия культур *a, b...n*, то каждая этнокультурная традиция может многочисленно обновляться, варьироваться, не переставая при этом быть традицией, но являясь живой. Влияние на конкретную этническую культуру западных (чаще воспринимаемых как индивидуалистские, рациональные, нацеленные на прибыль, универсализирующие) и восточных (коллективистских, обладающих национальным колоритом и сакральными функциями) тенденций может нередко быть взаимоисключающим. И в результате таких постоянных взаимодействий и обновлений мобилизуется потенциал локальных цивилизационно-культурных систем, происходит активизация этнического *самосознания*.

В результате социально-культурных преобразований в традиционном обществе жизнь, культура, быт его представителей, система норм поведения, ценностных ориентаций постоянно меняются, обновляются и представляют собой сочетание традиций и инноваций, определяя новый путь развития конкретного общества. Таким образом, сохранение ядра этнической культуры в виде непрестанно обновляемой неотрадиции возможно только как *сознательный* ответ, реакция на изменения, источник которых находится вне социальной группы, а включение инноваций в систему традиций проходит непрестанную проверку на соответствие этому ядру, возможность их органичного включения в это ядро. Глобальные процессы, таким образом, преодолевают локальную и региональную замкнутость, побуждают этнические сообщества адаптироваться к социальным изменениям, нацеливающим индивида на высокую мобильность, приоритет индивидуального и достигательную мотивацию, и, вместе с тем, сохраняя свою этноспецифичность и отождествление себя с конкретным этносом, его системой ценностей и конкретных обрядовых практик. Наиболее адаптивной группой внутри этнического сообщества является молодежь, которая имеет существенно отличающуюся от старшего поколения систему ценностей, и для которой живая этнокультурная традиция является и способом социокультурной адаптации в поликультурном мире, и условием этнической идентификации, и некоей мыслительной конструкцией, и способом актуального поведения.

Библиографический список

1. Цит. по: Эриксен Т.Х. Что такое этничность?/ «Ethnicity and Nationalism», 2002 [Электронный ресурс] URL: <https://studfile.net/preview/4299450/>.

2. Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости / Отв. ред. В.В. Черноус // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Ростов-на-Дону, 2004. Вып. 23.

Д.В. Ушаков

**Многонациональные школы в крупном городе:
от проблем – к решениям**

Свойственная евразийскому учению идея единства многообразия может стать значительным теоретическим основанием в конкретике жизненных ситуаций, и отчасти находит своё воплощение в школьном образовании многих российских городов. Особенно крупные города Сибири аккумулируют в себе этническое, социальное и культурное многообразие населения. В отличие от небольших посёлков, где имеются как национальные, так и многонациональные школы, города, находясь на пересечении транспортных путей и будучи центрами экономической, производственной, культурной и политической жизни, притягивают к себе значительные потоки людей из разных регионов и стран. В крупных российских городах подавляющее большинство образовательных учреждений являются по составу многонациональными. Количество представителей разных народов и национальный состав варьируется в зависимости от региона, от количества постоянно проживающего и приезжающего населения.

Новосибирск как крупный поликультурный город всегда был многонациональным. Возникнув при строительстве железнодорожного моста через р. Обь, он стал связующим звеном двух транспортных направлений – с Запада на Восток, и с Юга на Север. Как транспортный узел, Новосибирск соединял центральные регионы России не только с Сибирью, но и с Севером, Дальним Востоком и Югом и развивался в дальнейшем как крупный промышленный и торговый центр сибирского макрорегиона. Согласно данным Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 г., в Новосибирске проживают представители 166 национальностей, из них русские составляют 92,8% населения (от количества указавших свою национальность), тогда как остальные этнические группы составляют лишь 7,2% [1, с. 23]. Волны мигрантов с некоторой периодичностью всегда пополняли состав его населения.

В последние двадцать лет город ощущал на себе усиление миграционных потоков как из стран ближнего зарубежья

(Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Азербайджан, Армения, Украина), так и из разных республик Российской Федерации. В последнее десятилетие поток приезжих не уменьшался, а все более возрастал в связи с ухудшением социально-экономических, культурных и политических условий жизни населения этих регионов и усилением трудовой миграции. Лишь в последние три года он немного сократился из-за изменения миграционного законодательства, усложнения социально-экономического положения и условий проживания мигрантов.

Сегодня в условиях борьбы с пандемией COVID-19 миграция значительно сократилась. Но это практически не повлияло на положение дел во многих школах. Поэтому проблемы межэтнических отношений остаются актуальными. Именно школы с многонациональным (полиэтничным) составом учащихся стоят на передовом рубеже формирования межнациональных отношений среди молодежи.

Из основных проблем, с которыми сталкиваются учителя, учащиеся и родители, можно отметить следующие: 1) перегруженность отдельных школ представителями тех или иных национальностей в силу компактного проживания мигрантов и диаспор в определённых районах; 2) слабое знание русского языка как основного средства межэтнической коммуникации, наличие языкового барьера; 3) отставание в освоении предметов из-за слабой языковой и предыдущей общей учебной подготовки; 4) проблемы психологической взаимной адаптации/деадаптации как мигрантов и их детей, так и принимающего населения.

Аналогичный круг проблем отмечают также специалисты, работающие в Новосибирске и в других крупных городах России. «Низкий уровень владения русским языком не позволяет ученикам усваивать материал в нужном объеме. Необходимы теоретическая и психологическая подготовка учителей, а также практическая разработка методов и приемов обучения русскому языку как неродному. ...Выбирая район города для места жительства, мигранты руководствуются в первую очередь своим материальным положением, личными побуждениями, а образовательное учреждение для детей выбирают по территориальному принципу. Дети разных

возрастных групп поступают в школу независимо от уровня владения русским языком. Отсюда возникает множество трудностей при изучении не только русского языка, но и других предметов (т.к. преподавание ведётся исключительно на русском языке), а также проблемы коммуникации и адаптации детей в новой среде» [2, с. 30 – 32].

Наиболее важным условием благополучной работы школ с многонациональным составом является оптимальное соотношение в них количества детей разных национальностей. При наличии среди учащихся более 30% представителей разных народов управлять учебным процессом становится чрезвычайно сложно, при меньшем количестве (например, 10 – 20%) проблемы обучения детей мигрантов не столь остры. Опыт многих школ показывает, что небольшие группы детей инофоров быстрее осваивают язык в среде принимающего большинства при благоприятном психологическом климате, гарантом которого должен стать грамотный в этнокультурном плане педагогический состав (классный руководитель, психолог, заместитель директора по воспитательной работе и др.).

Помимо языковых, возникает немало социокультурных и психологических проблем, таких как конкуренция и психологическое давление, лингвистический троллинг («обзывалки», обидные прозвища и высказывания и т.п.), вплоть до физического насилия.

Противостоять этим явлениям могут лишь идеи коллективизма, сотворчества, совместной деятельности, знание и уважение разных культур, неприемлемость стяжательства, обмана, культа личного превосходства. Все эти ценностные ориентации заложены, как известно, в идеологии евразийства.

Именно знание особенностей культурно-исторического развития европейских, восточных, южных и северных народов даёт возможность выверить общую направленность воспитания единой культуры взаимоуважения и снятия напряженности через конкретные знания. В учебный процесс следует вводить воспитание взаимоуважения так, чтобы, не акцентируя особого внимания на национальных различиях, проводить через гуманитарные предметы идею самоценности той этнической

культуры, к которой принадлежат учащиеся, и пользы организации их общей деятельности. Это возможно транслировать не только через гуманитарные предметы, но и естественнонаучные (биологию, химию, даже математику), если использовать в практике преподавания принципы природо- и культуросообразности, понимания того, что только через взаимообогащение компонентами этнокультур возможно развитие общей российской и мировой культуры. Поскольку именно школа призвана обучать и социализировать детей из семей с разными культурными традициями, формировать навыки общения и приемлемые модели поведения, чтобы дети могли стать полноценными гражданами поликультурного сообщества, постольку на учителей и педагогов возлагается миссия внедрения основ евразийской этики.

Можно отметить и более конкретные предложения для решения вышеназванных проблем:

1. Необходимо организовать дополнительную подготовку и переподготовку учителей и других педагогов по изучению особенностей истории, культуры и языков тех народов, представители которых присутствуют в учебных коллективах.

2. Целесообразно создать совет или ассоциацию руководителей школ с многонациональным составом учащихся с целью обсуждения совместно с представителями городской администрации и экспертного сообщества актуальных практических проблем и выработки мер по их решению.

3. Следует повысить статус образовательных учреждений, работающих с большим количеством представителей разных национальностей. С этой целью важно было бы присвоить школам с многонациональным составом учащихся статус экспериментальной площадки и распространять их педагогический опыт в других образовательных учреждениях.

4. Необходимо предусмотреть дополнительную финансовую, методическую и консультационную поддержку педагогов, реально занимающихся обучением и воспитанием детей мигрантов.

5. Следует способствовать организации и проведению в образовательных учреждениях профилактических занятий по

разъяснению социальной опасности идеологии экстремизма и неонацизма в молодежной среде.

Сама идея евразийства может стать практически реализуемой идеологией обретения единства ценностей европейских, азиатских, северных и южных народов при грамотном её внедрении в образовательно-воспитательный процесс на уровне учреждений среднего, а также и высшего образования.

Библиографический список

1. Национальный состав населения Новосибирской области (итоги Всероссийской переписи населения 2010 года): Статистический сборник (по каталогу 2.28). Федеральная служба государственной статистики / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2012.

2. Ушакова Н. Я. Обучение русскому языку детей-мигрантов на ступени основного общего образования в школе с полиэтническим составом: проблемы и способы их решения // Молодой ученый. 2015. №10.1.

Н.П. Кирсанова

О некоторых вопросах организации евразийского туризма

Мировое развитие сегодня отличают две главные тенденции: глобализация и регионализация. Эти процессы присущи всем сферам жизнедеятельности человека. Их следует учитывать при развитии мирового хозяйства в целом, в том числе и туристической индустрии как его неотъемлемой части. Указанные тенденции проявляются в рамках новых мирополитических феноменов – глобальных регионов. Глобализация имеет результатом появление всё новых блоков и союзов. Процесс регионализации приводит к уменьшению роли нации-государства и образованию региональных объединений. В современных условиях региональная интеграция становится доминирующей тенденцией мирового развития. Одним из

активно развивающихся региональных интеграционных процессов является евразийская интеграция. Вследствие этого приобретает особую актуальность вопрос исследования перспектив развития туристического потенциала новых евразийских государств в рамках Единого экономического пространства (ЕЭП), а также эффективное решение профессиональной подготовки кадров для этого пространства.

Современный международный туризм образует одну из крупных, высокодоходных и динамично развивающихся отраслей хозяйствования новых государств Евразии. Ему прогнозируют устойчивый и эффективный рост на последующие десятилетия. По данным долгосрочного прогноза экспертов ЮНВТО ожидается, что число международных туристических прибытий к 2030 г. достигнет 1,8 млрд. При этом в разных публикациях приводилось мнение, что самой популярной страной станет Китай, а Россия сможет войти в десятку наиболее популярных стран мира.

Исследователи давно сделали вывод, что экономическое значение индустрии туризма не ограничивается только финансовыми результатами. Туристическую деятельность отличает и мультипликационный эффект, и комплексное взаимодействие с основными секторами экономики, поэтому туризм может рассматриваться как катализатор обеспечения устойчивого развития евразийских государств.

Правительства новых независимых стран Евразии придают развитию туристской индустрии важнейшее значение, оценивая его едва ли не как главный фактор успешного развития экономики своих государств. Работники сферы туризма подчёркивают его экономическую пользу, в частности, видят в нем способ увеличения занятости населения [1, с. 99]. Мы же подчеркнём ещё и тот факт, что туризм есть влиятельный фактор установления и эволюции межкультурных коммуникаций. Благодаря активизации туристической деятельности усиливаются коммуникационные связи, расширяется культурное пространство, повышается культура граждан, обогащается духовный потенциал личности и общества.

Заинтересованность в расширении туристической деятельности ярко проявилась, например, в ходе проведения в г. Алматы заседания экспертного клуба «Мир Евразии» на тему «Культурно-туристская дипломатия: развитие через диалог и сотрудничество» (2016) [2]. Мы обратили внимание на то, что особо были выделены меры по расширению отношений и новые формы сотрудничества в сфере туризма стран евразийского пространства. Тогда же политолог Антон Морозов привел примеры того, как региональные, межстрановые туристические маршруты или объекты постепенно становятся крупными участниками мирового туристского рынка. Это направление в мировом туризме задано давно, имеются нужные механизмы и алгоритмы действий.

Последняя четверть XX в. и первые десятилетия XXI в. ознаменовались ускоренным развитием индустрии туризма, что превратило его в глобальное явление по массовости, формам и технологиям организации отдыха. Туризм как форму экономической деятельности можно расценивать как объективное глобальное явление, которое гармонизирует и диверсифицирует фундаментальные процессы хозяйственного освоения евразийского пространства. Во многих случаях туризм выполняет вспомогательные хозяйственные функции и дополняет доминирующие производства. При отсутствии природных предпосылок для развития промышленности или сельского хозяйства и наличии рекреационно-туристических ресурсов туризм зачастую претендует на ведущие позиции в хозяйствовании.

Все эти характеристики необходимо учитывать в деятельности современной высшей школы, осуществляющей подготовку высокопрофессиональных кадров для евразийского пространства. Поскольку в Университете при МПА ЕврАзЭС обучается большое количество студентов из различных евразийских государств, в рамках их учебно-научной творческой работы сформировалась идея разработки евразийских туристских маршрутов. Так постепенно стали формироваться предпосылки практического оформления модели евразийского туризма.

Научно-педагогические работники Университета включили в содержание заданий для обучающихся (в том числе и в ходе учебных и производственных практик) выявление основных видов туристической деятельности, которые могли бы получить развитие в рамках Евразийского экономического союза. Среди них наибольшее внимание привлекли такие виды, как событийный туризм (например, Всемирные игры кочевников), познавательный туризм (ознакомление с памятниками евразийской истории и культуры); паломнический туризм (посещение святынь Евразии, относящихся к разным конфессиям); оздоровительный туризм (здравницы в различных государствах современной Евразии), гастрономический туризм (ознакомление с кухнями евро-азиатских народов), экологический туризм (сохранение евразийского растительного и животного мира), агротуризм (особенности ведения сельского хозяйства в различных регионах континента) и др. Что-то из этого уже сделано, но перспективы представляются обширными и вполне реальными. Важно и развитие евразийского детско-юношеского туризма.

Сегодня в евразийских государствах, в том числе и в России, сравнительно невелик удельный вес межрегионального туристского продукта в структуре пакетных и индивидуальных туров региональных туроператоров. Мы подчёркиваем потребность в создании и продвижении макрорегиональных брендов. Анализ пространственной организации евразийского туризма позволяет прогнозировать реальную возможность формирования на евразийском пространстве туристских макрорегионов с регулярными и массовыми межрегиональными контактами между субъектами евразийского туризма.

Включение подобных маршрутов в туристическую индустрию государств Единого экономического пространства может способствовать достижению ряда важных для эволюции евразийской интеграции целей. На первое место следует поставить придание гуманитарного измерения этому региональному интеграционному процессу, расширение сферы межкультурных коммуникаций, в частности, оказание помощи спасению и сохранению общего естественного и культурного наследия Евразии. Отметим и преодоление ряда проблем в

развитии туристического сектора Киргизии, Таджикистана, Казахстана, России и других государств, где при общей положительной динамике развития выездной туризм всё же значительно превышает въездной.

Большинство экспертов отмечают, что евразийские государства пока ещё выступают главным образом конкурентами в организации туристских путешествий. А формирование евразийского туризма будет стимулировать кооперации представителей разных отраслей хозяйствования, работников социокультурной сферы по формированию единого туристского пространства. При этом будущим работникам туристской индустрии следует прививать навыки и умения активно и эффективно действовать по организации системы туристского сообщества в Едином экономическом пространстве, что позволит стабильно привлекать значительные потоки не только зарубежных, но и внутренних путешественников. Рост туристских посещений потребует формирования полноценной и высокоразвитой туристической индустрии, прежде всего, повышения качества туристских и гостиничных услуг в государствах-членах ЕАЭС.

Развитие туристической отрасли как прибыльного сектора экономики является важным фактором социально-экономического развития и культурного подъёма стран-участниц ЕАЭС. Оно способствует их гармонической интеграции, включению в мировые глобализационные процессы. Предлагаемый проект евразийского туризма можно определить как форму народной дипломатии, которая в условиях технико-информационного мира приобретает особую значимость и для регионального интеграционного процесса в целом, и для его отдельных участников на евразийском социокультурном пространстве.

Библиографический список

1. Грдзелишвили Н.Ш. Туризм как фактор ускорения интеграционных процессов на евразийском пространстве // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 1(22).

2. Полетаев Э. Туризм в Евразии: смена ценностей и новые формы сотрудничества [Электронный ресурс] URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2016-11-13--turizm-v-evrazii-smena-cennostej-i-novye-formy-sotrudnichestva-26816>

Е.Е. Ланина

О просветительской роли рекламистики

Последние десятилетия XX в. и первые десятилетия XXI в. вполне можно назвать десятилетиями рекламы. В жизни постиндустриального информационного общества рекламная индустрия стала играть важнейшую роль, вследствие чего значительно возросла потребность в высокопрофессиональных кадрах рекламистов. Роль рекламы уже давно не ограничивается рамками ни коммерческих коммуникаций, ни даже всей рыночной деятельности. В связи с этим особенно остро встаёт вопрос о содержании подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере рекламной деятельности. Его актуализация должна основываться на научных исследованиях феномена рекламы, как в России, так и за рубежом, в том числе на привлечении материалов исследователей и научно-педагогических работников новых евразийских государств.

Россия накопила значительный опыт ведения рекламной деятельности. Российская реклама активно развивалась, например, в XIX в. даже в российской провинции [1, с. 171-203]. Особенный рывок рекламная деятельность совершила в последние годы, хотя следует обратить внимание на обращение как России, так и других новых евразийских государств к опыту преимущественно западноевропейской и американской рекламы. Представляется необходимым расширить использование опыта отечественной рекламы, особенно учитывая её просветительскую составляющую.

Сегодняшняя рекламистика значительно расширила перечень своих функций. Ю.В. Пидшморга классифицировала роль рекламы в современном мире как широкий спектр функций экономического (формирование потребительских предпочтений, содействие товарообороту, управление спросом) и

внеэкономического (политическая, информационная, воспитательная, социокультурная, психологическая, художественная, идеологическая) характера [2, с. 6-7]. Значительную роль играет просветительская направленность рекламной индустрии. Даже западные специалисты в сфере рекламистики подчёркивают, что в современном мире эффективная продажа товаров как задача отошла на второй план. Известный теоретик рекламы П. Мартино открыто заявляет, что первоочередной задачей рекламной продукции является «присоединение людей к нашей американской системе» [3, с. 20], т.е. вовлечение их в сферу американской культуры.

В современном мире отмечается рост научных исследований рекламы. Отечественные эксперты особо подчёркивают тот факт, что рекламную деятельность можно считать фактором возрождения современных и традиционных культурных ценностей государства и общества, что является важным условием успешного построения гуманного государства, высоко организованного гражданского общества [4, с. 3]. В частности, выделяется и психологическое воздействие рекламного продукта, в результате чего формируется здоровая психика будущих поколений. Приведём здесь мнение А. Веригина, который в начале XX в. писал, что реклама только тогда будет действенной и хорошо встречаться, когда она будет идти совместно с чем-либо серьёзным и полезным. По его мнению, особую роль реклама приобретёт, когда станет говорить что-нибудь мысли, любознательности, доброму чувству или интересу потребителя [5, с. 18].

В современном социуме чаще всего встречаются подражания рекламным продуктам европейского и американского происхождения. Но в последние годы всё больше появляется рекламных обращений, использующих в качестве ресурсов воздействия архетипы коллективного бессознательного и символы прошлого, присущие как отдельным евро-азиатским этносам, так и евразийской культуре в целом. В этом контексте особую актуальность получает культурологическое исследование рекламы как человекотворческого феномена, способного осуществлять фундаментальные изменения в

духовном мире и поведенческих проявлениях современного человека [6, с. 3].

Развитие новых форм туризма и необходимость их продвижения вызвали к жизни и новые направления в рекламной деятельности (соответственно, стали необходимыми и изменения в учебных программах подготовки рекламистов). Особого внимания требуют событийный, археологический, образовательный виды туристической работы, что обуславливает и особые требования к производству рекламной продукции. Вследствие этого молодым специалистам нужны знания в области истории и культуры, как своей страны, так и всей Евразии. Нам представляется также необходимым включение в образовательные программы хотя бы первоначальных знаний из истории искусств с целью повышения эстетического качества рекламы. Следует также учитывать в производстве рекламных обращений и возрастные особенности потребителей рекламы. Подрастающие поколения нуждаются в эстетическом воспитании и формировании художественного вкуса. Кроме того, дети и юношество с помощью рекламы могут также получать начальные знания в сфере естественных и технических наук.

Соблюдение таких условий позволит расширить сферу воздействия рекламной продукции, повысить ее просветительское значение, неизбежно связанное с патриотическим воспитанием. Современные исследователи подчёркивают, что сегодня рекламное дело перешло границы своей маркетинговой сущности и стало важнейшим институтом воспитания и социализации личности. Они обращают внимание на то, что, по сравнению с другими актёрами культуры, рекламистика оказалась наиболее оснащённой в технологическом плане. При условии грамотного исполнения рекламных произведений, они будут играть положительную роль в преодолении разрушительных тенденций, имеющих в современном социокультурном пространстве, и способствовать формированию интереса к культурному наследию – и общемировому, и отдельных евро-азиатских народов.

Библиографический список

1. Свешникова Е.Е. Особенности развития рекламы в губернских городах Центрально-Черноземной России Орле и Курске в конце XIX-XX вв. // Очерки рекламной деятельности в государствах Евразии: коллективная монография / Под ред. М.Ю. Спириной. СПб., 2017. (Серия «Евро-Азиатские исследования»).

2. Пидшморга Ю.В. Социокультурное воздействие рекламы на ценности современного российского общества. Автореф. дис. ... к. культурологии. Краснодар, 2009.

3. Цит. по: Феофанов О.А. Реклама: Новые технологии в России. СПб., 2003. См. также электронный ресурс: <http://www.e-slovar.ru/dictionary/22/21508/>

4. Рязанцев А.А. Возрождение культурных ценностей в пространстве современной рекламы: автореф. дис. ... к. филос. наук. Тамбов, 2011.

5. Веригин А. Русская реклама. СПб. 1898.

6. Кузьмина О.В. Антропологические матрицы рекламы в современной культуре: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2013.

*Наванзоч Х. Цэдэв, Д. Мунхбат, С. Баттөр,
Д. Бямбахишиг*

Глобализация и образование в Монголии

Общеизвестно, что с 1990-х гг. прошлого века Монголия вступила в процесс глобализации. Степень глобализации нарастала, особенно в сфере национальной безопасности и в вопросах стратегического развития страны. Монгольские демократы работали по советам и наставлениям американцев. Под предлогом защиты прав человека в Монголии в последние 30 лет господствовали безответственность, недисциплинированность, погоня за деньгами, в результате чего многие монголы стали бессовестными и безнравственными людьми [1].

В настоящей статье будет рассмотрено влияние глобализации на систему образования Монголии.

По мнению многих исследователей, в стране до сих пор не сформировалась устойчивой политики в области образования. Каждый раз, когда меняется Правительство, изменяется политика прежнего парламента и утверждается что-то другое. Кроме того, на систему образования и культуры страны в целом оказывают влияние самые различные социальные факторы, такие как распространение в Монголии нетрадиционных религий, создание семьи с представителями других национальностей, приезд в страну представителей других национальностей, ориентация на американскую и западную образовательную систему и культуру, отсутствие правительственных программ по охране национальной культуры и родного языка, распространение ценностей рыночной экономики, низкий уровень жизни населения в отдаленных аймаках и сомонах, слабая связь экономики и культуры регионов страны, разрушительные подходы в области внешней политики и т.д. [2, с. 84-85].

Возьмем некоторые цифры. По данным Государственного статистического комитета (ГСК), в 2017 г. было зарегистрировано 344 монастыря и церкви в стране, 180 из них – христианские. А традиционных буддийских монастырей всего 136. В Дархан-Ульском аймаке ведут деятельность 5 традиционных буддийских монастырей и 15 нетрадиционных христианских (протестантских) церквей. В Улан-Баторе действуют 179 монастырей и церквей, из них 127 христианских церквей, 43 буддийских монастыря [3]. Пасторы чужих нетрадиционных религий упорно работают, чтобы реально влиять на жизнь верующих.

Нетрадиционные религии все больше привлекают интересы подрастающего поколения. По данным ГСК за 2017 г., в Гоби-Алтайском аймаке 80 ребят учатся в протестантской церкви и всего лишь 1 – в буддийском монастыре [3]. Распространение нетрадиционных религий является одним из самых ярких факторов принятия глобализации как закономерного процесса мирового развития.

При такой этноконфессиональной ситуации демократия все чаще становится «ширмой», за которой прячутся согласованные стратегии международных трестов, корпораций, банков.

Понятно, что образовательная сфера страдает от такой политики в первую очередь. Конечная цель глобализации состоит в стремлении Запада навязать незападным странам свое цивилизационное устройство как единственно верное и подлинное [4, с. 19]. Одним из идеологических средств Запада, на наш взгляд, является внедрение нетрадиционных религий и их различных течений в культурную жизнь Монголии.

Система образования Монголии, на наш взгляд, не обрела подходящей стратегии развития, хотя ежегодно декларирует что-то новое. В последние 30 лет в общеобразовательных школах говорились и говорят донныне самые хорошие и благостные слова под флагом образовательных реформ: поступление в школу с шести лет, Кембриджская программа, национальная программа «Правильное монгольское дитя», программа «Ядро» и другие. Но в последнее время многие исследователи и педагоги обеспокоены тем, что в результате слишком открытой политики в отношении других стран мира, особенно Запада и США, процветают чужие, нетрадиционные религии, что является одним из факторов, мешающих развитию образовательной системы в целом.

Система образования Монголии в качественном отношении оценивается как неудовлетворительная. В стране функционируют 850 общеобразовательных школ, из них 147 – частные. В них учатся 650 тысяч учащихся. Ведут обучение 94 вуза, из них 73 – частные, 3 – зарубежные филиалы. В Улан-Баторе действуют 86 вузов, во всех других регионах страны – 8. Отсюда явно видна концентрация вузов в столице. По индексу образования Монголия заняла 122 место из 155 стран. По знаниям английского языка наша страна получала оценку «очень плохо» и записана на 71 месте из 80 стран [5].

Сегодня в Улан-Баторе учатся около 140 тысяч студентов, а в ПТУ – всего 40 тыс. чел. В ПТУ выдают учащемуся ежемесячно 200 тыс. тугриков. Многие, даже взрослые, хотят учиться там, поэтому пришлось ограничить прием до 45-летнего возраста. В столице функционируют 275 общеобразовательных школ, из них 148 – государственные, в которых учатся 318 тыс. школьников, 127 – негосударственные, в них учатся всего 40 тыс. чел. В государственных школах в одном классе числится

30-40 учащихся, в негосударственных – не более 20 чел. Государственные школы, как известно, бесплатные. Негосударственные средние школы – все платные, причем плата высокая, колеблется в пределах от 5 до 50 миллионов тугриков в год. Только богатые и бизнесмены отдают своих детей в эти дорогие школы. Отсюда видна неравноправность в общеобразовательной системе. Как писал Л.Мөнх-Эрдэнэ, «ныне в Монголии неравноправность в образовании сама стала уже ценностью. Монгольская система образования является не только неравноправной системой, но еще и системой, построенной на угнетении и эксплуатации» [6]. Основаниями такой неравноправной системы, как считает Л.Мөнх-Эрдэнэ, являются превращение образования, во-первых, в сугубо личное дело, во-вторых, в средство обогащения, в-третьих, средство социальной дифференциации и роста различий, в-четвертых, средство укрепления неравенства.

Хотя сегодня, в условиях глобализации, распространяется плюрализм, при разработке образовательной политики следует учитывать особенности и отличия человека – монгола, его менталитета, четырехвременное территориальное расположение (по временам года), питание и продукты, культуру и цивилизацию. В частности, вместо разработки «своей» стратегии образовательной политики правительством, министерствами и их канцелярскими управлениями копируется образовательная политика высокоразвитых стран, что имеет недостатки и недочёты не только в развитии страны, но и в обеспечении потребностей обучающихся.

Согласно данным нашего исследования, одним из серьезных факторов торможения позитивного развития образовательной системы нашей страны является принятие глобализации, а по сути, вестернизации, как неизбежного для нас процесса развития. Вместе с тем, считаем неприемлемым свободное проникновение в страну чужих и тем более чуждых идей и ценностей. Это касается и нетрадиционных религий, которые внедряются без всяких препятствий. Имеет место принятие этих религиозных учений монголами, в первую очередь, бедняками, безработными, школьниками и студентами. По сообщениям СМИ Монголии, в последние 4 года 108 несовершеннолетних

покончили жизнь самоубийством [7]. Этот факт сам по себе является серьезной угрозой для страны и ее будущего. В нынешнее время изменились и понятия о врагах и возможной агрессии. Сегодня нет явных угрожающих Монголии военных союзов, государств или наций, а «врагами стали транснациональные религии, преступные группировки, такие как группа Бен Ладена, Талибан, Исламская республика – ISIS, пираты и др, даже НАТО не добилась успехов в борьбе с ними» [8]. Так считает военный специалист. Под лозунгом глобализации в Монголию свободно проникают чужие нетрадиционные религии: протестантские, мунские, исламские и др. Это есть настоящее религиозное насилие, в результате чего происходит промывание мозгов у детей и молодежи. У граждан нашей страны сложилось мнение, что именно религии влияют на межнациональные противоречия и конфликты [2, с. 41]. Террористы – это прежде всего именно проповедники чужих религий.

Одним из самых противоречивых религиозных течений являются последователи Муна. О распространении соответствующих идей в Монголии в свое время поднялся шум, и много говорили. Наконец, сторонники этого течения официально просили извинения и уходили в отставку. Сторонники Муна придерживаются следующего принципа: чтобы строить новое общество, ты должен создавать новый тип семьи. В Монголии отец и мать – основное ядро семьи. Благодаря их заботе устойчиво существует семья. Учение Муна отрицает роль родителей, якобы потому, что они не могут готовить своих детей к совершенному обществу. Тебя ждет новое общество. Настоящими твоими родителями являются Сан Мён Мүүн, его жена Хаюка Хан Мүүн – так учит религия Муна. Одним словом, здесь отрицается роль традиционной семьи. Выходит, что следует отделять детей от их семей, они будут воспитываться в церкви Солидарности как истинные личности [9]. Во многих странах мира, например, в Австрии, Франции, Германии, России, Киргизии, Китае и некоторых Шенгенских странах религия Муна запрещена.

Таким образом, чужие религиозные течения, вошедшие под флагом глобализации в Монголию, несомненно, оказывают и

будут оказывать самые негативные воздействия на развитие и социализацию детей, особенно на их мировоззрение и менталитет. Как отметил академик Н. Бэгз, в последнее время язык и речь у молодого поколения деградируют, оно плохо знает историю Родины и своей национальности. Столичные и поселковые дети неправильно питаются, становятся более зависимыми от мобильных телефонов и компьютерных игр, что уже привело к бедствию глобального характера [10, с. 9]. Все это происходит из-за отсутствия национальной стратегии в области образования и культуры.

Заключая, можно сделать следующие основные выводы.

Во-первых, за годы демократической революции, т.е. с 1990-х годов и по сей день, система образования Монголии «топчется на месте» из-за отсутствия явно выраженной стратегической политики в этой весьма важной сфере общества. Необходимо выработать национальную программу развития образования, базирующуюся на прочной основе национальной культуры и собственной цивилизации с целью подготовки истинных патриотов своей страны.

Во-вторых, глобализацию не следует рассматривать как неизбежный процесс развития и демократизации общества. Во многих случаях она становится средством пропаганды находящегося в кризисе западного и, прежде всего, американского образа жизни с целью «промывки мозгов», в первую очередь молодому поколению.

В-третьих, в Монголии формируется разрушительный американский вариант образовательной системы. Американские элиты обучают своих детей в школах с большой платой, примерно 40-50 тысяч долларов в год. Затем их дети продолжают учёбу в Гарвардском университете или в других вузах лиги Айвы. Такая же картина у монгольских элит, руководящих кругов страны. Следует исправить такое явно искаженное положение дел. Над проникновением в Монголию нетрадиционных религий с начала 1990-х годов активно работали американцы, затем корейцы. Малолетних ребят-школьников накачивают чуждыми религиозными учениями, а молодежь – ненаучными идеями и концепциями.

В-четвертых, необходимо устранить неравноправие в образовании, установить равную доступность и возможность получения образования согласно положениям Закона об образовании.

Библиографический список

1. Нарангэрэл С. Монголчууд энэ дэлхийн хамгийн жудаггүй ард түмэн болсон // Удрийн сонин. №084 (6184, 6185).
2. Наваанзоч Х.Цэдэв., Адууч Д.Мунхбат. Шашны нухцул байдлын судалгаа. Г. Улан-Батор.
3. Батбух П. Монголчууд мудхун зуун хувь загалмайн шашныг дээдлэн шүтдэг болох нь [Электронный ресурс]. URL: www.bolod.mn.
4. Кравцов Д.И. Особенности глобализационного давления на образовательную систему // Философия образования. 2013. №1 (46).
5. Энхтуул Б. Дэлхийд унэгүйдсэн монгол боловсрол [Электронный ресурс]. URL: www.news.mn.
6. Мунх-Эрдэнэ Л. Боловсролын тэгш бус байдлыг хэрхэн бууруулах вэ? [Электронный ресурс]. URL: www.ikon.mn.
7. Хүрэл Э. Шашны гаж урсгалаас болж сурагч хүү ангидаа уурийгуу боомилсон байж болзошгүй гэнэ // Удрийн сонин. 2016.12.21. №295 (5560).
8. Сосорбарам Ч. Даяаршил мэдээллийн энэ зуунд аюул заналхийллийн агуулга, хэлбэрт ихээхэн уурчлуулт гарсан // Удрийн сонин. 2018.02.28. №031 (5874).
9. Дэмбэрэл С. Муун хуний итгэл бишрэл шашин шүтэх эрхийг будуулгээр зурчдуг // Удрийн сонин. 2016.02.24. №042 (5307).
10. Бэгз Н. Монгол улсад боловсролын талаар ойрын жилд баримтлах бодлогын чиглэл // «Боловсрол судлал» сэтгүүл. 2019. №3.

СЕКЦИЯ 4

Политический процесс на евразийском пространстве

Я.Ю. Шашкова

Роль патриотического воспитания школьников в легитимации региональных политических режимов (на примере Кемеровской области)

В РФ особое внимание патриотизму и процессу его формирования стало уделяться с середины 2000-х гг., по мере укрепления авторитарных, великодержавных тенденций и настроений в российской политике. Этот процесс сопровождался своеобразным ренессансом советской риторики, в том числе в сфере патриотического воспитания. Однако в ряде регионов РФ этот дискурс стал использоваться еще раньше, как элемент легитимации моноцентричных политических режимов. Одним из наглядных примеров данного кейса выступает Кемеровская область.

Сформировавшийся в середине 1990-х гг. моноцентричный режим А.Г. Тулеева активно использовал популистскую, коммунистическую, апеллировавшую к советской эпохе риторику для своей легитимации. Доходы региона от угольной отрасли позволяли реализовывать социальные программы для различных категорий населения, в связи с чем региональный режим приобрел черты социального авторитаризма. В идеологической сфере его органичным элементом стало формирование регионального патриотизма на основе советских методик воспитательной работы в школе.

Под региональным патриотизмом в данном случае понимается не просто региональная идентичность как чувство пространственной принадлежности, а «стремление индивидов остаться (не переезжать в другое место) для активной деятельности» на благо своей территории [1, с. 70]. Формирование регионального патриотизма предполагает в

первую очередь широкое и системное информирование школьников об истории и современных достижениях своего региона, значимых событиях в нем.

Еще в 2000-е гг. в области существовала широкая сеть историко- и военно-патриотических центров и организаций, регулярно проводились мероприятия и конкурсы патриотической направленности, издавались методические материалы (например, «Патриотическое воспитание молодежи» и «От первоклассника до призывника», 2007 г.). В 2009 г. участники слушаний в Общественной палате Кемеровской области по вопросам духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи отмечали, что «в области разработаны и реализуются долгосрочные региональные программы: «Юный гражданин Кузбасса», «История земли Кузнецкой», «Кузбасс – герой фронта и тыла», «Юные Звезды Кузбасса». В реализации программ ежегодно принимают участие до 10 тысяч школьников». «... Мы планомерно проводим работу по увековечиванию в Кузбассе памяти о выдающихся людях и событиях. Нашу инициативу о присвоении имен известных земляков общеобразовательным учреждениям, школьным музеям, патриотическим объединениям области активно поддерживают общественные организации. За два последних года образовательным учреждениям, школьным музеям, патриотическим объединениям в 25 территориях области было присвоено 68 имен выдающихся земляков» [2, с. 142–143]. В 2012–2013 гг., в рамках празднования 70-летия Кемеровской области, проводились творческие конкурсы: «Мы родом из Кузбасса», «Песни земли Кузнецкой», «на Кузбасском подворье», «Кузбасская околица», «Кузбасские потешки» и т.п. [3].

Обозначенные тренды в формировании регионального патриотизма сохранились в области и после смены губернатора. Например, 11 октября 2018 г. на всей территории Кемеровской области был запущен таймер обратного отсчёта «До 300-летия Кузбасса осталась 1000 дней». «Над входами центральных учреждений поселений зажглись электронные табло с обратным отсчетом» [4], аналогичные счетчики располагались на интернет-страницах образовательных учреждений.

На этом фоне возникает вопрос об эффективности предпринимаемых усилий.

Опрос школьников СФО, проведенный в сентябре 2020 г. (опрошено 2013 учащихся 8-11 классов 10 регионов СФО. Выборка – квотная с контролем признаков возраста, типа населенного пункта и региона проживания. Метод сбора информации – анкетирование), показал высокий уровень интереса школьников Кузбасса к региональной и местной политике – 60,9% и 63,7% соответственно.

Однако все остальные вопросы свидетельствуют, что патриотическое воспитание не находит отклика у школьников региона или даже вызывает у них негативную реакцию. Так, о праздновании 300-летия Кузбасса оказалось осведомлено только 0,4% респондентов; 6,5% отметили, что знают о программах патриотического воспитания граждан РФ, 32% что-то слышали об этом. 62,5% школьников за последние 2–3 года не участвовало ни в каких мероприятиях патриотической направленности; 31,5% посещали историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений, 12,5% – выставки патриотической направленности, 7,3% участвовали в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике, 4,8% – в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных. При этом 50% респондентов отрицательно или скорее отрицательно относятся к введению обязательного патриотического воспитания в школах и вузах, 26,2% ответили, что им это безразлично.

Патриотом себя однозначно или скорее считают почти половина учащейся молодежи Кемеровской области (47,6%), но 33,1% ассоциирует себя с «малой родиной» (своим населенным пунктом), в то время как с регионом – только 16,5%. И, наконец, жить в своем регионе в дальнейшем согласны лишь 9,7% школьников, 19,8% и 35,5% соответственно собираются покинуть его временно или навсегда, еще 15,3% хотят покинуть свой регион, но пока не имеют такой возможности.

Таким образом, несмотря на многолетние и системные усилия руководства Кемеровской области по формированию регионального патриотизма как ресурса региональной власти, их эффективность остается очень низкой, что обусловлено

плюрализмом информационного пространства цифрового общества, а также сменой эпох в кузбасской политике. И если А.Г. Тулеев в 2000-е гг. обладал харизмой, в том числе в глазах молодежи, то события в «Зимней вишне» подорвали веру молодых людей в эффективность регионального управления, состав предпосылки его делегитимации – на данный момент губернатору области полностью или скорее доверяют лишь 24% школьников.

Библиографический список

1. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – М., 2010.

2. Слушания в Общественной палате Кемеровской области по вопросам духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2009. №8.

3. Мероприятия в рамках празднования 70-летия Кемеровской области // Сайт ГАУК «Центр народного творчества Кузбасса». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nt-kuzbass.ru/1543.htm>.

4. До 300-летия Кузбасса осталось 1000 дней // Сайт Кемеровского муниципального округа. 2018. 12 октября. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akmrko.ru/city/news/12014/>.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Проблема обеспечения информационной безопасности на евразийском пространстве (на примере ОДКБ)

Приоритетной целью ОДКБ с момента ее учреждения является формирование «многофункциональной структуры комплексного обеспечения коллективной безопасности входящих в нее государств» [1], в рамках которой в современных условиях важное место занимает обеспечение информационной безопасности. Так, например, в январе 2020 г. в Москве состоялся 22-й Большой Национальный форум информационной безопасности «Инфофорум-2020», на пленарном заседании которого выступил ответственный секретарь Парламентской Ассамблеи ОДКБ С. Поспелов, отметивший, что обозначенная цель обусловлена дестабилизирующим влиянием информационных факторов. Перечень их достаточно широк, а именно, к таковым были отнесены: масштабное использование интернет-пространства для экономического давления на государства и психологического воздействия на население, технологии «гибридных войн», «цветных революций», терроризма и экстремизма. Подчеркивалось, что объектами деструктивного информационного воздействия становятся не только государственные органы управления, крупные финансовые структуры, критически важные объекты информационной инфраструктуры, производства и жизнеобеспечения населения, но и гражданское население, особенно молодежь, наиболее уязвимая к дезинформации и киберсталкингу [2]. В этой связи обеспечение информационной безопасности на пространстве ОДКБ приобрело статус стратегической задачи, закрепленной в действующей Стратегии коллективной безопасности [1].

Интересно отметить, что в рамках ОДКБ формирование системы информационной безопасности представляет собой длительный и последовательный процесс. Первые шаги на этом пути были заложены Программой совместных действий по формированию системы информационной безопасности государств – членов ОДКБ (от 5 сентября 2008 г.) [3, с. 5].

В 2010 г. в Уставе Организации Договора о коллективной безопасности как важное направление сотрудничества было закреплено обеспечение информационной безопасности (Протокол о внесении изменений в Устав ОДКБ, подписанный 10 декабря 2010 г.). В том же году было принято Положение о сотрудничестве государств – членов ОДКБ (решение Совета коллективной безопасности ОДКБ от 10 декабря 2010 г.). В нем определялись национальные координирующие органы в сфере обеспечения информационной безопасности [3, с. 6].

Для осуществления последовательной работы немного позднее утверждается два документа: План первоочередных мероприятий по формированию основ скоординированной информационной политики в интересах государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности и План по совершенствованию мер, направленных на укрепление системы информационной безопасности государств – членов ОДКБ.

Комплексным документом стала Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности (2016 г.). Важно отметить, что в ней определены угрозы коллективной безопасности по всем направлениям сотрудничества, в том числе, включая и информационную сферу. Более того, в рамках этой Стратегии предполагается решение существующих проблем информационной безопасности [1].

Вышеперечисленные шаги представляют далеко не полный перечень различных мер, направленных на формирование системы информационной безопасности. В частности, в настоящее время разрабатываются такие комплексные специальные правовые акты, как: модельный закон «Об информационной безопасности»; модельный закон ОДКБ «О противодействии технологическому терроризму на объектах топливно-энергетического комплекса»; рекомендации по регулированию оборота виртуальных валют, Концепция плана действий и инструментария в вопросах противодействия кибервызовам и угрозам на период 2021–2025 гг. [2].

Нельзя не сказать и о том, что в формате ОДКБ совместно отрабатываются на практике механизмы взаимодействия. В соответствии с Протоколом о взаимодействии государств-

членов ОДКБ по противодействию преступной деятельности в информационной сфере осуществляется помощь взаимодействию специальных подразделений органов безопасности и внутренних дел в ходе расследования соответствующих преступлений. Еще один пример: в рамках операции постоянного действия «Прокси» (противодействие криминалу в информационной среде) реализуются скоординированные мероприятия по противодействию преступности в сфере информационных технологий [4]. Более того, был создан Консультационный координационный центр ОДКБ по реагированию на компьютерные инциденты (например, отражение компьютерных атак, пресечение распространения вредоносного программного обеспечения, противодействие другим типам вредоносной активности в информационном пространстве государств-членов ОДКБ). Для координации совместных действий при Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ сформирована Рабочая группа по вопросам информационной политики и информационной безопасности [5].

Бесспорно, что на протяжении долгих лет важным является сближение национальных законодательств на основе общих законодательных принципов. Однако, несмотря на активность в формировании нормативно-правовой базы, по-прежнему сохраняется определенная проблема обеспечения информационной безопасности в формате ОДКБ. Так, эксперты акцентируют внимание на том, что «инфокоммуникационный ресурс погружен в оболочку противоречий индустриального и постиндустриального общества» [6, с. 16]. Речь о том, что «информационные технологии находятся в опережающей стадии развития по сравнению с готовностью организационно-правовых систем использовать этот ресурс безопасно» [6, с. 16, 18]. По мнению Бачило Л., государства находятся на разных уровнях социального, политического, культурного развития, имеют различия в национальных системах информационного обеспечения внутренних потребностей в области информатизации и устройства национальной информационной инфраструктуры.

Об отсутствии согласования действий по реализации определенных шагов стран-участниц говорилось в рамках круглого стола «Развитие информационно-коммуникационного сотрудничества на пространстве ОДКБ», состоявшегося в июне 2019 г. в Госдуме [7].

Таким образом, как видим, на протяжении ряда лет отмеченная проблема не теряет своей актуальности. Интересно, что участники круглого стола в качестве одной из мер, направленной на ее решение, предлагают создание единого информационного пространства и использования совместного потенциала для обеспечения информационной безопасности.

Библиографический список

1. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/.

2. Ответственный секретарь ПА ОДКБ выступил на «Инфофоруме 2020» [Электронный ресурс]. URL: <https://paodkb.org/events/otvetstvennyu-sekretar-pa-odkb-vystupil-na-infoforume>.

3. Шушин В.О. О состоянии и перспективах сотрудничества государств-членов ОДКБ по формированию системы информационной безопасности // Законодательство государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности: опыт, проблемы и перспективы гармонизации: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28 ноября 2013 года) / Под ред. П.П. Рябухина, В. В. Бондуrowsкого, Г. И. Перекопского. СПб., 2014.

4. Выступление Заместителя Генерального секретаря ОДКБ Валерия Семерикова на совещании руководителей национальных штабов государств - членов ОДКБ по проведению операции «ПРОКСИ» [Электронный ресурс]. URL: <https://odkb-csto.org/news/speech/vystuplenie-zamestitelya->

generalnogo-sekretarya-odkb-valeriya-semerikova-na-soveshchaniirukovoditel/.

5. Кунакбаев М. Современный политический процесс и цифровая экономика в контексте информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-info.org/about_odkb/ekspertnoe-mnenie/?ELEMENT_ID=82.

6. Бачило И.Л. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности в государствах – членах ОДКБ // Законодательство государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности: опыт, проблемы и перспективы гармонизации: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28 ноября 2013 года) / Под ред. П. П. Рябухина, В. В. Бондуrowsкого, Г.И. Перекопского. СПб., 2014.

7. Совершенствование механизмов защиты информационного пространства ОДКБ требуют консолидации усилий государств – членов Организации [Электронный ресурс]. URL: https://en.odkb-csto.org/news/news_odkb/sovershenstvovanie-mekhanizmov-zashchity-i-informatsionnogo-prostranstva-odkb-trebuyut-konsolidatsii/

А.В. Радонова

Использование советской системы пенсионного обеспечения в условиях экономического кризиса конца XX века

Несмотря на активное реформирование, основным типом финансовой помощи российским пенсионерам до сих пор остается государственное пенсионное обеспечение. При этом утверждается необходимость резкого сокращения количества получателей и оснований для начисления этого вида выплат. По мнению Д.Г. Александрова, «государственное пенсионное обеспечение определяется как часть пенсионной системы, обеспечивающая в соответствии с законодательством за счет средств федерального бюджета пенсии отдельным категориям

граждан связи с особенностями прохождения ими государственной службы (военнослужащие, государственные служащие и др.) или экстремальными и другими ситуациями, не связанными с государственным пенсионным страхованием, а также предоставление социальных пенсий нетрудоспособным гражданам, которые не приобрели права на пенсию по государственному пенсионному страхованию» [1, с. 29].

Основы организации советской пенсионной системы построены на «модели Бевериджа», которая также используется в Австралии, Великобритании, Канаде и ряде государств Северной Европы. Доминирующая роль в ней принадлежит государственному социальному обеспечению, а другие институты соцзащиты занимают дополнительные позиции.

С точки зрения Г.Н. Григорьянц, «сохранение прежнего облика пенсионной системы, не соответствующей экономической и социальной реальности, чревато воспроизводством кризисных ситуаций, более того, является тормозом социального и экономического развития страны». В частности, «кризис российской пенсионной системы обусловлен формационными сдвигами: экономические преобразования по времени значительно опередили необходимые институциональные изменения рассматриваемой пенсионной системы» [2, с. 41].

На наш взгляд, характерными чертами пенсионной системы любого государства выступают стабильность, инертность и традиционализм.

Проведенные соцопросы доказывают, что россияне «отдают предпочтение советской системе обеспечения пенсионеров». Например, опрос, организованный ВЦИОМ в 51 субъекте федерации, показал, что «бесспорное большинство число респондентов (80%) считают именно государство полностью ответственным за обеспечение их в старости». Только «4,4% опрошенных подтвердили, что им известна специфика государственных и негосударственных пенсионных систем» [2, с. 57].

Однако в данной области произошли существенные сдвиги: «начиная с 1991 г. государство перестало выступать основным источником финансирования пенсионного обеспечения. В конце

XX в. всего 10% общего пенсионного объема выплат приходилось на средства госбюджета (до 1991 г. их доля превышала 70%)» [3, с. 45].

Но проблема не только в доле субсидирования из госбюджета – в страховой системе пенсионных выплат она не должна быть высокой. Вопрос в том, в какой степени государство через ту или иную пенсионную систему обеспечивает необходимую соцподдержку своих пенсионеров [3, с. 47].

Социальное содержание пенсионного обеспечения состоит в солидарности поколений: работоспособные граждане содержат нетрудоспособные категории народонаселения.

Поэтому, следует признать, пенсионное обеспечение в 1990-е гг. сделало шаг назад по сравнению с тем, что было предпринято в этой области ранее. Сложившаяся в Российской Федерации в 1990 г. страховая пенсионная система в дальнейшем оказалась уничтоженной.

В структуре ПФР была разработана нормативно-методическая документация, регулирующая основания и механизм межличностных отношений плательщиков страховых взносов и контролирующих их подразделений. Большое внимание уделялось неукоснительному исполнению этих норм всеми субъектами хозяйственной деятельности. Причем, закреплялись меры финансовой ответственности за несвоевременную уплату и возможность уплаты задолженности перед ПФР [4, с. 212].

Иными словами, экономическими факторами современного финансового кризиса пенсионной системы РФ являются попытки регулирования доходов народонаселения, предопределившие отставание зарплаты от роста стоимости жизни, а также принципы формирования бюджетной системы, ориентированные на придерживание финансовых ресурсов и понуждение использовать неденежные способы исполнения обязательств.

Размер официальной зарплаты, от которой рассчитывается страховой тариф, составляет только 17% ВВП (в западных государствах – 40 %) [5, с. 64].

В этой ситуации субъекты федерации начали практиковать неденежные способы погашения пенсионной задолженности в форме натуроплаты. Однако Министерство труда и социального развития Алтайского края по этому вопросу проявляло должную осторожность. Совместно с Алтайским госуниверситетом Министерство провело специальное социологическое исследование, по результатам которого было установлено, что большая часть пенсионеров отказываются от различных форм неденежной компенсации невыплаченной им пенсии. Благодаря этому, в Алтайском крае отказались от подобной формы. Дополнительно на региональные структуры возложили обязанность контролировать своевременное отчисление средств в ПФР [3, с. 47].

На основании Концепции реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации (август 1995 г.) и Программы пенсионной реформы в Российской Федерации (декабрь 1997 г.) началось реформирование отечественной пенсионной системы [6, с. 72].

В результате изучения периода 1990-х гг. создается впечатление, что наше государство хотело избавиться от своего положительного опыта, при котором государственное пенсионное обеспечение дополнялось «страховым» законом 1990 г. Безусловно, во многом это объясняется «трудностями переходного периода». Однако нельзя согласиться с мнением некоторых авторов, что именно дефекты российского пенсионного закона 1990 г. повлекли пенсионную разруху в стране. Главное – в другом: проводимая социальная политика пренебрегала основными принципами социальной справедливости, в нарушение Конституции Российской Федерации, не создала условий, обеспечивающих достойную жизнь человеку. Поэтому проводимая пенсионная реформа не сможет исправить положения, если финансирование пенсионной системы РФ будет производиться в том режиме, который был запущен в 1992 г.

Библиографический список

1. Александров Д.Г. Пенсионная система в России: проблемы, перспективы. СПб., 2020.
2. Григорьянц Г.Н. Социальная защита населения в России: становление и развитие. М., 2018.
3. Радонова А.В. Проблемные аспекты развития социальной политики Алтайского региона в первой половине 1990-х годов // Известия АлтГУ. Серия «История и археология». 2019. № 3.
4. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. К.М. Ярской. М., 2019.
5. Юдин В.П. Социальная защита: понятие, сущность, границы. Казань, 2018.
6. Аверин А. Н. Государственная система социальной защиты населения. М., 2017.

Е.А. Сулова

Автономный статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи

Уникальность Российской империи XIX – XX вв. как государства с полиэтничным составом населения проявлялась в многообразии subsystem политико-правового управления в целом ряде регионов. На фоне многочисленных примеров разнообразия региональных политико-правовых систем наиболее отчетливо выделяется Великое княжество Финляндское, особенности статуса которого после присоединения к Российской империи были закреплены в пожалованной Александром I конституции и ряде более поздних по времени манифестов и указов, предоставлявших княжеству достаточно широкую автономию. Поэтому особый интерес представляет дарованная финскому народу конституция, которая служила фундаментом самостоятельного государственно-правового статуса региона.

Сразу после присоединения Финляндии к России правящий император заявил о гарантиях сохранения «древних установлений, стране свойственных», подтверждая их в

коронной речи на сейме в Борго. «Призванный промыслом управлять добрым и честным народом, – говорил Александр I, – я пожелал соединить вокруг себя, его представителей. Я пожелал вас видеть затем, чтобы дать вам новое доказательство моих намерений, клонящихся ко благу вашего отечества. Я обещал ненарушимо сохранить вашу конституцию, ваши основные законы. Ваше собрание послужит обеспечением моего обещания» [4, с. 69].

Содержание речи свидетельствует о том, что император принял решение сохранить действовавшую ранее на присоединенной территории шведскую конституцию. «Вы увидите, как я думаю об этом там, – обещал он генералу Амфельду в 1811 г., – где возможно произвести в моем государстве соответственное изменение, так как я присоединю к княжеству старую Финляндию и дам ей ту же конституцию и ту же форму свободы» [4, с. 70].

В данном случае имелись в виду финские земли, которые были завоеваны прежде и уже включены в общий состав российских губерний. В связи с этим возникает вопрос: почему дарование финляндскому княжеству конституционных гарантий большинство исследователей считает заслугой Александра I?

Дело в том, что еще с 1809 г. в Петербурге действовал комитет во главе с М.М. Сперанским, который специально занимался изучением шведского законодательства и адаптацией части содержащихся в нем законов к правовой системе Российской империи для того, чтобы в дальнейшем приспособить их к предназначенной для Финляндского княжества октроированной конституции. К 1813 г. комитетом был составлен альтернативный проект финской конституции, однако силы самостоятельного акта он так и не получил. Воспрепятствовала этому, скорее всего, последующая опала Сперанского и его вынужденная отставка, а о содержании проекта ничего выяснить не удалось.

Согласно же действовавшей конституции власть российского монарха ограничивалась законосовещательным органом народного представительства – Сеймом. Однако император сохранял за собой право выступать с законодательной инициативой и мог без согласия депутатов издавать любые

постановления, имеющие силу закона, если они не вступали в противоречие с компетенциями представителей сословий финского общества. Внутренним управлением края занимался Сенат, но под контролем генерал-губернатора, являвшегося «связующим звеном» между имперским центром и провинцией и лично отчитывающегося перед императором. Сенат ведал и «высшим правосудием». При этом его полномочия субъекта высшей региональной судебной власти по своему устройству и принципам функционирования воспроизводились согласно традиционному шведскому образцу.

Нельзя не упомянуть и о том, что всем сословиям Финляндского княжества фактически гарантировались основные гражданские права. Подданные империи в провинции могли пользоваться личной свободой (крепостное право уже давно не действовало на его территории), свободой вероисповедания, правом на жизнь, честь и поземельную собственность и не могли быть лишены этих прав, кроме как по решению суда [2].

Что же касается особенностей государственно-правового статуса Финляндии в составе Российской империи, то наиболее полно массив нормативных актов, имеющих прямое отношение к данной теме, на мой взгляд, систематизирован С.Б. Баландиным. Автор выделяет основные особенности, подчеркивающие автономность княжества (причем рамки самоуправления в нем были дополнительно расширены впоследствии уже Александром II). Законодательные акты, издаваемые верховной властью в отношении Великого княжества Финляндского, публиковались в сборнике Великого княжества Финляндского и не включались в Полное собрание законов Российской Империи. Русский язык, ранее всегда обязательный для изучения, признавался ненужным, несмотря на то, что являлся государственным языком империи, при этом был отдан приоритет изучению финского языка. С момента присоединения на территории княжества функционировали собственные системы законодательства, гражданства, налогообложения, административная, а при Александре II сформировались финансовая, таможенная и железнодорожная системы. В 1869 г. утвержден Сеймовый Устав, определивший

периодичность созыва Сейма и предоставлявший значительные полномочия его членам в области местного законодательства (до этого момента Сейм созывался только по желанию императора). В 1878 г. было получено разрешение иметь собственную армию, которая могла быть использована за пределами княжества в исключительных случаях. Финляндское законодательство за все время пребывания в составе Российской Империи не было кодифицировано, а четкое разграничение предметов ведения между центром и регионом прописано только в указе Николая II в 1910 г. [1].

В самом начале XIX в. представители российской правящей элиты уже смогли понять, что дальнейшая централизация системы государственного управления в империи таит в себе опасность, поскольку административный аппарат становился все более громоздким и неэффективным. «Страна слишком огромна, – справедливо заметил С.Р. Воронцов,– чтобы государь, будь он хоть вторым Петром Великим, мог все делать сам при существующей форме правления без конституции, без твердых законов, без несменяемых и независимых судов» [3, с. 41–42].

Как известно разработки конституции велись «молодыми друзьями» Александра I и не только, собственные проекты предлагали некоторые вельможи екатерининского времени (Г.Р. Державин, Н.С. Мордвинов). Несмотря на то, что идеи федерализма были чрезмерно либеральными для России начала XIX в., среди разработчиков нашлись и сторонники данной формы государственного устройства, которые тоже считали ненужным дальнейшее расширение границ. Например, Чарторыйский заявлял: «Прочная федеративная система дает империи – центру этой системы – больше силы и больше гарантий безопасности, чем расширение границ» [3, с. 46]. В свою очередь, Сперанский, являясь приверженцем бюрократического централизма, видел государственное устройство таким образом: «Державная власть соединяет в себе законодательную, судную и исполнительную и приводит их в действие посредством государственных сословий, для сего установленных. Сословия сии суть: в общем соединении всех государственных сил – Государственный совет, в порядке

законодательном – Государственная дума, в порядке судном Сенат, в порядке управления – Министерства» [3, с. 44]. Однако закладывание в основу государственного устройства принципа разделения властей, на мой взгляд, создает почву для эволюции империи в федерацию.

Тем более, что теоретические разработки в этом направлении активно велись в различных кругах российской общественности как при Александре I, так и позднее. Один из первых проектов преобразования Российской империи в федерацию был разработан декабристом Н.М. Муравьевым. Во второй половине XIX в. их количество увеличилось, а среди высшего чиновничества быстро росло число сторонников идей федерализма. Н.А. Орлов даже представил свой проект Александру II, но тот предпочел проигнорировать его, хотя, как уже было представлено на примере Великого княжества Финляндского, благоволил автономии национальных окраин и, казалось бы, собирался завершить дело своего предшественника – даровать народу конституцию. А к концу 80-х гг. XIX в. верховная власть начала проводить политику унификации национальных окраин, негативно отразившуюся на их взаимоотношениях.

Таким образом, сам собой напрашивается вывод: Александром I были созданы условия, при которых Российская империя имела возможность эволюционировать в федерацию, но данная возможность была упущена из-за непоследовательной политики правительства в отношении национальных окраин государства и нежелания приемников ограничить собственную власть.

Библиографический список

1. Баландин С.Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи. М., 2012.
2. Дамешек И.Л. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX века). Иркутск, 2003. №1.

3. Красняков Н.И. Эволюция политико-правовых подходов к сохранению государственного единства Российской империи (XVIII – начало XX вв.). Омск, 2014. №4.

4. Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб., 1906.

Г.В. Савенцев

Гонка вооружений США и Китая в контексте геополитической борьбы в Евразии

Евразия является уникальным географическим пространством с обилием природных ресурсов, наличием древних богатых культур и колоссальными перспективами развития. В современных условиях ведущими геополитическими акторами на евразийском пространстве являются Россия, Китай и США. Мы остановимся более подробно на противостоянии Китая и США в рамках их двустороннего соперничества, последствия которого оказывают влияние и на Россию.

Соперничество стран является многовекторным, включает множество сфер – экономическую, военную, политическую, технологическую и т.д. В данном случае, сделаем акцент на усилении военной мощи двух стран, которое может спровоцировать гонку вооружений и рост напряженности на евразийском континенте. Для того, чтобы определить характер отношений США и Китая, обратимся к Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2017 г., которая поможет понять новое видение Америкой мировой политики и американскую стратегию на евразийском пространстве.

В своей доктрине США признают существование многополярного мира, но подчёркивают, что США будут способствовать поддержанию «баланса сил в пользу США, наших союзников и наших партнёров». Другой важной особенностью является то, что отношения с Россией и Китаем трактуются в парадигме конкуренции, соперничества и соревнования. Такая трактовка не ведет к конфронтации, конфликту. Главное для Америки – «успешно конкурировать»,

что и является «наилучшим способом предотвращения конфликта». Согласно документу, «США будут стремиться изыскивать области сотрудничества с конкурентами с позиции силы», что позволит «увеличить вероятность управления конкуренцией» без конфликта с применением силы и обеспечить сохранение мира [1]. Стратегия показывает, что США переходят от силового сдерживания и глобального превосходства к дипломатии и политике регионального баланса сил. Заявки на жёсткое военное противостояние нет.

Однако США стремятся не допустить доминирования кого-либо из соперников в ключевых регионах мира, в частности, в Восточной Азии и на Ближнем Востоке. На Ближнем Востоке у США есть надёжные союзники, такие как Израиль и Саудовская Аравия, которые могут противостоять стратегическим соперникам на этом направлении. В Восточной Азии у Соединённых Штатов нет союзников, способных противостоять Китаю, поэтому они вынуждены сдерживать Китай самостоятельно, используя своих региональных союзников в качестве стратегической территории в целях передового базирования. Япония остаётся соперником КНР в Северо-Восточной Азии, но страна утратила былую геополитическую мощь, в военном и политическом отношении вынуждена опираться на помощь США. Токио может успешно конкурировать с Китаем в экономической и технологической сферах, но в контексте гонки вооружений Япония слабее КНР, и её беспокоит военное усиление соседа. Напряженные отношения с рядом стран Восточной Азии также ослабляют влияние страны в регионе, поэтому в одиночку Япония не может противостоять Китаю.

Тем временем Китай значительно усиливает свои позиции в Юго-Восточной Азии, где общественность считает, что Китай оказывает сильное влияние на страны региона. В Сингапуре, Таиланде, Индонезии, Камбодже, Малайзии и на Филиппинах доминирует позитивное отношение к Китаю, исключением является только Вьетнам. Успех Китая обусловлен политикой мягкой силы через сотрудничество в сферах образования, торговли, инвестиций, продвижения своей культуры и идеологии [2]. Очевидно, что Китай стремится к политическому

и экономическому доминированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Проект «Великого шёлкового пути» направлен на усиление политико-экономического влияния на территории всей Евразии.

В то же время происходит укрепление Китая в военном отношении. В 2018 г. оборонные расходы КНР превысили \$200 миллиардов, а к 2023 г. должны превысить \$300 миллиардов. Китай осуществляет всестороннюю и глубокую модернизацию своей армии, производятся важные структурные изменения с акцентом на военно-морской флот, военно-воздушные силы, кибербезопасность и космос. Космическая программа Пекина имеет гражданскую и военную составляющие. Уже сейчас Китай занимает второе место после США по количеству активно действующих спутников. Китай также делает успехи в области разработки гиперзвукового оружия, в создании баллистических ракет средней и малой дальности [3].

В связи с этим для США оказались обременительными договоры с Россией по контролю над стратегическими вооружениями, а также Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (ДРСМД). Последний ликвидировал целый класс вооружений, способных действовать на расстоянии от 500 до 5500 км. Несмотря на то, что официальной причиной выхода США из соглашения стало нарушение его положений Россией в связи с разработкой ракеты 7М729, эксперты увидели в этом стремление Америки не допустить доминирования Китая в этом направлении вооружений [4]. В августе и декабре 2019 г. США провели испытания новых крылатых ракет средней дальности наземного базирования. Китай ответил на это призывом к США «отказаться от мышления времён холодной войны» и «соблюдать режим в сфере ограничений вооружений».

Проблема в том, что Китай неоднократно заявлял, что не заинтересован в участии в соглашениях в сфере контроля над вооружениями. Представители Госдепартамента открыто заявили об этом на брифинге 10 марта 2020 г. в контексте вопроса о возможности продления Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). США рассматривают включение Китая в соглашение, что предотвратило бы, по

мнению Вашингтона, гонку вооружений. При этом США прямо выразили своё недовольство тем, что пока Москва и Вашингтон были ограничены соглашениями, Китай увеличивал свой военный арсенал.

Помимо стратегического вооружения, в современном мире важную роль играют другие виды вооружений, в том числе высокотехнологичные. Стратегия США признаёт значение систем обычных вооружений, допускается возможность «стратегического нападения на США без применения ядерных вооружений». Это понимает и КНР, поэтому модернизация вооружений выглядит вполне закономерной. Страны создают новые образцы военной техники – танки, самолёты, вертолёты, разрабатывается гиперзвуковое, нейтронное, лазерное и другое оружие.

На фоне усиления и модернизации вооружений обе страны заявляют, что не хотят гонки вооружений. Китай же заявляет, что впредь будет следовать исключительно мирному пути развития. Однако соседи Китая не доверяют таким заявлениям, поскольку КНР не отказывается от своих территориальных претензий к соседям – Индии (штат Аруначал-Прадеш), Бутану (плато Доклам), Японии (острова Сенкаку), Тайваню (весь остров), даже России (Приамурье). Соседей, особенно Вьетнам, также беспокоят искусственные острова Китая в Южно-Китайском море [5]. Эксперты опасаются, что открытая гонка вооружений между США и Китаем приведёт к включению в неё России, стран НАТО, Индии, Пакистана, КНДР, и других государств Евразии. В случае, если начнётся масштабная гонка вооружений на территории всей Евразии, то континент станет «пороховой бочкой» мирового масштаба.

В современных условиях ни США, ни Китай не заинтересованы в открытом военном столкновении, но страны не собираются уступать друг другу свои позиции в экономическом и политическом отношении, что показала торговая война между ними. Всестороннее соперничество будет продолжаться, а модернизация и усиление армии будет вполне логичным гарантом безопасности и сдерживания от политики силы. Если соседи будут сильнее чувствовать угрозы своей безопасности, то это может спровоцировать масштабную гонку

вооружений, а снизить напряжение будет ещё труднее. В связи с этим целесообразным шагом стало бы заключение соглашений по контролю над вооружениями между двумя странами.

Библиографический список

1. Крамаренко А. Стратегия национальной безопасности Д. Трампа: «независимая Америка и «мирное сосуществование» // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie/>

2. Рогожина Н.Г. «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. №34.

3. Куликов В. Модернизация армии КНР весьма болезненно воспринимается в Вашингтоне // НЕО [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.journal-neo.org/2019/08/20/modernizatsiya-armii-knr-ves-ma-boleznenno-vosprinimaetsya-v-vashingtone/>

4. Пудовкин Е. США вышли из договора по ракетам // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2019/5d42b0929a794772e68c6b6c>

5. Васильев Л.Е. К вопросу о территориальных спорах Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. №22.

Т.В. Иващенко

Антикоррупционная политика Китая в период полномочий председателя Си Цзиньпина: основные направления и динамика

Коррупция как феномен выступает основной проблематикой современной публично-властной организации и сопровождает человечество на каждом этапе государственно-правовой эволюции. Изменяются общественные системы, появляются новые сферы социальных отношений, усложняются традиционные практики публично-властного взаимодействия, и

вместе с этими общими трансформациями изменяется и усложняется феномен коррупции. Коррупционное взаимодействие трактуется как китайскими, так и другими зарубежными и отечественными исследователями в качестве социально негативного явления, имеющего сложный и комплексный характер.

Антикоррупционные меры отражены в действующих доктринально-правовых актах большинства современных государств, где борьба с коррупцией, формы юридической и иной превенции коррупционного взаимодействия обозначены в качестве приоритетных направлений правовой политики.

До 2012 г. борьба с коррупцией в Китае носила эпизодический характер. В действиях правительства отсутствовала какая-либо системность, но после прихода к власти Си Цзиньпина антикоррупционная борьба была провозглашена ключевым направлением государственной политики, официальной политической повесткой дня. На 2-м пленуме XVIII съезда Коммунистической партии КНР формируется политическая метафора, отражающая ключевой принцип сопротивления коррупции – «одновременно бить и тигров, и мух» [1, с. 120], то есть выявлять, противодействовать и карать за коррупционные отношения, как представителей высших эшелонов власти, так и чиновников среднего и низшего звена. За несколько лет кампания приобрела масштабный характер и распространилась почти во все сферы китайского общества.

В октябре 2017 г. Си Цзиньпин выступил на XIX съезде Коммунистической партии Китая с докладом, в котором озвучил, что необходимо внести поправки в систему государственного надзора, то есть сформировать государственные национальные, провинциальные, городские и уездные наблюдательные комиссии и внести данные изменения в Конституцию КНР [2, с. 12].

Как и в любом другом деле, Китай перед тем, как производить попытку внедрения такого серьезного органа, провел предварительные испытания. Пилотная программа в Пекине и провинциях Шаньдун и Чжэцзян на провинциальном, муниципальном и окружном уровнях государственного

управления прошла успешно. Комиссия в тот момент использовала персонал и офисы уже существующих антикоррупционных учреждений [3], в частности, Комитета по проверке дисциплины и Министерства по надзору. Комитет в тот момент занимался отдельными дисциплинарными делами, в то время как Министерство фокусировалось на институциональной коррупции. Но, в отсутствие четкой иерархичной системы подчинённости, происходила путаница и увеличение времени расследования коррупционных дел. Поэтому в самом начале антикоррупционной кампании имел место ряд случаев, когда китайские деятели, подозреваемые в коррупции, успевали скрыться за границей или другим способом избежать наказания.

Следующий уровень изменений произошел на уровне конституции. В соответствии с данными изменениями, в 2018 г. в системе государственных органов были повсеместно созданы органы надзора – комитеты контроля (согласно ст. 123 Конституции КНР, Комитеты контроля Китайской Народной Республики всех ступеней являются государственными органами контроля, при этом в ст. 125 поясняется, что Государственный комитет контроля Китайской Народной Республики – высший орган контроля) [4]. Сформирована строгая иерархия подчинения сверху вниз, система комплексной деятельности по надзору за реализацией власти по вертикали, то есть Государственный комитет контроля руководит работой местных комитетов контроля различных ступеней; вышестоящие комитеты контроля руководят работой нижестоящих комитетов контроля. При этом новый орган отчитывается только перед ВСНП.

Далее, 20 марта, на закрытии первой сессии XIII созыва Всекитайского собрания народных представителей прозвучала громкая новость о том, что был принят и закон о надзоре КНР [5]. Принятие закона о государственном надзоре, как одной из антикоррупционных мер, означает дальнейшее закрепление результатов реформирования системы государственного надзора в правовой системе и является важной вехой в правовом регулировании антикоррупционной работы.

Ранее, в соответствии с законодательством КНР, право на расследование экономических преступлений имели органы общественной безопасности и прокуратуры. Теперь комитеты контроля осуществляют надзор за поведением и деятельностью членов правительства и государственных чиновников, работников финансируемых государством организаций и членов коммунистической партии Китая. Они уполномочены проводить допросы, задержания, налагать арест на имущество и наказывать чиновников за коррупцию, расследовать преступления, связанные с хищением и взяточничеством, проступками государственных служащих с использованием своих полномочий. Нужно отметить, что те дела, которые уже находятся на рассмотрении народной прокуратуры, могут быть сохранены за ней по ее усмотрению [6].

Закон о государственном надзоре является основой для работы контролирующих органов. Он наделяет данные комитеты полномочиями и средствами расследования. Специальная глава закона по надзорным процедурам устанавливает строгие положения о порядке задержания и методах расследования. Контролирующие органы работают в строгом соответствии с процедурами. В соответствии с законом Китайской Народной Республики «О надзоре» предусматривается следующее:

1. Согласно ст.38, для разрешения возникшего подозрения, требующего предварительной проверки, контролирующий орган должен в соответствии с законом выполнить процедуру подтверждения причастности лица в коррупции и создать группу по проверке. После завершения первоначальной проверки данная ревизионная группа должна подготовить отчет и представить рекомендации по ее рассмотрению. Принимающий орган должен внести замечания и предоставить оценку результатам. А после этого отправить на рассмотрение и утверждение руководителю контролирующего органа.

2. Ст. 39: после предварительной проверки, если лицо, подозреваемое в нарушении должностных обязанностей, должно быть привлечено к ответственности, контролирующий орган в соответствии с установленной компетенцией и порядком осуществляет производство по делу.

После того, как главное должностное лицо контролирующего органа в соответствии с законом утвердит возбуждение дела, проходит заседание, изучается дело и принимается решение о необходимых мерах. Решение о возбуждении дела оглашается ответчику и доводится до сведения соответствующей организации и общества, т.е. придается огласке. При этом комитеты надзора всех уровней должны иметь в своем распоряжении веские факты и доказательства нарушения служебного положения или служебного правонарушения, чтобы привлечь лицо к ответственности.

Профессор права Народного университета и член Специального консультативного комитета Верховной народной прокуратуры Китая Хэ Цзяхун констатирует, что произошел резкий «переход от призывов к морали к жесткому регулированию» [1, с. 121]. Принятие изменений в Конституцию, реализация закона «О государственном надзоре», безусловно, будет способствовать дальнейшей нормализации и верховенству права в борьбе с коррупцией, формированию целостного антикоррупционного курса в стране. Введение закона о надзоре уже сейчас поставило антикоррупционную работу на путь институционализации, легализации, олицетворения органического единства в полном соответствии с законом.

И, как подтверждение эффективности антикоррупционных мер китайского правительства, необходимо упомянуть Индекс восприятия коррупции (англ. Corruption Perceptions Index, CPI) – субъективный показатель, отражающий оценку уровня восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями по десятибалльной шкале. Составляется международной неправительственной организацией «Transparency International» ежегодно с 1995 г. В 2019 г. индекс коррупции в Китае вырос до 41 инд. п [7].

Однако, с другой стороны, не все так же радужно рассматривают вышеупомянутые политические изменения. У Юйлян, заместитель главы антикоррупционного агентства, сказал, что «нет так называемого независимого надзорного органа, который не подчиняется руководству партии» [3]. Как известно, партия и государство имеют крепкие связи и порой

партийные организации имеют главенство над своими государственными партнёрами в управлении аппаратом китайского режима. Например, государственная Центральная военная комиссия является номинально главным военным органом, принимающим решения, но фактически армия подчиняется указаниям партийной военной комиссии. В партии уже есть аналогичный орган контроля и, возможно, созданные государственные комитеты не будут иметь большого смысла во всей системе политического управления. К сожалению, на данный вопрос сейчас ответить невозможно. Только спустя какое-то время будет под силу полностью оценить эффективность нововведений китайских властей.

Библиографический список

1. Мамычев А.Ю., Цзоу Лихуэй Проблематизация коррупции и антикоррупционная политика в современном китайском обществе: научный и официальный политико-правовой дискурсы // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2018. №3.

2. Shen Zihua, Liu Xiwen. The Constitutional Logic of Supervisory Committee to Govern Corruption // Xinjiang University of Finance and Economics, Urumqi. – 2018. – №3 (76). – С.12-19 (In Chin.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotat-XJCY201803002.htm> или 沈子华, 刘曦雯. 监察委员会治理腐败的宪法逻辑 // 新疆财经大学学报. 2018年第3期(总第76期). 页码12-19. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotat-XJCY201803002.htm>

3. Ларри Онг Новый антикоррупционный орган в Китае начнёт работу в 2018 году // EPOCH TIMES [Электронный ресурс] URL: <https://www.epochtimes.ru/novyj-antikorrupsionnyj-organ-v-kitae-nachnyot-rabotu-v-2018-godu-99034882/>

4. Конституция Китайской Народной Республики: принята на 5-м заседании Всекитайского собрания народных представителей 04.12.1982.: (с учетом поправок, внесенных Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных

представителей о поправках к Конституции КНР от 17.03.1996, от 12.04.1988, от 29.03.1993, от 15.03.1999, от 14.03.2004, от 10.03.2018) // Дусяофа: законодательные и нормативные акты. [Электронный ресурс] URL: https://duxiaofa.baidu.com/detail?searchType=statute&from=aladdin_28231&originquery=中华人民共和国刑事诉讼法&count=100&cid=dc28732ea39a3b383b2772319c9054e7_law

5. Закон КНР о надзоре (принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 20.03.2018: одобрен Председатель КНР 20.03.2018 (№ 10)) // Дусяофа: законодательные и нормативные акты. [Электронный ресурс]. URL: https://duxiaofa.baidu.com/detail?searchType=statute&from=aladdin_28231&originquery=中华人民共和国监察法&count=69&cid=a05253908995acb77b1eb510a7406ba1_law

6. Уголовно-процессуальный кодекс КНР от 01.07.1979: (ред. от 17.03.1996 № 64, от 14.03.2012 № 55, от 26.10.2018 № 10) // Дусяофа: законодательные и нормативные акты. [Электронный ресурс]. URL: https://duxiaofa.baidu.com/detail?searchType=statute&from=aladdin_28231&originquery=中华人民共和国刑事诉讼法&count=100&cid=dc28732ea39a3b383b2772319c9054e7_law

7. CORRUPTION PERCEPTIONS INDEX 2019-2015 // TRANSPARENCY INTERNATIONAL [Электронный ресурс] URL: <https://www.transparency.org/cpi2019?/news/feature/cpi-2019>

А.С. Бондаренко

Проблема доступа граждан к социально значимой информации в современной России

Реализация права на свободный доступ к информации обеспечивает участие граждан в жизни государства, помогает им решать проблемы в повседневной жизни. Как пишет Г.В. Грачев, «многочисленными исследованиями установлено, что без постоянного информационного контакта невозможно полноценное развитие человека и нормальное функциони-

рование социальных групп и общества в целом» [1, с. 7]. Информационная открытость органов власти при этом является важнейшим условием функционирования правового государства.

В рамках исследования представляет интерес возможность доступа к социально значимой информации, удовлетворяющей потребности граждан в понимании общественных процессов, и к информации, отвечающей актуальным потребностям граждан. Доступ к ней способствует обеспечению качества и безопасности жизни человека, реализации его социальной активности. Сюда входят вопросы, связанные с деятельностью государственных и муниципальных органов власти, социальной защитой населения, состоянием окружающей среды, информацией для потребителей, организацией здравоохранения и др. [2, с. 40].

Российские исследователи различают два подхода к проблеме реализации права граждан на доступ к информации. Это право активного доступа, когда гражданин сам ищет нужную ему информацию, и право пассивного доступа, когда гражданин является потребителем информации через СМИ независимо от своего желания [3]. Подробнее остановимся на первом подходе.

На сегодняшний день российское законодательство о доступе к информации, в том числе к государственным информационным ресурсам, не уступает мировым аналогам. Как пишет С.Е. Гасумова, «мы имеем право получать любую информацию, созданную государственными органами и органами местного самоуправления в пределах их полномочий, либо поступившую в указанные органы власти (кроме тех случаев, когда доступ к такой информации ограничен федеральным законом)». Но требования законодательства выполняются далеко не в полном объеме [4]. Это подтверждается результатами опросов населения и рейтингами информационной открытости органов власти, представленных в сети интернет. В этой связи исследователи говорят о юридической имитации открытости органов власти и необходимости разработки механизмов, обеспечивающих реальный доступ граждан к информационным ресурсам.

Так, по данным проектного центра «Инфометр», представленным в докладе по итогам аудита открытости региональных органов исполнительной власти в России в 2019 г., обратная связь и подотчетность гражданам являются наиболее серьезными проблемами открытости региональных правительств и администраций. Информационная открытость в регионах варьируется от 14,5% до 100%. Средний показатель открытости региональных властей составляет 57%. Другой проблемой является низкий уровень соблюдения положений различных юридических документов об открытости информации. Исследователи говорят о том, что, по данным опросов сервиса gov.ru, 71% россиян не знают, куда им обратиться, чтобы получить нужную информацию о работе органов власти или публичную услугу [5].

На этом фоне в России растет число пользователей Рунета. По данным исследовательской компании Mediascope, его аудитория в 2019 г. достигла 93 млн человек, за последние три года она выросла на 7% – в основном, за счет использования населением мобильных устройств и увеличения числа пользователей старшего возраста [6].

В мае 2019 г. компания Mediascope представила результаты исследования, посвященного современным технологиям, изобретениям и гаджетам. Опрос проводился среди жителей российских городов с населением более 100 тыс. человек в возрасте от 18 лет. В нем приняли участие около 2 тыс. респондентов. Результаты показали, что свою жизнь россияне не представляют без социальных сетей, геолокационных приложений (карты и навигаторы) и финансовых интернет-сервисов (банкинг, платежи и госуслуги) – этими возможностями в интернете пользуется в среднем 80% населения [7].

Все эти данные говорят о неполном соответствии запросов российских граждан тем возможностям, которые способно предоставить им государство в плане доступа к информационным ресурсам, к социально значимой информации.

В этой связи необходимо провести аналитический обзор предпринимаемых государством шагов по повышению свободы доступа граждан к информации, по приведению информацион-

ных ресурсов в соответствие с потребностями населения, по налаживанию более эффективного интерактивного взаимодействия органов власти и государственных учреждений с населением.

Например, еще в 2017 г. глава российского правительства Дмитрий Медведев поручил разработать концепцию развития единой цифровой среды интернет-сайтов госорганов, направленную на закрытие непопулярных сайтов министерств и ведомств и перевод сервисов на единый ресурс gov.ru. В то время отмечалось, что из более 7000 государственных сайтов 80% – ресурсы с низкой посещаемостью. В качестве другого сценария рассматривалась возможность сохранить существующие сайты, но использовать согласованные методы развития, единые принципы организации пользовательских интерфейсов и размещаемых данных [8].

В январе 2020 г. президент России Владимир Путин в ежегодном послании к Федеральному собранию поручил подготовить и реализовать проект «Доступный интернет», в рамках которого гражданам будет предоставлен бесплатный доступ к социально значимым интернет-сервисам.

В конце марта этого года Минкомсвязи России сформировало перечень таких сервисов, в который вошел 391 сайт. В том числе, сайты президента России, правительства РФ, Государственной думы, Совета Федерации, портал госуслуг, образовательные порталы, мессенджеры и электронная почта, поисковые системы, онлайн-медиа и новостные агрегаторы, социальные сети и сообщества, а также маркетплейсы, сервисы доставки, сайты банков и многие другие. С 1 апреля по 1 июля 2020 г. доступ к ресурсам из этого списка предоставляется бесплатно с любого устройства в рамках эксперимента. Операторы связи обязаны предоставлять услугу высокого качества, даже если абонент является должником, а также при нулевом балансе [9].

Пандемия коронавируса подтолкнула государство к расширению возможностей Единого портала госуслуг. На нем был собран полный каталог сервисов «цифрового сопротивления коронавирусу», содержащий свыше 500 цифровых услуг, запущены сервисы для общероссийского

голосования по изменениям в Конституцию РФ, сервисы по оформлению различных выплат, по поступлению в вузы онлайн, по цифровому взаимодействию между гражданами и банками. На портале появился раздел о профилактике домашнего насилия, возможность проведения онлайн-голосования собственников жилья и др.

При этом исследователи говорят о необходимости более системных мер. В частности, о принятии федерального закона «О государственном информационном стандарте», устанавливающим государственные гарантии доступа всех граждан к определенному набору информационных ресурсов. В рамках данного закона должны быть определены градация и типология информационных стандартов, учитывающих интересы различных слоев населения, организацию и существующий уровень развития информационной инфраструктуры в регионах, а также порядок разработки и ввода в действие информационных стандартов и ответственность должностных лиц за их несоблюдение [10, с. 16-19].

Анализ текущей ситуации и последних тенденций в сфере реализации права российских граждан на социально значимую информацию позволит выявить существующие пробелы и слабые стороны, акцентировать внимание на положительных результатах принимаемых государством мер, что особенно актуально в изменившихся условиях жизни граждан в свете последних событий.

Библиографический список

1. Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М., 2003.
2. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. Монография М.: МИФИ, 2003.
3. Вдовин Ю.И. Проблема доступа граждан к информации и СМИ в России [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/992335418>
4. Гасумова С.Е. Доступ к информации в России: проблемы и противоречия [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/dostup-k-informatsii-v-rossii-problemy-i-protivorechiya>

5. Доклад проектного центра «Инфометр» по итогам аудита открытости региональных органов исполнительной власти в России в 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://drive.google.com/file/d/1ZNLwU0TktLNgsoGtGLzibWoSIT2UyixY/view>

6. Mediascope. Аудитория Рунета выросла на 7% за три года [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/news/1035826/>

7. Mediascope. Как россияне воспринимают технологии и будущее [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/news/1042150/>

8. Информационное агентство «РБК». Новое «окно» госорганов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/12/22/5a3a6b8a9a79470d0525805b>

9. Газета «Известия». Важный ресурс: Минэк концептуально поддержал проект о значимых сайтах [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1027822/ekaterina-vinogradova/vazhnyi-resurs-minek-kontseptualno-podderzhal-proekt-o-znachimyx-saitakh>

10. Артамонов Г.Т. К вопросу об информационном законодательстве России // Информационные ресурсы России. 2000. № 2.

Д.Е. Королева

Дискуссия о факторах повышения электоральной активности молодёжи в современной российской политической науке

Существование современного демократического государства невозможно без периодического проведения свободных выборов. Это наиболее цивилизованный способ борьбы за власть и смены правительства. В процессе выборов происходит политическая социализация населения и развитие политического сознания. В ходе избирательного процесса

граждане не только воспринимают политические ценности и нормы, но и приобретают навыки и опыт.

На сегодняшний день существует проблема нежелания населения, прежде всего, молодёжи, участвовать в политической и социальной жизни. Низкий уровень электоральной активности молодого поколения в политической науке сегодня является общепризнанным фактом. Избирательные комиссии принимают программы повышения электоральной активности молодёжи, но они малоэффективны.

В российской политической традиции факторы, негативно сказывающиеся на электоральной активности молодого поколения, принято объединять в три основные группы: правовой нигилизм, недоверие к власти, негативная социальная адаптация [13].

Исследование электорального поведения молодых россиян, их политических предпочтений, механизмов влияния на их электоральную активность приобретает сегодня особый интерес.

Большинство исследователей считают, что, прежде всего, государство должно создавать условия для активного включения молодёжи в политическую жизнь страны. Р.В. Зверовщиков подчёркивает, что «заинтересованность и степень участия молодёжи в политических и электоральных процессах страны напрямую зависит от политики государства и комплексных действий его органов» [3, с.8].

А.А. Малькевич и С.В. Назаренко показывают значимость осуществления системной молодёжной политики государства, недооценка которой негативно сказывается на электоральной самоидентификации молодого поколения. Также они уверены, что электоральная культура молодёжи обязана находиться в фокусе государственной молодёжной политики [8; 11, с.22].

Другие исследователи убеждены в том, что уровень электоральной активности молодого поколения повысится, если «начинать формировать активную гражданскую позицию уже во время школьного обучения, где особый акцент следует уделить важности выбора каждого и формированию ответственности за будущее государства» [4]. Исследователи говорят о необходимости просвещения в области реализации политических прав со школьной скамьи; о создании школьных республик,

региональных молодёжных парламентов, школ парламентаризма, где молодые личности в игровой форме приобретают начальные навыки в избирательном процессе и праве. Вовлечение молодёжи в деятельность молодёжных отделений партий и общественных организаций также будет способствовать повышению электоральной активности молодёжи [10; 5, с.79].

Одним из эффективных комплексных действий, способствующих повышению электоральной активности молодёжи, ряд исследователей (А.А. Башкарев, С.И. Самыгин, Р.В. Пырма) называют использование интернет-технологий. «Сегодня Интернет, безусловно, является важнейшим агентом политической социализации в современном обществе, а также участвует в выражении и формировании общественного мнения о тех или иных политических институтах. Данный статус обусловлен его информационной функцией обеспечения достоверной и актуальной информацией о наиболее важных событиях», – подчёркивает в своей работе А.А. Башкарев [1].

Стоит отметить, что на выборах Президента Российской Федерации в 2018 г. системой избирательных комиссий и властью были применены новые, современные формы интернет-информирования. Это помогло донести информацию о важности участия в выборах до молодёжи. Большую роль сыграло информирование посредством социальных сетей и различных популярных интернет-сервисов, таких как YouTube, размещение информации на рекламных площадках в приложениях для смартфонов, организация различных фотоконкурсов и челленджей. Также именно вышеуказанными способами максимально доступно и ясно удалось донести до каждого избирателя информацию о предоставлении возможности реализовать свое активное избирательное право по месту нахождения [3, с.7; 12, с.54-55].

К применению интернет-технологий непосредственно в процедуре голосования призывает К.Ю. Матрёнина: «Необходимо применять электронные средства при голосовании, ведь электронное голосование может быть крайне привлекательным для молодых избирателей» [9].

Аналогичного мнения придерживается руководитель Центра изучения элит Института социологии РАН О.В. Крыштановская, которая считает, что «введение дистанционного электронного голосования приветствовала бы в первую очередь молодая и развивающаяся часть общества, которая хочет контролировать всё – и власть, и выборы» [15].

Член Центризбиркома России А.Н. Клюкин говорит о таком факторе мобилизации электоральной активности молодежи, как стимулирование использования пассивного избирательного права (права быть избранным). «Массы избирателей доверяют-де кандидатам, умудренным опытом, с длинной биографией и т. п. Это резонно, но, с другой стороны, как же тогда доказать молодым избирателям и кандидатам, что их участие в выборных процессах не является формальностью, что они могут иметь в органах власти своих – во всех смыслах слова – представителей?» [7].

Также А.Н. Клюкин наряду с Е.О. Казаковой, предлагает перенять опыт других стран по повышению уровня электорального участия молодых граждан и посмотреть, как те или иные новшества скажутся на участии в выборах молодых избирателей нашей страны.

Так, в некоторых странах экспериментируют с понижением возраста, с которого возникает избирательное право, а участие в голосовании объявлено гражданским долгом. А в некоторых (Греция, Люксембург, Бельгия) – конституционной обязанностью. В Андорре используется метод поощрений для стимулирования избирательной активности.

В других странах (например, на Кипре) на граждан возложена обязанность зарегистрироваться в списках избирателей, то есть, самим предпринять шаги по реализации своего избирательного права. А в Греции граждане, ещё не имеющие права участвовать в выборах, могут работать в молодёжных секциях политических партий. В ряде государств (Латвия, Великобритания) молодым людям, не достигшим «избирательного возраста», предоставлено право участвовать в выборах в качестве наблюдателей [7; 6, с. 233].

Многие авторы (А.Н. Клюкин, Г.В. Дашкевич, М.Ю. Садырова, О.В. Иванова) разделяют точку зрения о том,

что главным и основным на пути повышения избирательной активности молодёжи является реальная работа на благо избирателей. Для молодёжи важно чувствовать себя полноценным актором политических процессов и осознавать, что от её выбора действительно будет зависеть политическая ситуация и жизнь в стране [2, с.27]. «Кандидатам на выборах необходимо проводить постоянные встречи с молодёжью, слушать, слышать их проблемы и пытаться их разрешить. А после избрания продолжить эту работу, чтобы молодёжь понимала, что всё это не было лишь предвыборной агитацией для получения их поддержки», – пишет О.В. Иванова [4].

«На самом деле, сегодня молодёжью и её проблемами мало кто занимается. Молодёжь вовлекают в избирательный процесс, используя различного рода шоу, формируют эмоциональную связь, которая реализуется в акте голосования, а потом благополучно забывают о ней до следующих выборов. В результате в сознании молодёжи возникает негативная эмоция, что «тебя использовали», – добавляет М.Ю. Садырова [14, с. 668].

Таким образом, анализируя позиции разных авторов, можно сделать вывод о том, что больше всего внимания в исследовании проблемы повышения электоральной активности молодёжи уделяется таким факторам как: реальная государственная поддержка молодого поколения в решении проблем; осуществление эффективной государственной молодёжной политики; формирование политической и правовой культуры со школьной скамьи; применение интернет-технологий для информирования и непосредственно при проведении голосования. Стимулированию у молодёжи использования пассивного избирательного права, а также внедрению новшеств других стран (способствующих повышению электоральной активности молодого поколения) на этом фоне уделяется гораздо меньше внимания.

Библиографический список

1. Башкарев А.А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи в России [Электронный

ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/rol-seti-internet-v-protssesse-politicheskoi-sotsializatsii-molodezhi-v-rossii>

2. Дашкевич Г.В. Электоральная пассивность российской молодежи: ключевые причины и социальные последствия /Всероссийский научный журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки». 2016. Выпуск №3.

3. Зверовщиков Р.В. Молодёжь и её участие в выборах: способы повышения электоральной активности молодых избирателей / Р. В. Зверовщиков. // Новый юридический вестник. 2019. № 3 (10).

4. Иванова О.В. Молодежь и выборы. Повышение избирательной активности [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41215252>

5. Игнатенко В.А. Факторы и методы повышения электорального участия молодежи России // Власть. 2016. Том 23. № 7.

6. Казакова Е.О. Политический абсентеизм российской молодежи // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция: сборник статей участников Междунар. молодежн. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 25–26 октября 2016 года). Екатеринбург, 2016.

7. Клюкин А.Н. Почему выборы – дело молодых [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/news/260561>

8. Малькевич А. А. Повышение электоральной активности молодежи современной России: проблемы и пути решения [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/45.html

9. Матрёнина К.Ю. Молодежь и электронные выборы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruzh.org/>

10. Матюхина Е.В. Повышение участия молодежи в выборах посредством электронного голосования [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017031823>

11. Назаренко С.В. Ценности и нормы электоральной культуры как основа социального контроля электорального поведения студенческой молодежи // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т.6. № 2А.

12. Пырма Р.В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019; 9(2).

13. Редькин А. Повышение электоральной активности молодежи [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/r/redxkin_aleksandr_aleksandrowich/msu.shtml

14. Садырова М. Ю. Проблема избирательной активности российской молодежи // Молодой ученый. 2014. № 3 (62).

15. Удаленное голосование отодвинули на 10 лет в силу его недостаточной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://avanesov.viperson.ru/wind.php?ID=636308&soch=1>

О. В. Лакрышкина

Межрегиональные коммуникации субъектов РФ в условиях цифрового пространства

Внедрение Интернет-технологий среди населения сформировало новый субъект в политическом пространстве – информационное общество. Теперь граждане в онлайн-режиме следят за деятельностью органов власти, подмечая события как масштабные (федеральные), так и локальные (региональные и муниципальные). Перед государственными органами отныне стоит задача вовремя публиковать отчеты о деятельности, результатах взаимодействия с гражданами и т.д., так как отсутствие информации в сети является поводом считать, что никакой деятельности вовсе не было.

Еще в 2010 г. была разработана государственная программа «Информационное общество (2011-2020 годы)», в рамках которой подразумевалось развитие программы «Электронное государство и эффективность государственного управления». В связи с этим перед субъектами РФ появляется задача выстроить эффективную коммуникацию, используя при этом онлайн-площадки. Автор данной статьи задается вопросом: а есть ли на сегодняшний день межрегиональная коммуникация субъектов Российской Федерации на примере Сибирского Федерального округа?

Межрегиональные связи, как и централизованная региональная политика, способствуют решению проблем в различных сферах общественной жизни, отраслях сельскохозяйственной деятельности, содействуют развитию и укреплению социально-экономических вопросов российского общества. В настоящее время связи между регионами Российской Федерации добровольны и не регламентируются законами. Поддерживать межрегиональные связи необходимо для того, чтобы повышать экономический потенциал и обеспечивать социально-экономическое развитие на основе взаимовыгодных проектов, а не на дотациях из федерального бюджета [1].

Сама форма цифровизации подразумевает публичный характер политики. Сегодня можно заметить, что среди прочих инструментов коммуникации, регионы постепенно постигают пространство социальных сетей. Изначально появились сайты региональных ведомств, которые носили исключительно информационный характер и не подразумевали наличия обратной связи и организации любой формы контакта. Затем региональные ведомства доработали инструменты обратной связи и стали создавать публичные страницы на платформах: «ВКонтакте» и «Фейсбук». В теории, это может помочь регионам взаимодействовать не только внутри, но и поддерживать межрегиональные отношения. Так как официальные сайты ведомств стали появляться в начале 2010-х гг., ни региональные власти, ни федеральные не задумывались о популярности среди пользователей сети Интернет коммуникативных онлайн-площадок. Однако когда социальные сети стали ключевой платформой для моментального ньюсмейкинга, специалисты в области SMM (профессии, которая возникла в период цифровизации) начали уделять особое внимание активности пользователей на доступных ресурсах.

Согласно проведенному исследованию издания «Cossa», наибольшее число авторов и размещаемого уникального контента зарегистрировано в социальной сети «ВКонтакте» (25,7 млн и 310 млн соответственно), далее по размеру активной аудитории – «Instagram», 7,1 млн пользователей которого сгенерировали более 71 млн сообщений. Гораздо активнее стали пользователи «Twitter» – 1,1 млн авторов и более чем 78 млн

уникальных сообщений. Несмотря на значительную продуктивность микроблогинга, по числу авторов этот ресурс уступает «Facebook» (1,9 млн и 53,4 млн единиц соответственно). Общее количество активных авторов за май 2017 г. – 38 млн пользователей, а объем уникального сгенерированного контента превысил 670 млн сообщений. В сформированном рейтинге отсутствуют «Одноклассники», поскольку ряд исследуемых статистических показателей не имеют общедоступного статуса [2].

В целом, со стороны региональных властей инициатива размещать публичные страницы во «ВКонтакте» весьма рациональна. Но влияет ли это на межрегиональную коммуникацию? Способствует ли укреплению отношений?

В рамках Сибирского Федерального округа сформирована межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». На сегодняшний день в нее входят регионы: Республика Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский край, Забайкальский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области, а также Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ [3]. Если в 2000-е гг. данное объединение собиралось довольно часто для создания и обсуждения межрегиональных проектов в области социально-экономического развития, то теперь встречи происходят крайне редко. Межрегиональные проекты если и обсуждаются, то только в узком кругу субъектов РФ.

Отметим, что межрегиональные отношения в офлайн-режиме существуют и развиваются, правда, они носят двусторонний характер. Так, проводятся встречи и мероприятия, на которых делегации оговаривают выгодные для своих регионов условия (например, соглашение между Алтайским краем и Ямало-Ненецким автономным округом о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве [4]). Однако регионы не спешат переходить в цифровую среду, как место проведения дискуссий и переговоров.

Подводя итог, можно констатировать, что субъекты Российской Федерации внедряют инструменты онлайн-коммуникаций в свою деятельность, однако в большинстве

своим они являются лишь информативной справкой, новостной лентой о деятельности региональных ведомств. Появление официальных страниц в пространстве социальных сетей не дает оснований полагать, что есть коммуникация между регионами. Даже в очном формате заседания межрегиональных объединений не проводятся или организуются крайне редко, что указывает на отсутствие сетевого взаимодействия субъектов РФ. Остается надеяться, что вызов в лице режима самоизоляции повлияет на коммуникационную модель, переводя ее в Интернет-пространство и открывая перспективы новых форм политического управления.

Библиографический список

1. Максимов А.М. Региональные политические коммуникации в условиях трансформации российской политической системы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. №1(96). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-politicheskie-kommunikatsii-v-usloviyah-transformatsii-rossiyskoy-politicheskoy-sistemy>
2. Зотов В. В., Губанов А. В. Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-prostranstva-publichnyh-kommunikatsiy-subekta-rf-v-usloviyah-prevalirovaniya-sotsialnyh-media>
3. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ "Сибирское соглашение" // [Электронный ресурс]. URL: <https://sibacc.ru/>
4. Алтайский край и Ямало-Ненецкий автономный округ договорились о перспективных направлениях сотрудничества // Официальный сайт Алтайского края // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.altairegion22.ru>

А. Ю. Мокров

Использование темы Великой Отечественной Войны в символической политике современной России

Мемориальный бум последней трети XX в., отмечаемый в странах Европы и Северной Америки, повлек за собой становление специфического поля «публичной истории», как способа социальной актуализации исторических знаний и формирования соответствующего междисциплинарного научного направления «исследования памяти». Дискуссии о прошлом начали приобретать повышенную политическую значимость, однако причины этого разнятся от одной страны к другой.

Прошлое превращается в ресурс, интересный и для творческо-интеллектуальной рефлексии, и для извлечения экономического дохода (от исторического туризма до обоснования прав на реституцию собственности), и для организации досуга (движение реконструкции, исторические фильмы, косплей и пр.), и для подкрепления политических притязаний [1].

По мнению некоторых исследователей, миф о войне еще в советское время – при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневе – стал «затмевать» собой Октябрьскую революцию, приобретая функции мифа основания. Подтверждение этой гипотезы требует специального исследования, однако не вызывает сомнений, что Великая Отечественная война превратилась в ключевое звено официального нарратива, придавая определенность его главной сюжетной линии: советский строй, рождавшийся в ходе Октябрьской революции, Гражданской войны, нэпа, индустриализации, коллективизации и борьбы с «классовыми врагами», доказал свою силу, обеспечив Победу над фашизмом.

Есть четыре темы, которые неизменно находят отражение в официальных речах по случаю Дня Победы: это дань памяти жертв войны и пережитых страданий, благодарность ветеранам, нередко подкрепляемая заявлениями о мерах материальной поддержки, рассуждения о преемственности поколений и констатация политических уроков войны. Все эти фреймы с

некоторыми вариациями продолжают традиции выступлений советского руководства. В.В. Путин продолжил ельцинскую тему Дня Победы как праздника национального единства, спланивающего россиян независимо от поколенческих и идеологических различий [2].

Освобожденная от бремени коммунистического наследия и представленная под сугубо «человеческим» углом, память о войне становилась ценнейшим материалом для конструирования национальной идентичности в новых геополитических границах, но на основе «тысячелетней» преемственности.

Победа в Великой Отечественной войне была центральным элементом обеих версий постсоветского нарратива. Однако в официальном дискурсе 1990-х гг. в противоположность советскому канону она интерпретировалась как подвиг народа, победившего не благодаря, а вопреки «партии и государству»; война представлялась не только как героический подвиг, но и как коллективная травма. В дискурсе же 2000-х гг. тема войны как травмы оказалась практически забытой, и на первый план вышли «плоды» победы – гордость деяниями предков, защитивших Родину, освободивших миллионы людей от нацистской оккупации, завоевавших стране статус мировой супердержавы [3].

То, что именно великая Победа стала главной опорой политики памяти, нацеленной на формирование новой российской идентичности, вполне закономерно. Это чуть ли не единственное событие российской истории, которое отвечает всем критериям «политической пригодности»: оно актуализировано в массовом сознании, поскольку опирается на солидную инфраструктуру памяти, созданную главным образом в 1970–1980-х гг., и пока еще живую память старшего поколения; имеет широкий спектр символических значений для характеристики «нас» (причем позитивной) и не является предметом противоположных оценок, конкуренция которых воспринимается по принципу игры с нулевой суммой. Вместе с тем, в силу скудости «актуализированных» символических ресурсов, миф о великой Победе за последние 15 лет стал буквально нашим всем; он приобрел множество новых

смысловых значений и символизирует едва ли не все аспекты современной российской идентичности.

Таким образом, символическая политика в современном российском обществе оказывается сведена лишь к одной, пусть даже значимой, своей части, а именно к политике памяти. Но способы реализации этой политики, а также специфическая конфигурация политических акторов, препятствующая выработке общественных договоренностей относительно ключевых символов, способствуют формированию новых факторов риска, последствия которых будут особенно остро ощущаться в российском обществе уже в ближайшие годы.

Библиографический список

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019.
2. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
3. Малинова О. Память о войне: как великая Победа стала «нашим всем» и чем это грозит [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/06/05/2016/572b1b209a794723991b17bb>.

Е.К. Саратовская

Общероссийский Народный Фронт как новый субъект политического процесса

В современных обществах все чаще возникают различные формы социального протеста, гражданских инициатив, организаций и движений. Особое значение приобретают гибкие социальные структуры, объединения индивидов, которые быстро адаптируются к изменяющейся окружающей среде. Общественные движения играют важную роль в современной жизни и являются не только продуктом, но составной частью процесса глобализации [1]. Общественно-политические движения, в отличие от политических партий, более динамично

реагируют на запросы общества. Чем более широка проблематика общественно-политического движения, тем большее число граждан, групп интересов оно может привлечь к своей деятельности.

Партийная система в Российской Федерации носит нормативный характер, создание политической партии жестко регламентируется со стороны законодательства, имеет ряд сложностей и особенностей. Для общественных движений предусмотрен более упрощенный порядок регистрации и образования. В условиях кризиса партий общественное движение может стать точкой притяжения общественных инициатив. Российская власть не заинтересована в формировании оппозиции, но, в то же время, нуждается в общественной поддержке, стремится создать сеть лояльных коалиций. В данном аспекте ОНФ выступает идеальным партнером действующей власти.

Общероссийский народный фронт – это общественное движение, созданное в мае 2011 г. по инициативе президента РФ Владимира Путина, которое объединяет активных и равнодушных жителей страны. Главные задачи ОНФ: контроль за исполнением указов и поручений главы государства, борьба с коррупцией и расточительством, неэффективными тратами государственных средств, вопросы повышения качества жизни и защиты прав граждан.

Среди целей движения, согласно уставу, также указаны:

- поддержка и обеспечение прямого и постоянного диалога между гражданами и Президентом страны, общественного мониторинга и гражданского контроля исполнения законов, президентских инициатив и иных приоритетных государственных решений и программ;
- вовлечение граждан, организаций и институтов гражданского общества в постоянную совместную работу по определению приоритетов развития России, содействие расширению возможностей народовластия, реальному участию всех активных и равнодушных граждан в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления;

- укрепление социального партнерства и гражданской взаимопомощи, поддержка общественной самоорганизации, социального творчества, добровольчества, иных созидательных гражданских инициатив по решению важнейших вопросов развития страны [2].

Актуальность исследования также заключается в том, что приближается новый электоральный цикл, и ОНФ может принять участие в выборах, ранее такой опыт уже был. Учитывая негативную динамику рейтингов «Единой России», ставка со стороны государства может быть сделана на Общероссийский народный фронт.

Главный вопрос исследования заключается в том, выступает ли ОНФ самостоятельным и независимым субъектом политики, либо является инструментом действующей власти.

Чуть более половины жителей России (54%) осведомлены о деятельности Общероссийского народного фронта (ОНФ). Из них большая часть (34%) имеет поверхностные знания о его деятельности – «что-то слышали, но не знают в чем суть», 16% слышали многое о нем, и лишь 4% опрошенных внимательно следят за его работой. Таковы данные опроса, проведенного «Левада-центром».

Доля российских граждан (из тех, кто в той или иной мере осведомлен об ОНФ), положительно оценивающих его деятельность, выросла более чем в 1,5 раза за два года: с 38% в мае 2013 г. до 60% в августе 2015 г., что «укладывается» в рост одобрения всех институтов власти, фиксируемый за период 2014–2015 гг. ОНФ по-прежнему воспринимается большинством как «инструмент» президента РФ: 35% считают, что он помогает Владимиру Путину расширить политическую поддержку, чтобы она не зависела исключительно от «Единой России», а каждый пятый респондент уверен, что ОНФ, прежде всего, создан для поддержания популярности президента.

16% жителей России в качестве основной задачи ОНФ видят консолидацию населения для решения проблем, стоящих перед страной. 14% опрошенных критически подходят к деятельности ОНФ, считая, что он создан для того, чтобы «усилить контроль власти над партиями и общественными организациями» [3].

ОНФ, созданный по инициативе действующего лидера Российской Федерации, большинством граждан логично воспринимается как пропрезидентское движение, но, с другой стороны, осуществляет свою деятельность не только на федеральном, но и на региональном уровнях, а также занимается реализацией многих проектов, тем самым отражает реальные проблемы и интересы граждан. Общероссийский Народный Фронт прославился тем, что регулярно проводит мониторинг разных жизненно важных для страны сфер, которые стали болезненной темой для большинства россиян. Оценки состояния данных сфер и критика чиновников позволили уставшим от произвола чиновничества людям как минимум уважать сравнительно недавно созданную организацию.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные исследования о том, на каких задачах, по мнению россиян, должен сосредоточить деятельность Общероссийский народный фронт.

Как показывают результаты исследования, запрос населения относительно деятельности Общероссийского народного фронта (ОНФ) широк. В первую очередь, россияне считают необходимым сосредоточить силы ОНФ на решении проблем здравоохранения и медицины (46%), безработицы и занятости молодежи (45%), качестве и стоимости услуг ЖКХ (41%), а также на решении проблем экологии, борьбе с незаконными свалками (40%). Около трети опрошенных называют значимыми задачами повышение уровня жизни, контроль за ростом цен (35%), поддержку малоимущих (30%), борьбу с коррупцией во власти (30%). От 9 до 17% отмечают актуальность таких тем, как безопасность, проблемы миграции, благоустройство придомовых территорий, формирование социальной инфраструктуры в новых районах. 10% участников опроса сказали, что Фронт может помочь в решении проблемы выхода из кризисной ситуации в экономике города/региона. Наименее актуальным, по оценкам респондентов, является вопрос защиты предпринимателей – его в качестве задачи для ОНФ назвали только 6% [4].

В феврале 2020 г. в сети интернет появился ряд публикаций на тему объединения Общероссийского народного фронта с

действующей «партией власти». Предполагается, что в новой структуре будет не один лидер, а три сопредседателя. Дмитрий Медведев не попадет в их число и потеряет пост руководителя партии. В публикациях отмечается, что Единая Россия и Общероссийский народный фронт (ОНФ) собираются провести объединительный съезд в течение ближайших месяцев: в администрации президента решились на ребрендинг партии власти. На съезде поменяют устав единороссов, включая название и структуру управления партией. В Кремле планируют сделать это для того, чтобы избавиться от негатива, связанного с названием «Единая Россия». Из-за этого рейтинг партии сейчас составляет 32,7%, тогда как в июне 2018 г., до объявления о начале пенсионной реформы, он составлял 48%. Окончательная структура управления обновленной партией власти еще прорабатывается. Однако ребрендинг будет иметь смысл только в том случае, если выборы в Госдуму пройдут в плановом режиме в сентябре 2021 г.

На мой взгляд, движение, созданное по инициативе главы государства, не может быть полностью обособленным от интересов действующей власти. Однако деятельность региональных отделений и федерального центра ОНФ может разительно отличаться. Кроме того, немаловажным остается вопрос рекрутирования в политику новых кадров через площадку ОНФ, в том числе через региональные отделения.

На основании вышеизложенного становится очевидным, что влияние такого общественно-политического движения, как Общероссийский Народный Фронт, в условиях кризиса партий и снижения рейтингов партии власти на политический процесс и формирование повестки дня будет возрастать. В связи с приближающимися выборами возрастёт интерес не только на федеральном уровне, но и на региональном. Открытым остаётся вопрос конкуренции между ОНФ и «Единой Россией», которая пока не слишком заметна, в связи с тем, что структуры концентрируются на разных направлениях, однако отстраненности президента от партии власти сложно не заметить.

Библиографический список

1. Скобелина Н.А., Гулевская Н.А. Современные общественные движения: глобальный и региональный аспекты. Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №16 (197).

2. Устав Общероссийского общественного движения "Народный фронт "За Россию" 2018. Утвержден Учредительным Съездом Движения с изменениями и дополнениями, внесенными на Съезде Движения 12.06.2013, 29.11.2018.

3. Жители России воспринимают ОНФ как «инструмент» президента: опрос. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1964339.html>

4. Общероссийский народный фронт: ожидания россиян. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115960>

А.А. Стома

Популизм как элемент современного политического лидерства

Проблема лидерства является сложной междисциплинарной проблемой. Лидерство (лидер от англ. leader – ведущий, первый, идущий впереди) разнообразно, ему дано много определений. Вопросы лидерства рассматриваются, как психологические, философские, социальные, политические, управленческие и пр. [1, с. 56]. Политическое лидерство – достаточно древнее явление общественно-политической жизни, но при этом актуальная проблема современности. По оценке отечественных и зарубежных учёных, политическое лидерство среди других типов лидерства «гораздо более значимо», более эффективно и более заметно в воздействии на общественную жизнь и весь ход исторического развития.

Политическое лидерство в современном обществе претерпевает существенные изменения. Динамичные трансформации в политических и социальных институтах требуют от политического лидера высокого качества

специализированной деятельности и одновременно – соответствия ожиданиям населения. Это приводит к тому, что современное политическое лидерство дополняется таким явлением, как «популизм». С каждым годом его актуальность только усиливается. В современной политической науке популизм является одной из самых обсуждаемых проблем. Популизм (от лат. *populus* – народ) – политика, апеллирующая к широким массам и часто обещающая быстрое и лёгкое решение острых социальных проблем[2, с. 87].

Изменение форм политического лидерства вследствие развития общественной потребности в новой модели представительства политических интересов, усиление социальных ориентаций лидерства и эволюция образа лидера приводят к снижению активности участников политического процесса, что сопровождается ростом возможностей у лидеров-популистов нового типа и усилением роли амбициозных личностей в истории (Дональд Трамп, Эммануэль Макрон, Жаир Болсонару и др.).

Об успехе популизма свидетельствует победа на президентских выборах в США Д. Трампа, которого называют главным современным политиком-популистом. Главой государства стал человек, не имеющий опыта политического руководства, знания политических коммуникаций, но имеющий образ успешного, целеустремленного человека, известного большой аудитории.

Жаира Болсонару иногда называют «латиноамериканским Дональдом Трампом» или «тропическим Трампом». Болсонару – бывший военный и теперь президент Бразилии, являющий также примером лидера-популиста. Прежде всего, Болсонару привлек свой электорат тем, что обещал вести принципиально иную политику, нежели та, которую много лет вела, находясь у власти, левоцентристская Партия трудящихся.

В Италии полулигистское «Движение пяти звезд» и правая партия «Лига», выступающая за запрет иммиграции, стали главными победителями на выборах. Достаточно яркий пример лидера-популиста – ныне покойный, бывший президент Венесуэлы – Уго Чавес, известный своим высказыванием: «Я не индивидуум – я и есть народ».

Популисты находятся у власти в Италии, Венесуэле, Польше, Венгрии, Турции, Бразилии. В октябре 2018 г. Комитет гражданских инициатив выпустил доклад, в котором зафиксировал рост популистских настроений в России [3, с.74]. Это свидетельствует о том, что такое явление, как популизм актуально не только для стран Запада, но и для России в том числе.

Одним из последних и самых ярких примеров лидеров-популистов выступает президент Украины – В. Зеленский. Владимир Зеленский представляет собой востребованный современным обществом тип лидера, в котором искусно сочетаются мужской и женский подход к решению задач. Его типаж является ярким примером современного политического лидера-популиста: харизматичный, известный, привлекательный мужчина, при этом близкий к народу, который нацелен на достижение результатов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать заключение о том, что, действительно, в последнее время популизм – уже не просто актуальное явление в современном мире, а ключевой элемент в реализации политического лидерства, который должен быть максимально подробно исследован и описан.

Библиографический список

1. Беляцкий Н.П. Основы лидерства. Минск, 2006.
2. Баранов Н.А. Эволюция взглядов на популизм в современной политической науке. СПб., 2018.
3. Бендас Т.В. Психология лидерства. СПб., 2009.

СЕКЦИЯ 5

Особенности искусства евразийских народов

А.С. Онищенко

Некоторые локальные особенности камнерезного искусства средневековых кочевников Северного Приазовья XII – нач. XIII вв.

Половецкие каменные изваяния являются одними из важнейших источников информации о материальной культуре, искусстве и этнографии кочевых племен. Целью данной работы является рассмотрение некоторых локальных особенностей камнерезного искусства кочевников Северного Приазовья XII – нач. XIII вв.

На территории Северного Приазовья зафиксировано 206 половецких каменных изваяний. При их исследовании были отмечены некоторые уникальные стилистические особенности – это слабый рельеф и умышленное нарушение пропорций фигуры камнерезным мастером.

Практически на всех изваяниях техника изображения однообразна. Она различается только способом удаления лишней породы вокруг той или иной детали [1, с. 12]. Реже они оконтуриваются прочерченными линиями, тем самым выделяя нужное место из плоскости монолита. Но три изваяния на территории Северного Приазовья имеют оригинальную технику изображения. Все детали иконографии выделены на тонкой плите очень слабым рельефом. Как правило, аналогичные по типу фигуры представляют собой объемную скульптуру с выделенными деталями иконографии из «фона» горельефом. Возможными причинами такой стилистической особенности являются одна школа камнерезного искусства, либо один мастер.

По типологии С.А. Плетневой, изваяния с такой рельефностью относятся как к раннему типу скульптур, так и к

более позднему. Чертой раннего типа является стеловидность с изображениями, выделенными барельефом, которые местами переходят в прочерчивание. К позднему, более развитому типу изваяния относятся из-за наличия нижней части фигуры (подол и ноги). Можно предположить, что скульптуры являются переходным типом между «фигурами с изображением до пояса» и «полнофигурными изваяниями».

Многие исследователи обращали внимание на рельефность и технику обработки при изучении как древнетюркской, так и половецкой скульптуры. Так А.Н. Бернштам для изваяний Тянь-Шаня предложил четыре типа фигур по этим признакам [2, с. 145]. Для скульптур Южной Сибири Л.А. Евтюхова выделяет две группы по признаку «рельефность» и «объемность» [3, с. 113]. С.А. Плетнева разработала более детальную типологию (7 типов), взяв за признак только «рельефность» [4, с. 61].

Вторая локальная особенность камнерезного искусства средневековых кочевников на территории Северного Приазовья – это умышленное нарушение пропорций фигуры. Как правило, на всех изваяниях стоящего типа в нижней части фигуры изображены длиннополые кафтаны до колен или голеней. Нижняя часть кафтана в среднем занимает от 28% до 35% размера всей плиты. Однако, на нескольких скульптурах из Северного Приазовья нижняя часть кафтана неестественно мала относительно верхней части тела. В некоторых случаях она составляет всего лишь 14% от высоты всей фигуры. Ноги и нижняя часть кафтана без изображения выше пояса смотрятся довольно естественно. С.А. Плетнева в Своде отмечает наличие на большинстве скульптур коротких ног. Такую особенность она объясняет специальным приемом камнерезных мастеров. Чтобы изваяние при установке на возвышенности (кургане) не потеряло выразительности, нижнюю часть с постаментов делали умышленно меньших размеров. Это делалось для того, чтобы нижняя часть не смотрелась снизу (с равнины) неестественно большой, а голова наоборот – слишком маленькой [4, с. 55]. С.А. Плетнева отмечает только короткие ноги, подразумевая под этим сидящие и полусидящие скульптуры. На изваяниях из Северного Приазовья малы все изображения ниже пояса, которые выделены на большом постаменте. Такая особенность

может быть связана с той же причиной, на которую указывает С.А. Плетнева, или своеобразной особенностью камнерезного искусства на территории Северного Приазовья.

Изваяния с умышленно нарушенными пропорциями распространены на довольно большой территории – от р. Днепр до р. Дон, но также есть по одному экземпляру в Крыму и на Кубани [5, с. 251]. Из всего массива половецких скульптур было обнаружено 20 изваяний с неестественно маленькими кафтанами, 14 из них были найдены в Северном Приазовье. По С.А. Плетневой, в этом регионе находились «Поморское» и «Донецкое» половецкие объединения. Информация о происхождении остальных изваяний отсутствует. Можно лишь предположить, что они также происходят из этого региона. Такое скопление изваяний с одинаковой изобразительной особенностью на довольно маленьком ограниченном пространстве свидетельствует о местной локальной школе мастеров или временной моде в изобразительном искусстве, когда скульпторы делали нижнюю часть неестественно маленькой относительно верхней половины фигуры. Также это можно связать с угасанием иконографических традиций развитой объемной скульптуры в первой половине XIII в., вследствие чего нижняя часть фигуры постепенно уменьшается, а позднее, и вовсе исчезает. В результате появляются новые типы – столбовидные монолиты с, как правило, объемными, детально проработанными головой и верхней частью торса. Очевидно, чем короче и уже нижняя часть кафтана и ноги, тем более позднюю датировку имеет скульптура. Не исключено, что изваяния представляют собой переходной тип от развитой скульптуры (XII в.) к поздней (конец XII – XIII в.).

По мнению Л.С. Гераськовой, фон постамента отражает социальный статус человека [6, с. 83, 7, с. 421]. Для того, чтобы показать именно фон, мастеру необходимо затратить намного больше усилий, чем на выделение нижней части кафтана без фона. А значит, это действие совершалось осознано и с определенной целью. Возможно, делая специально неестественно маленькой нижнюю часть кафтана и ноги, мастер как раз хотел подчеркнуть высокий социальный статус человека. Но тогда возникает вопрос, почему на всех изваяниях

с такой особенностью нет никаких предметов на поясе, показывающих их положение в обществе.

В Северном Приазовье есть несколько уникальных особенностей камнерезного искусства средневековых кочевников. Такие стилистические признаки, как слабый рельеф на развитых скульптурах и намеренное нарушение пропорций фигуры, встречаются на небольшой территории. Дальнейшее исследование половецких изваяний XII – начала XIII вв. с подобными изобразительными особенностями поможет сузить датировку и определить их этническую принадлежность.

Библиографический список

1. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М; Л., 1966.
2. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26. М.; Л., 1952.
3. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М., 1952.
4. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-02. М., 1974.
5. Онищенко А.С., Бороденко С.Н. Коллекция половецких изваяний из г. Новоозовска // Проблемы археологии и музееведения: сборник статей, посвященный памяти Н.В.Хабаровой. Волгоград, 2018.
6. Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ, 1991.
7. Гераськова Л.С. 1999. Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья // Stratum plus. № 5. Неславянское в славянском мире. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.

В.В. Останин

Прабхупада и поэзия Шекспира

Евразийское мирозерцание по своей сущности – принципиально синтетично, оно призвано впитывать все, что

есть лучшего в мировой культуре и истории. В этом смысле, хотя стопа великого английского драматурга Уильяма Шекспира (1564–1616) никогда не ступала на землю Азии, его вполне можно считать евразийским мыслителем, ибо его нетленная поэзия «пришлась ко двору» не только по всей Евразии, но и в России, в частности. Об этом замечательно писал отечественный поэт XIX века А.Н. Майков («Юбилей Шекспира»):

*Как свой ты на Руси пришелся по сердцам!
По русским городам, по сценам полудиким
Рукоплескания не попросту гремят
Твоим созданиям великим,
И музы русские под сень твою спешат!
Ты наш – по ширине могучего размаха,
Ты наш затем, что мы пред правдой не дрожим,
И смотрим в пропасти без страха,
И вдаль уверенно глядим [1, с. 479].*

Прабхупада (1896–1977) – знаменитый индийский вайшнавский мыслитель, религиозный деятель, его книги разошлись в России уже многомиллионным тиражом. Он посетил СССР в 1971 г., в результате чего вайшнавизм широко распространился в Советском Союзе и затем в Российской Федерации. В настоящее время практически не существует ни одного большого или малого города, в котором бы не были открыты филиалы созданного им Общества (ISKCON).

Может возникнуть вопрос: «Каким образом связаны между собой английский писатель XVI–XVII вв. и индийский проповедник середины XX в.»? Дело заключается в том, что Прабхупада, будучи сыном своей страны, находившейся до середины XX в. в статусе английской колонии, получал не только традиционное для Индии образование, но и обучался в Шотландском церковном колледже Калькутты. В результате он глубоко усвоил не только английскую культуру (хотя и не принял ее в качестве родной), но и поэзию Шекспира, в частности.

Изучение отношения Прабхупады к Шекспиру может снабдить нас весьма ценным материалом, иллюстрирующим широту евразийского мировоззрения, показывающим насколько

рядом и в то же время на уважительной дистанции стоят поэзия английского гения и религиозно-философское послание индийского мыслителя, оказавшиеся столь близкими российской ментальности.

«География» цитирования произведений Шекспира у Прабхупады действительно широка. Он цитировал следующие произведения великого английского классика: трагедии «Гамлет» и «Макбет», комедии «Венецианский купец» (особенно часто), «Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего», «Как вам это понравится». Прабхупада обсуждал наследие Шекспира с такими деятелями культуры как музыкант Beatles Джордж Харрисон; итальянский поэт ирландского происхождения Десмонд О'Грэди; знаменитый румынский поэт и переводчик, знаток языков Джордж Лесни (переводивший на румынский язык Пушкина, Лермонтова, Есенина, Михалкова; в 1934, 1940, 1957 гг. он удостоивался призов как лучший румынский поэт, писатель и переводчик); известный политик, член Парламента и Индийского Национального Конгресса Ратан Сингх Раджда, манипурский ученый-химик доктор Сингх и др. Он уподоблял Шекспиру творчество и заслуги фактических основателей современного индийского театра: Гириш Чандра Гхош (1844–1912) – великий индийский драматург, актер, поэт, музыкант и режиссер, основоположник индийского публичного театра; Амрита Лал Басу (1853–1929) – известнейший индийский актер, театральный постановщик и драматург (учился в том же Шотландском Церковном Колледже, что и Прабхупада, но несколько ранее). Конечно, были упоминания Шекспира и ad hoc: Прабхупада обсуждал тиснение своих книг в шекспировском стиле, использовал выражение «шекспировы локоны», восхищался большим количеством (при отсутствии утраты качества) шекспировских произведений, сожалел о снижении интереса к его наследию в жизни Ч. Дарвина и т.д.

Однако основными объектами нашего краткого исследования решено сделать следующие топики: оценка Прабхупадой стилистических особенностей наследия Шекспира и, главное, оценка содержательной стороны творчества великого английского писателя.

Оценка стилистических особенностей. Здесь, пусть коротко, но все же следует обязательно отметить, насколько щедрым на похвалы оказался Прабхупада как критик (в хорошем смысле этого слова) наследия Шекспира. Прабхупада, как и его собеседники, неизменно отмечали, что «работы Шекспира... написаны чрезвычайно красиво, они грамматически выверены, метафорически изящны и в то же время легко воспринимаются» [2]. Архаичность стиля Шекспира, по мнению индийского мыслителя, отличается «авторитетностью» идей, «высокой поэтичностью», «полнотой смысла», «простотой декораций» и т.п. [Там же].

Оценка содержательной стороны творчества. Представляется, что акцент высказываний Прабхупады о содержательном аспекте произведений Шекспира имел две основные направленности: 1) цитаты, иллюстрирующие искушенность Шекспира в религиозных вопросах; 2) цитаты, демонстрирующие гуманистическую направленность его творчества. Как писал Л.И. Шестов, Шекспир «рассказал нам, что под видимыми нами ужасами скрывается невидимый рост человеческой души, что нет у человека “злой воли”, что все ищут лучшего даже и тогда, когда свершают злые деяния, что все обвинения, расточаемые людьми жизни, происходит лишь от нашего неумения постичь задачи судьбы» [3, с. 205].

Замечательный образчик чуткости Шекспира к религиозной проблематике являет пассаж из пьесы «Венецианский купец» (Действие I; Сцена III):

*Заметь себе: ссылаться может черт
На доводы Священного Писанья.
Когда душа порочная берет
В защитники свидетельство святое,
Она – злодей с улыбкой на устах,
Красивый плод с гнилою сердцевиной⁵ [4, с. 400].*

Цитата напрямую говорит о злоупотреблении авторитетом Священного Писания – в данном случае Библии, и Прабхупада,

⁵ Здесь и далее при цитировании Шекспира Прабхупадой и его собеседниками мы восстанавливаем цитату в полном объеме.

обсуждая данное место, тут же применяет ее и в отношении главного индуистского Писания – «Бхагавад-гиты» [2].

Не менее интересно выглядит еще один отрывок из «Венецианского купца» (Действие IV; Сцена I), но затрагивающий уже т.н. «еврейский вопрос»:

*Готовься же ты мясо у него
Вырезывать: не забывай, что крови
Нельзя пролить; да помни: ровно фунт
Вырезывай, ни больше и не меньше* [4, с. 421].

Хотя слова обращены к «правоверному» иудею Шейлоку, на что намекает фраза о невозможности пролития крови (см. Быт. 9:4 и др.), еврейство как таковое Шекспиром не порицается – дочь Шейлока Джессика, вне всяких сомнений, является положительным персонажем пьесы. Прабхупада резюмирует ссылку следующим образом: «Это не имеет никакого отношения к национализму, религии или чему-то подобному» [2].

Гуманистическая направленность сочинений Шекспира затрагивается Прабхупадой в разных отношениях. Так, к примеру, Прабхупада ссылается буквально на название и основную фабулу пьесы «Много шума из ничего», характеризуя бессмысленность чрезмерных человеческих усилий по достижению меркантильных целей [2]. Но наиболее репрезентативны цитаты, напрямую характеризующие человеческую природу. Цитата из пьесы «Сон в летнюю ночь» (Действие V; Сцена I) вводит некоторую классификацию человеческих психологических типов:

*Безумный, и влюбленный, и поэт
Составлены все из воображения.
Один – и это сумасшедший – видит
Вокруг себя такую тьму чертей,
Что не вместил бы их и ад обширный.
А кто влюблен – такой же сумасшедший:
Он на челе цыганки смуглой зрит
Елены красоту. Поэта взор,
Пылающий безумием чудесным,
То на землю, блистая, упадет,
То от земли стремится к небесам* [4, с. 336].

Вводя в осмысление отрывка религиозную составляющую, Прабхупада подчеркивает, что великий святой, черпающий удовлетворение в своих внутренних отношениях с Богом, совмещает в себе характеристики безумца (он не от мира сего), влюбленного (возлюбил Бога и ближнего) и поэта (посвятил жизнь прославлению Бога), но свершается это уже на ином – трансцендентном уровне: «Есть строка в литературном наследии Шекспира... Сумасшедший и поэт... Все они поглощены какой-то идеей. Итак, сумасшедший человек и... черпающий удовлетворение в самом себе человек – внешне Вы обнаружите, что между ними нет никакой разницы, но внутренне... О! Там присутствует огромная разница!» [2].

Наконец, венцом гуманизма Шекспира Прабхупада считал идею человеческого всеобъемлющего сострадания, проявившуюся в знаменитом пассаже из той же пьесы «Венецианский купец» (Действие IV; Сцена I):

*По принужденью милость
Не действует, а падает она,
Как тихий дождь, струящийся на землю
Из облаков. Благословенье в ней
Сугубое: она благословляет
Тех, кто дает и кто берет ее* [4, с. 419].

Прабхупада резюмирует: «Я припоминаю одну из книг Шекспира – “Венецианский купец”. Когда Порция обращалась к Шейлоку, она сказала: “Сострадание столь прекрасно, что удовлетворенным оказывается и тот, кто получает милость, и тот, кто раздает ее”» [2].

Итак, проанализировав взгляд Прабхупады на творчество Шекспира, мы приходим к следующим выводам. Прабхупада, несомненно, не только знал и свободно ориентировался в произведениях великого английского драматурга, но и множество раз обсуждал их на самом высоком культурном уровне. Чрезвычайно высоко оценивая стилистические достоинства сочинений Шекспира, Прабхупада, тем не менее, прежде всего, останавливался на их внутреннем идейном содержании. Он подчеркивал искушенность, чуткость Шекспира в религиозных вопросах и особенно превозносил гуманистические аспекты его произведений, главным из

которых для Прабхупады стала концепция всеобщего сострадания.

Библиографический список

1. Майков А.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1984.
2. Bhaktivedanta Vedabase. Library. Transcripts https://vedabase.io/en/search/?query=shakespeare&record_type=Transcript
3. Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М., 2000.
4. Шекспир Уильям. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2016.

Н.С. Логинова, О.П. Пономаренко **Поэтический образ Родины в творчестве алтайских поэтов-шестидесятников**

В каждой национальной культурной системе периодически происходят знаковые события, появляются личности-символы, создаются осевые тексты, которые характеризуют не только отдельную культуру, но и выделяют специфические характеристики на каждом этапе ее развития. Тексты личностей-символов отражают не только ключевые идеи эпохи, но и вечные ценности, свойственные каждой культурной системе, отличающиеся между собой в большей степени по форме их проявления, фиксирования. Одной из таких вечных ценностей является любовь к Родине. Тема Родины была всегда актуальна, но при переходе в стадию цивилизации постепенно утрачивает свое сущностное содержание, формализуется, превращается в лозунг.

Любовь к Родине чаще всего фиксируется в категориях пространства и времени, в т.ч. в повседневности, в праздниках, в формах досуга. Например, технический прогресс, урбанизация, увеличение количества людей, получающих высшее образование, уже в начале XX в. не только изменили количество времени, отведенное на досуг, но и выделили новые формы

досуга. Современный исследователь отмечает: «Безудержное наращивание технического потенциала приводит к отставанию в духовно-нравственном и культурном развитии, как всего общества, так и каждого конкретного его члена» [1, с. 305]. Филолог подчеркивает, что «влияние русской литературы на формирование общественного сознания и цивилизационной идентичности сегодня приобретает особую актуальность» [2, с. 111]. При этом чтение развлекательной литературы (книг, журналов) необременённого трудом «денди» и «хрупкой леди» стало модным.

В середине XX в., после революции, гражданской войны, победы над фашизмом, на фоне активного строительства, покорения Севера, идей освоения космоса, формируется новый идеал человека эпохи. Это идеал студента – активного туриста, физкультурника, с чуткой душой, который желает посвятить свою жизнь ее преобразению, прославлению, покорить новые вершины, быть достойным своих отцов, завоевавших победу, в том числе ценой своей жизни. Многие из поэтов не только в стихотворениях, но и своим образом жизни воплощали данный идеал (человека-труженика, преобразователя) нового времени. Таким образом, главный герой стихотворений возникал на волне поэзии 60-х гг. и отражал дух эпохи.

Следует отметить, что данный период также характеризуется усиленным интересом к поэзии. Популярные поэты выступали на стадионах, своим творчеством пробуждали новые чувства, создавали образ человека-романтика, свободного от житейских благ, любящего свою страну. Например, о любви к Родине в поэтической форме писали такие алтайские поэты, как Л. Мерзликин, В. Башунов, М. Юдалевич и пр. Несомненно, вышеперечисленные поэты являлись личностями-символами эпохи, страны, их стихотворения пользовались особенной популярностью у молодежи, формировали ценностные установки, идеалы подрастающего поколения не только на Алтае.

Обращаясь к теме Родины, советские поэты наполняли новым смыслом архетипические символы, олицетворяющие образ России. Символ воплощал не только идею, но и связывался с определенными глубокими чувствами, с яркими

эмоциями человека. Воспоминания о родном доме наполнены чувством радости, связаны с воспоминаниями детства. Тема дома у Леонида Мерзликина перекликается с любовью к Родине. «Дом как центр окрестного мира в стихах Леонида Мерзликина, – пишет А. Родионов, – образ стержневой, он всегда ясно видится сквозь поэтическое восприятие. Из дома и к дому ведут и стекаются к нему все земные пути... Дом как центр мироздания и как символ Родины (не только малой) проходит многомерно через все творчество поэта. «В родных стенах сотворяется радость встречи, дом овеян памятью детства. И вот, по прошествии времен из глубины житейского прибежища взирает на мир человек преклонных лет, и ему уже видны не сами огни, а только отблески... Но и до этих печальных дней, – ведь угасает жизнь одинокого человека, – жив неистребимо в поэте зов родины» [3, с. 5].

Тема Родины и в творчестве Владимира Башунова также раскрывается через отношение к дому. Показательным в поэтическом отношении стихотворений является «Крыльцо». В тексте раскрывается метафора: крыльцо – дом – родители – родина. Смысловым стержнем стихотворения выступает олицетворение – «крыльцо мое, как верный брат, идет за мною вслед» – создает эмоциональный отклик у читателя [4, с. 33].

Тяга к «истокам», тоска по деревне, по родному бревенчатому дому – все это зазвучало с большой лирической силой в шестидесятые годы XX в. При этом поэтами неоднократно подчеркивается боль от расставания с Родиной, тоска по родной земле. В стихотворении В. Башунова боль за то, что встречают там тебя уже как гостя: «И уже не так встречают,/ Разговор не так ведут./И уже на чашку чая/ Больше сахару кладут» [4, с. 72].

Данное чувство переживается цельной личностью как утрата своей принадлежности к тому великому, что ее взрастило, сформировало, где она черпает силу, вдохновение. Радость от свидания с родным домом выражалась эмоционально в стихотворении: «Эти горенки, эти ставенки.../ За избою плывет изба./ Я серебряный ковшик памяти / Поднимаю к сухим губам» [4, с. 251].

Представление дома как текста прослеживается в стихах М. Юдалевича: «Эти домики, словно томики / В давнем детстве прочитанных книг. / Эта улица книжною полкою...» [5, с. 5]. Вечность в таких стихотворениях сливается с повседневностью, создает новые смыслы вечных символов. Например, маленькая, неприметная улица детства вписывается в традиционный для региональной лирики сюжет о возвращении блудного сына: «Я не знаю, что с нами случилось бы, / Если б где-то, пусть далеки, / Нас не ждали до самой старости / Эти тихие уголки. / Если б наши дороги дальние, / И кривить и прямить устав, / Не вели бы в исповедальные, / В изначальные те места» [5, с.81].

Категория пространства у данных алтайских поэтов часто совмещается с категорией времени. Известно, что образ деревенских домов у многих народов символизирует надежность, рассматривается как Вселенная, родившая человека и дающая ему защиту и тепло. Дома воспринимались поэтами как родники, возвращающие в атмосферу детства, как островки памяти, где прошлое соединяется с будущим и делает человека счастливым в настоящем. В основе образа дома традиционное представление о спокойствии, умиротворении, как неотъемлемой составляющей полноценной гармоничной жизни. Нравственность, духовность – следствие этой любви, они не надуманы, не навязаны, они – неотъемлемая часть порожденного окружающим миром человека. Появление мотива дома в творчестве поэтов было определено личными эмоциональными переживаниями. Дом – эквивалент природного, естественного, обжитого мироустройства, воплощающий собой устойчивость, упорядоченность.

При этом уже в середине XX в. данные ценности фиксируются как уходящее, ускользающее прошлое. Память об этом прошлом священна, она есть продолжение любви к Родине. Данный образ исторической правды сквозит во многих произведениях шестидесятников, например в стихотворении «У памятника» Леонида Мерзлика: «Прожелть ногтей и запястья. / Локти на скобленный стол. / Без никакого участия / Взгляд исподлобья, тяжел... / Встану к ограде я близко, / Кепку сниму. Тишина. / В центре села с обелиска / Светятся их имена» [3, с. 172]. Разрыв вышеописанных связей острее ощущается в

период перестройки, в том числе в последних стихотворениях Леонида Мерзликина: «Травинка моя всхожая, / Росинка моя, Русь, / Чего же я, чего же я / Никак не разберусь?/ И я живу затеями, / И я не без того. / Зачем мы просо сеяли / Чтоб вытоптать его?» [3, с. 101].

Ощущение распада в восприятии времени (его текучесть или точечность моментов, застревание в настоящем) и потери себя в пространстве (ты как бы здесь, но уже не принадлежишь этому пространству) четко прослеживается в творчестве современных алтайских поэтов Л. Мерзликина, В. Башунова, М. Юдалевича. Данные творения скорее отражают изменение восприятия себя и трансформацию смысла понятия Родина.

Тема Родины все чаще звучит на фоне повседневности, потока мыслей, эмоций, с отсылкой к некоторым историческим событиям или сравнения с иными географическими объектами, в том числе городами Европы или Азии. Это обрывки связей памяти, а не чувств, фантомы прошлого на фоне почти виртуального настоящего, в котором современный человек (поэт) как бы существует, не ощущая происходящее как значимое, важное, великое. Тема Родины также выглядит бледным призраком. «Барнео» – это еще не презрительное «Наша Рашка», но и не прекрасный образ родного дома.

Малопривлекательная жизнь на фоне тусклых улиц провинциального города – это иной образ, в котором иногда через самобичевание проскальзывают черты интеллигентности автора стихотворения. Новые тексты отражают специфические характеристики нашего времени, но в них нет вечных ценностей, идей, только чередование сгустков энергии, всплесков эмоций распадающегося тела цивилизованного человека. У потребителя, гедониста нет Родины. Это всего лишь лозунг, теряющий силу объект для манипуляций.

Библиографический список

1. Артамонова Т.А. Переход российской системы образования от идеалов просвещения к прагматизму и технократизму // Человек: границы бытия: материалы

международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 13–14 сентября 2018 г. / под науч. ред. С. А. Ан. Барнаул, 2018.

2. Каланчина И.Н. Влияние русской литературы на формирование евразийской идентичности// Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. Материалы IX Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 2018.

3. Мерзликин Л.С. Избранное: Стихотворения. Поэмы. Барнаул, 2005.

4. Башунов В.М. Избранное: Стихотворения. Этюды. Барнаул, 2005.

5. Юдалевич М.И. Золотая давность. Стихи о Барнауле // Барнаул. История культуры. Барнаул, 2000.

Е.В. Азиева

Этническое направление в дизайне костюма. Традиции и инновации

Этническое направление в последнее время является одним из самых востребованных в дизайне. В эпоху глобализации границы между странами и народами исчезают, и для дизайнеров источником вдохновения часто становятся традиции, история и национальные черты различных этносов [1].

Этнический стиль как направление в дизайне костюма зародился ещё в начале XX в. В 1910 г. в Париже был поставлен русский балет «Шехерезада» С.П. Дягилева. Эскизы к балету были выполнены Леоном Бакстом. Великий дизайнер П. Пуаре, вдохновлённый постановкой, создал коллекцию моделей «Казань» в восточном стиле [2].

Использование традиций декоративного оформления русского народного костюма отмечено в деятельности таких домов моды, как «Кристиан Диор», «Мадам Грэ», «Пьер Карден», «Нина Риччи», «Ив Сен Лоран» и др. Российский и советский модельер Н.П. Ламанова в создании коллекций 1930-х гг. использовала народные мотивы, как в формообразовании, так и в декоративном оформлении своих моделей. На протяжении многих лет российский кутюрье В. Зайцев пропагандирует

актуальность традиций русского национального костюма. Знаменитый российский дизайнер, основатель одноименного бренда Т. Парфёнова зачастую выбирает для своих коллекций лаконичные формы в сочетании с изысканным декором, вдохновляясь этническими мотивами.

Каждый дизайнер может найти индивидуальный подход при обращении к теме этники: с помощью прямого цитирования традиционных орнаментов, с помощью использования старинных технологий или обращения к аутентичным материалам. Но чаще всего этника в нашем сознании ассоциируется с декором и необычной фактурой, а также с рукотворностью. Инновация через актуализацию традиций является перспективным направлением современного моделирования одежды.

Дизайн представляет собой элемент развития культуры предшествующих эпох, поэтому сохранение традиций является необходимым условием гармоничного развития дизайна костюма. Его задача – сохранение и дальнейшее развитие этнической самобытности при взаимодействии с глобальной культурной средой. Костюм является одним из важных элементов традиционного образа жизни, в котором отражено мировосприятие, поэтому современные дизайнеры одежды стараются на новом уровне воссоздать национальные образы, соответствующие одновременно и традициям, и новому образу жизни современного человека.

К теме этники обращаются и начинающие дизайнеры. Проводятся многочисленные конкурсы среди студентов и выпускников дизайнерских школ, среди них: «Адмиралтейская игла», «Сибирская этника», «Русский Силуэт», «Губернский стиль», «Подиум» и др. Главная цель таких мероприятий состоит в поиске новых форм соединения традиционной культуры и современного искусства. Фестиваль «Сибирская этника» – пропаганда тех традиций, которые существуют в России. Главная задача, которая ставилась перед участниками, заключалась в использовании национальных традиций, как творческого источника при создании авторских коллекций.

Таким образом, можно выделить ряд значительных причин, которые заставляют обратить внимание на использование

народных традиций в развитии современного проектирования костюма:

- присутствие фольклорных направлений в трендах каждого сезона;
- экзотичность национального костюма;
- эксклюзивность ручной работы, традиционных рукоделий и технологических приёмов для поиска новых идей декора костюма;
- экологические тенденции в развитии общества, культуры и дизайна;
- интерес к вечным ценностям;
- обилие контактов, экологических, торговых и культурных связей между народами;
- возможность создания большого количества диффузных стилей, основанных на этническом направлении;
- притягательность многослойности и комплектности;
- развитие сценического костюма и традиционных видов искусства;
- развитие молодёжных субкультур, использующих для создания обязательного имиджа народный костюм;
- развитие современных форм трансляции культурной традиции.

Для определения вектора развития и возрождения традиций в современном дизайне костюма следует познакомиться с такими понятиями, как «транскультура» и «экология культуры». Оба понятия возникли на стыке XX и XXI вв., что свидетельствует о заинтересованности современного человека в сохранении культурного наследия и создании общества с мирным сосуществованием различных культур.

В отличие от «многокультурия», которое устанавливает ценностное равенство и самодостаточность различных культур, концепция транскультуры предполагает их открытость и взаимную вовлечённость. Здесь действует принцип не разделения, а влияния и наложения одной культуры на другую, проникновение символических значений одной культуры в поле других культур.

Наряду с этим понятием следует обратиться к понятию «экология культуры». Данное определение ввёл академик Д.С. Лихачёв. Экология культуры изучает культурную среду как необходимое условие для осуществления нравственной жизни человека, для его духовной оседлости, привязанности к родным местам [3].

В рамках дизайна костюма применение понятия «экология культуры» приводит к пониманию проблемы сохранения гуманистической функции костюма и следования традициям, альтернативы массовой культуре и самоидентификации человека.

Перед российскими дизайнерами стоит важная задача – найти адекватные современности формы функционирования национальных традиций народов России в соединении с традициями других стран, которые позволили бы российскому дизайну выйти на мировой уровень.

Костюм является крайне важным элементом традиционного образа жизни, в котором отражено мировосприятие этноса, поэтому современные дизайнеры стараются на новом уровне воссоздать национальные образы, соответствующие одновременно и традиции, и новому укладу жизни современного человека. Мы наблюдаем такую тенденцию и в творчестве модельеров (дизайнеров одежды) в Белоруссии, Казахстане, Киргизии, др. евразийских государствах.

Традиционный декор активно применяется в модных коллекциях, от распространённых до эксклюзивных техник, которые используются, как правило, для того, чтобы подчеркнуть уникальность работы. Перечислим основные традиционные виды декора одежды, которые используют современные дизайнеры: вышивка, аппликация, художественное ткачество, роспись ткани, набойка, батик, декупаж, лоскутное шитьё, валяние (фелтинг), тиснение, оригами, украшение одежды кружевом и др. В настоящее время востребованы и комбинированные техники, в особенности это относится к этническому стилю, для которого характерным является применение самых различных способов и видов декора, отделки и фактур.

Взаимодействие моды со смежными областями деятельности человека влечёт за собой технологические заимствования из других сфер и профессий, что рождает новые приёмы и технологии декорирования, так называемый *инновационный* декор. Можно наблюдать, как инновационный декор вновь смешивается с традиционными техниками, рождая ещё более новые приёмы декорирования. Модная инновация может быть осуществлена различными способами: посредством традиции, путём заимствования из других культур или других областей искусства, посредством изобретения «инновации», когда появляются подлинно новые элементы или новое комбинирование традиционных элементов.

На стыке научных изобретений и моды в наши дни образуется феномен, называемый «техномода». В стремлении удержать внимание потребителей модный бизнес интегрирует в себя новые технологии, материалы, формы и фактуры. Можно отметить наиболее перспективные инновации в области дизайна костюма: лазерная перфорация, термоаппликация, одежда со встроенными светодиодами; одежда из оптоволокна; вживлённые в одежду микрокапсулы; электрическая ткань; охлаждающаяся ткань; «жидкая ткань»; интерактивный текстиль; трансформирующаяся одежда; фотолюминесцентные нити со встроенными устройствами отслеживания взглядов; одежда с дымогенераторами. Ярким примером этого может служить использование в производстве одежды целого ряда новых, нетрадиционных для костюма, технологий. Появление «трёхмерных» материалов позволяет воплотить в жизнь самые дерзкие, даже футуристичные идеи дизайнеров [4].

Сегодня мы наблюдаем новый виток прогресса в технологических поисках структуры ткани, способах и приёмах её декорирования. Следует отметить, что инновационные технологии в работах современных дизайнеров часто идут рука об руку с традиционными техниками и приёмами декорирования.

В настоящее время очень востребованы комбинированные техники, в особенности это относится к этническому стилю, для которого характерным является применение самых различных способов и видов декора.

Одним из видов внедрения национальных традиций в современный костюм могут выступать авторские, эксклюзивные приёмы декорирования, что позволяет создавать уникальный дизайнерский продукт.

В настоящее время главная задача дизайнера заключается в том, чтобы совместить традицию и современность, поэтому вопрос использования национальных традиций в дизайне является исключительно актуальным.

Библиографический список

1. Муртазина С. А. Декоративное решение современных костюмов в этническом стиле с использованием полимерных материалов // Вестник Казанского технологического университета. 2013. №2.

2. Энциклопедия моды [Электронный ресурс]. URL: <https://wiki.wildberries.ru/category/styles>.

3. Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000.

4. Кумпан Е.В. Лазерная обработка полимерных материалов в декорировании одежды // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. №14.

О. В. Ефремова, А. О. Обухова

Концепция визуального образа в практике проектирования малоэтажных комплексов

На сегодняшний день на территории России все большую популярность на рынке недвижимости набирают малоэтажные жилые комплексы. Люди стремятся приобрести жилье в экологически чистых зонах, равняясь на обитателей европейских или американских мегаполисов, которые на протяжении многих лет стараются расположиться не в квартирах высоких многоэтажек, а в домах малоэтажной или коттеджной застройки. Вопрос о возможности в ближайшие годы тотально застроить территорию страны малоэтажными жилыми комплексами является наиболее актуальным как в строительной сфере, так и в области дизайна и архитектуры.

Однако в условиях нестабильной экономической ситуации в основном ведется однотипное многоэтажное строительство. Это происходит из-за ряда причин:

- 1) на застройку уходит наименьшее количество времени;
- 2) наиболее доступная стоимость жилья за счёт низкой себестоимости материалов и небольших затрат энергии и труда;
- 3) проектный срок эксплуатации 40-50 лет, в то время как реальный срок службы может быть в 1,5 раза больше проектного;
- 4) позволяет заселить огромное количество людей одним разом.

Отрицательные стороны данного вида жилья описываются многими экспертами в сфере архитектуры, дизайна, строительства, а также культурологами, психологами, социологами и др.

Данная тема затрагивалась еще в 1977 г. Кристофером Александером в работе «Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство», в которой был представлен радикально новый подход к архитектуре и строительству: «Высотные здания не имеют реальных преимуществ, за исключением спекулятивных прибылей, которые они приносят банкам и землевладельцам. Их строительство не обходится дешевле, они не помогают создавать открытое пространство, они уродуют городской ландшафт, разрушают общественную жизнь, способствуют росту преступности, затрудняют существование детей в городе, их дорого содержать, они уничтожают открытые пространства вокруг себя, загораживают свет, небо и уменьшают обзор. Но кроме всех этих доказательств неразумности их возведения существуют фактические доказательства того, что они на самом деле могут нанести вред человеческому разуму и чувствам» [1].

Как известно, пространство существует, чтобы жить в нём. Жилые объекты являются застывшими архитектурными и дизайнерскими идеями. Одни из них «обладают жизнотворной силой, другие, особенно если достаточно велики, угрожают, господствуют, крадут солнечный свет огромностью своей тени или обманывают нашу способность ориентироваться своими отражениями» [2].

Так, доцент Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, кандидат архитектуры Виталий Стадников считает, что «нужно срочно менять нынешний вектор строительства в российских городах с массового типового жилья экономкласса на более сбалансированный тип застройки, ориентированный на повышение качества городской среды. Застройка должна быть разнообразной: индивидуальная, таунхаусы, малоэтажные дома. Строительство многоэтажных домов тоже может продолжаться, но не должно доминировать» [3].

Мировой опыт архитектуры и строительства подтверждает данную тенденцию. Это жилые комплексы «La Caporée» во Франции, «CityLife Hadid Residences» в Италии (Милан). В Британии изначально не застраивали территорию высотным жильем, несмотря на то, что эта страна не богата земельными ресурсами. Германия, Нидерланды, Швеция – все эти страны постепенно отказываются от многоэтажного строительства.

Россия в настоящее время также демонстрирует активность в строительстве малоэтажных жилых комплексов. За последние 3 года доля малоэтажного и индивидуального жилья в Ленинградской области заметно выросла. Так, в 2019 г. в регионе ввели в эксплуатацию 2,9 млн кв.м жилья, из которых 1,4 млн кв.м пришлось на малоэтажные проекты и индивидуальное домостроение (ИЖС) [4].

Строительство данных комплексов даёт возможность учесть самые важные аспекты проектирования, такие как выбор участка, наличие инфраструктуры, отдельное пространство для времяпровождения, грамотное благоустройство территории, а главное, возможность воплотить самые оригинальные архитектурные и дизайнерские идеи.

Однако на сегодняшний день ситуация такова, что при проектировании зданий и жилого комплекса в целом не уделяют внимания эстетической составляющей проекта, т.е. их визуальный образ отражается достаточно условно. Образ подменяется обликом. «Дома сегодня строят как отдельные частички. Город, выражаясь метафорически, похож на битое стекло» [5]. Данная характеристика характерна и для отдельных жилых комплексов, например, в Санкт-Петербурге и

Ленинградской области: ЖК «Мандарин», ЖК «Ассорти», ЖК «Цветы», ЖК «Апрель» и мн. др.

В ЖК «Цветы» спроектирована развитая инфраструктура: детские поликлиники, рестораны, кафе, разнообразные спортивные сооружения. Функционально-утилитарный вопрос реализован. Но художественно-образный аспект, зафиксированный в названии «Цветы», отсылает к баннерам с изображением цветов на фасадах. Без них это все те же «коробки».

ЖК «Мандарин» имеет интересное расположение в поселке Низино, в окрестностях Петергофа. В пешей доступности памятники архитектуры, музей-заповедник «Петергоф», Луговой парк, Старопетергофский канал и другие составляющие дворцово-паркового ансамбля. Но архитектура жилых зданий всё так же подчинена «диктатуре прямого угла» и кроме оранжевого цвета на фасадах не отражает ни названия комплекса «Мандарин», ни архитектурную специфику места с исторической застройкой.

Аналогичная ситуация наблюдается с ЖК «Апрель», расположенным в поселке Аннино Ломоносовского района. Архитектура комплекса – это комбинаторика из прямоугольников, т. е. «коробок».

Как известно, «архитектура занимается порождением квалифицированных пространств, то есть заведомо наделённых определённым культурно-адекватным качеством. Эти качества традиционно реализуются в типологии, параметрах и форме (оформленности) пространства, предполагающих соответствие тем или иным установлениям, конвенциям (“красота”) и ритуалам (“польза”))» [6]. В рассмотренных жилых комплексах специфика их художественно-пространственной организации, уникальность визуального образа подчинены рационалистической целесообразности и конструктивной логике, основанной, прежде всего, на функционально-утилитарной целесообразности, т.е. на «пользе». Элементы, отражающие визуальную концепцию, вводятся в архитектурную композицию жилых комплексов на правах одного из средств и занимают только подчинённое положение. «Красота»

(концепция визуального образа) отражена в архитектуре условно.

Таким образом, жилые комплексы, где существуют разные по функциональной значимости и по архитектурному исполнению постройки – аптеки, музеи, больницы, офисы, магазины, автобусные остановки и пр. – не являются гомогенным отражением визуальной идеи.

Определение архитектуры как искусства организации пространства для жизни в значительно большей степени, чем любой другой вид искусства, не может быть негативным. Для того, чтобы перешагнуть порог одной материальной пользы и биологической поддержки, нам «необходимо переплетающееся собеседование между идеей и материалом, которое может существовать исключительно в сфере художественного» [2], писал Кристофер Дэй. Это означает, что человек должен получать физическое, психологическое и эстетическое удовольствие от пребывания в данном пространстве. Данный аспект особенно актуален в отношении жилого пространства.

Ярким примером является ЖК «Прибрежный квартал», который расположен рядом с побережьем Финского залива, в окружении леса на окраине Лисьего Носа – муниципального образования в составе Приморского района Санкт-Петербурга. Географическая особенность оказала влияние на художественно-образное решение жилого комплекса.

Проект отражает концепцию нового урбанизма, где жильё остаётся частью мегаполиса, но при этом непременно малоэтажным и уютным, где соседи не просто живут на одной территории, но и знают друг друга, дружат, вместе создают среду вокруг. Квартал построен с учётом того, что «прямоугольные формы слабо соответствуют формам, движениям, потребностям в чувстве защищённости, да и самому характеру мышления человеческого существа» [2]. Жилые здания являются отражением органического стиля. Это дома, напоминающие форму грибов: белый гриб, красный, лисичка, чага; здесь есть даже и «дома-норы». Есть и традиционные (прямоугольные) постройки, но все они объединены общей идеей.

Интересное визуальное решение имеет ЖК «Duderhof Club», расположенный на берегу Дудергофского канала, в Красносельском районе г. Санкт-Петербурга. Пользуясь обилием зелёных природных зон, архитекторы отделили территорию жилого комплекса эффектными ландшафтными и дизайнерскими объектами. Жилые корпуса располагаются на нескольких уровнях и органично вписаны в естественный природный массив. Из каждой квартиры доступны прекрасные виды из окон, с балконов и террас. Спроектированы удобные подходы к набережным каналам и Финского залива. Развитая социальная и торговая инфраструктура, охраняемая закрытая территория, удобные выезды из города обеспечат жителям «Дудергоф Клаб» комфорт и безопасность.

География места также определила концепцию визуального образа нового жилого комплекса, который будет располагаться на ровном участке земли, на месте Шкиперского протока, вдоль Шкиперского канала в Санкт-Петербурге. Данный участок в плане имеет сложную геометрическую форму, пересеченную каналами. Общая площадь составляет 12 га. Самая длинная сторона участка находится с восточной стороны, её размер составляет 460 м. С западной стороны находится небольшой массив деревьев, продолжающийся до южной стороны, где располагается Финский залив. Особенность участка подсказала идею проектного решения, которое заключается в создании обособленного района, «островка Скандинавии» со своим микро- и макромиром для человека.

Пространственно-планировочное решение комплекса предполагает фронтальную застройку, где центральная часть – это сложное парковое пространство, занимающее 1/3 территории, напоминающее живую клетку, созданную с помощью проведения водной линии, обрамлённой дорожками и геопластикой рельефа. Данный приём позволяет объединить вокруг себя жилую застройку с обеих частей, максимально озеленить район и сформировать уникальную среду для пребывания.

Дизайну жилых зданий присуща простота, рациональность и демократичность, как в пространственно-планировочном, так и в художественно-образном решении. Это здания от двух до

четырёх этажей с мансардными этажами и скатными крышами. Дома предполагают наличие большого остекления, обилия окон, за счёт которых естественный свет проникает в жилища, и в пасмурные дни внутри дома так же светло и уютно.

Планировка дома – это жилые ячейки секционного типа, замкнутые с трёх сторон и четвёртой обращённые в парк, разделённые парковочными местами и проездами. При сооружении здания, в отделке фасадов и в малой архитектуре предпочтение отдается экологичным и натуральным материалам, в частности, дереву, камню. В дизайн-проекте данного комплекса все его элементы, т.е. цвет, фактура, форма плоскостей и пространства, объекты архитектуры и декоративного оформления и т.д., выступают как единое целое и подчиняются общему замыслу. В проекте художественно-образная идея определила пространственно-планировочную композицию комплекса, архитектуру и дизайн зданий в целом.

Можно заключить, что жилые комплексы средней и малой этажности являются самыми оптимальными видами жилья. Именно в архитектуре и дизайне данных комплексов можно реализовывать идею «осуществления места» [7], которая отражается в:

1) *экологичности*. Чаще всего малоэтажная застройка располагается неподалеку от лесных массивов или рек, озёр. Так, появляется возможность наслаждаться чистым воздухом, отсутствием загазованности, прогулками по парку и занятием спортом на свежем воздухе;

2) *инфраструктуре*. Так как жителей становится меньше, исчезает проблема парковочных мест. Некоторые застройщики проектируют участок сразу с набором всех необходимых услуг, таких как детские сады, поликлиники, магазины и прочий набор всего самого необходимого;

3) *создание своей «экосистемы»;*

4) *возможности наличия собственного участка земли рядом с домом;*

5) *камерности*. От суеты мегаполиса, приходя домой, хочется чувствовать себя в спокойствии и безопасности. Уютные малоэтажные проекты способны обеспечить нужный уровень комфорта и уединения;

6) с точки зрения психологии, невысокие дома способствуют *большему расслаблению*, так как вокруг все знакомые люди, как следствие, банально не страшно оставить вещи у подъезда, отпустить ребенка погулять во дворе;

7) *необычности и оригинальности*. В малоэтажных домах проще найти квартиры с интересными параметрами. Например, мансардные этажи, просторные балконы и так далее;

8) открывается больше возможностей для дизайнера создать *неповторимый художественно-эстетический образ*.

Итак, в практике проектирования жилых комплексов концепция визуального образа должна быть определяющей и базироваться не столько на приёмах комбинаторики, определяемых идеями функционально-утилитарной необходимости, сколько на содержательной идее, основанной на традиции стиля, который послужил прототипом, определяющим общий художественный настрой и чёткую концепцию дизайна. Жилая среда превращается в «пространство значений», в котором ярко выразилось единство функционального, конструктивного и художественного начал [7], т.е. «красоты» и «пользы».

Библиографический список

1. Александр К. Язык шаблонов: Города, Здания, Строительство. М., 2014.

2. Дэй К. Места, где обитает душа. Архитектура и среда как лечебное средство М., 2000.

3. Страх и ненависть спальных районов. Почему типовая застройка спальных районов Российских городов превращается в гетто [Электронный ресурс]. URL: lenta.ru/articles/2016/05/20/sleep_district/

4. Круглый стол. Жилье соразмерное человеку. Фонтанка.ру Санкт-Петербург онлайн. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fontanka.ru/longreads/69037096/>

5. Кутловская Е. Независимая газета. Сельская школа и другие мечты архитектора. Евгений Асс о здании СЭВ, Мавзолее и невротиках. Проекты, постройки и художественные

работы Евгения Асса. [Электронный ресурс] URL: <http://www.asse.ru>.

6. Асс Е. После пространства. Фрагменты протоколов архитектурных испытаний // Художественный журнал. 1999. № 13.

7. Ефремова О.В. Дизайн отечественного жилого интерьера 1990-2010 гг. СПб., 2017.

Ф.В. Емельянов

Проблематика организации среды малых городов

Занимаясь проектированием со студентами (это равно касается всех направлений дизайна), мы часто обращаем их внимание на необходимость учитывать контекст при выработке тех или иных решений. Это кажется вполне очевидным и понятным. Однако в реальности даже определение контекста оказывается проблематичным. Это связано не только с общими для многих студентов проблемами при анализе ситуации, но также и с тем, что во многих случаях сам контекст не является той данностью, той средой, с которой необходимо взаимодействовать.

В своё время Дитер Рамс сформулировал «10 правил (или принципов) хорошего дизайна», в числе которых есть один пункт, который, скорее всего, традиционно неверно понимается. Речь идёт о том, что «хороший дизайн не конфликтует со средой и является экологически чистым» [1]. Или часто, просто – «хороший дизайн экологичен». Рамс известен тем, что выступал за сохранение природы, в оригинальном тексте этот пункт звучит как «good design is environmentally friendly». Так как словосочетание «environmentally friendly» построено на идиоматической структуре, то можно сказать, что дословно речь идёт о позитивном взаимодействии с окружением. Окружающая среда в данном случае – это не некая абстрактная «экология», «природа», а вполне конкретная, осязаемая среда, в которой находится и живёт человек. Вполне понятно, что хорошо спроектированная вещь должна быть адекватна обстановке, в которой она используется.

Среда обитания современного человека – это искусственная среда. Любой населенный пункт или отдельный объект следует рассматривать как уже не часть природы, но часть искусственного пространства, подчинённого человеку, имеющего в своей основе изначально заложенные функции.

Тот контекст, о котором говорилось раньше, обычно представляет собой сочетание исторических, культурных, коммуникативных, бытовых и социальных компонентов функции среды, а в более широком смысле – это и есть та самая среда обитания, «*enviroment*», о которой говорил Рамс. Она в частном, конкретном случае может быть представлена отдельным локальным пространством или объектом, а может и пространством целого населённого пункта или региона.

Обратить внимание на общие проблемы в организации среды «малых городов» пришлось в процессе совместной со студентами работы над проектом для управления по благоустройству администрации Сертолово, небольшого городка в пяти минутах езды от Петербурга.

Со времён Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Лескова и других наших писателей мало что изменилось в сути происходящего в этих маленьких поселениях. Как правило, везде есть своё болото или овраг, или пустошь, занимающая огромное зияющее пространство фактически прямо в самом центре. Подобные же места есть, конечно, и в крупных городах, но по масштабу, в соотношении с размерами поселений, эти невнятные, обходимые всеми стороной пространства вызывают искреннее удивление. Почему получается так, что какая-то часть городского пространства просто теряется, никогда не развивается, но, вызывая даже бесконечные дебаты, остаётся в неприкосновенности?

В 2016 г. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам был запущен проект «Формирование комфортной городской среды» [2]. Срок реализации этого проекта – до февраля-мая 2021 г. В документе (протокол Президиума от 18 апреля 2017 г. №5) речь идёт о «благоустройстве», о том, что на основе фактически реализованных проектов по благоустройству будет сформирован федеральный реестр лучших практик, например, в номинациях «Центральный парк»,

«Набережная», «Главная торговая улица», в который войдут не менее 400 проектов.

Вот и ответ на вопрос. Под «комфортной средой» понимается «благоустройство». Но «среда» и «благоустройство» – это не одно и то же. Главный архитектор Барселоны Висенте Гуайяр в личной беседе, рассказал о том, как они оживляли неблагополучные районы, как искали новые функции, содержание для разрушенных и заброшенных объектов и пространств. На протяжении многих лет целенаправленно и продуманно выстраивалась стратегия развития, как отдельных районов, так и города в целом. Гуайяр вместе с участниками «Института передовой архитектуры Каталонии» (IAAC) экспериментирует с «самодостаточными» (self-sufficient) поселениями, на примере собственной деревни вырабатывая концепции интеграции различных ресурсов, минимизации зависимости от внешних источников. Гуайяр, конечно, прежде всего, имеет опыт взаимодействия с каталонской действительностью, но к нашей ситуации применимо и следующее: «Успех города складывается из нескольких компонентов. Один из них – очень прозрачное сотрудничество между политиками и гражданским обществом. Другой – сотрудничество между частным сектором и общественными пространствами. И, конечно, твёрдое, уверенное развитие на протяжении долгого времени. <...> мы работали над этим последние 25 лет. А когда постоянно меняешь направление развития города, он становится похож на коллаж» [3].

Желание «приоритетными проектами», администрированием, «благоустройством» создать «комфортную среду» обязательно завершится, в лучшем случае, ничем. В худшем случае – тем, чем это оборачивается в реальности окончательным уничтожением живой основы среды обитания, искажением её функций и подменой её бессистемным, бессмысленным набором «образцовых» проектов. Общая проблема в организации среды «малых городов» – непонимание, что делать для чего, и, главное, для кого.

Многие населенные пункты потеряли смысл своего существования. «Благоустройство» в этой ситуации напоминает ритуальный макияж.

Сложно себе представить, что на всем колоссальном пространстве нашей страны населённые пункты возникали просто так – без какой бы то ни было причины, что все они сами по себе, изолированно друг от друга существовали и продолжают существовать, что в них никогда не было смысла.

Сетование на то, что молодёжь покидает маленькие поселения, есть реакция на уже свершившийся факт деструкции. В определённые периоды российской истории, действительно, волюнтаристски возникали населённые пункты, но какими бы утопическими ни были цели, все эти города и поселки создавались вполне в рамках концепции «самодостаточности», даже так называемые моногорода или индустриальные поселения. В рамках единой социально-экономической парадигмы все они имели источники и, главное, стимулы к развитию и существованию. Нет надобности подробно на этом останавливаться, но можно отметить, что вся система взаимоотношений как внутри «малых городов», так и между ними строилась как раз на подчинении конкретным задачам, на реализации определенных функций.

Таким образом, вполне можно утрату функции (смысла) рассматривать как главную проблему при организации среды. В ситуации, когда утраченный смысл невозможно вернуть, а новых функций нет, никакая проектная работа не даст приемлемого результата.

Следующим пунктом можно считать потерю взаимосвязи с историческим и культурным контекстом. В этом смысле, положения «приоритетного проекта» не только бесполезны, но и вредны для судьбы «малых городов». Искусственное насаждение объектов «комфортной среды» приводит только к обезличиванию и примитивизации. Кроме того, появление объектов «как в столице» не создаёт комфортной среды, но увеличивает количество потенциальных коррупционных элементов. Особенно это заметно при строительстве торгово-развлекательных центров. Более того, часто это выглядит просто смешно и нелепо.

Ещё одним важным моментом является игнорирование собственного опыта. Общая тенденция заимствования, конечно, отчасти объяснима и, вероятно, порождена практикой

«аналогового проектирования», но такая тенденция тоже кажется бесперспективной. При отсутствии смысла, вне исторического и культурного контекста заимствования только окончательно дезориентируют и разрывают взаимодействие жителей и среды.

Все остальные проблемы решаются сами собой после чёткого определения функциональных основ среды, восстановления преемственности в развитии традиционных приёмов организации пространства и ревизии собственного исторического и культурного опыта. Другими словами, необходимо сначала проектировать, создавать среду, контекст, с которым можно было бы и хотелось в дальнейшем работать. И только потом заниматься «благоустройством». И здесь нелишним было бы вспомнить ещё один пункт от Дитера Рамса: «Хороший дизайн – как можно меньше дизайна».

Библиографический список

1. The Design Museum. «What is “Good” design? A quick look at Dieter Rams' Ten principles» [Электронный ресурс] URL: <https://designmuseum.org/discover-design/all-stories/what-is-good-design-a-quick-look-at-dieter-rams-ten-principles>

2. Правительство России. Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/JEnYAAfDkMAyyIAjsAxDzkkXGPuaEJSu.pdf>

3. The Village. Владислав Моисеев. Главный архитектор Барселоны о том, как сделать мегаполис успешным [Электронный ресурс] URL: <https://www.the-village.ru/village/city/direct-speech/218961-guallart>

М.В. Николаева

Современное городское пространство: опыт и тенденции исследования южно-российских городов

Статья описывает исследование городского пространства в контексте выбранных автором компонентов: городского

саундскейпа и доминирующей цветовой колористики. В центре внимания оказываются объекты городского пространства, выделяющиеся учеными – урбанистами, авторами учебных программ по социологии города, образа города и социальной политикой, действующий в зависимости от региона. Актуализируются проблема исследования города, как сетевого распространения различных культурных, социальных, экономических, политических практик при помощи гибридных методов исследований, включающих анализ ментальных карт и анализ визуальных репрезентаций социальных объектов.

Классическая социология наряду с современной теоретико-методологической основой исследования сформулировала потребность в изучении новых практик социальной политики в городском пространстве. Можно ли при помощи гибридных методов исследования изучить компоненты городского пространства, отражающие социальную политику и восприятие города молодежью?

Анализ ментальных карт позволяет изучить ментальные и когнитивные представления студента о визуальном образе города. Автором данного метода является С. Милграм. Его предположения помогают рассматривать и анализировать маршруты передвижения и наиболее значимые объекты, расположенные по ходу движения в наиболее посещаемых местах. Ментальные карты доказывают, что географическое пространство и его репрезентация в сознании каждого студента – это разные представления и реальности, обеспечивающие процесс восприятия городского пространства.

Исследования городского пространства, городской политики, как части жизнедеятельности людей, отражающих их интересы, досуг и времяпрепровождение находят свое отражение в работах Р.Линда, Х.Линд, выявивших, каким образом складывается жизнь в пределах города, кто распределяет ресурсы посредством политического влияния на жителей, как осуществляется непосредственное руководство, исходя из политической структуры города. Работы У. Уорнера отражают взаимосвязь между городскими бизнес-структурами и существованием общественно значимых объектов, позволяющих людям чувствовать себя защищенно и комфортно.

А. Холлинсхед проводит прямую параллель между проводимой властью политикой и участием граждан в общественно-политических делах города.

Аудиальный ландшафт г. Краснодара

Город – это контейнер различных звуков и голосов, это самобытное и идентичное пространство, которое наполнено характером жителей, их культурой, наполнено запахом ценностей, которыми жители питаются и взращивают в своих детях и подрастающем поколении. Термин «саундскейп» принадлежит канадскому музыканту Реймонду Мюррею Шаферу, который считает, что именно в звуке отражается городская идентичность. «Звуковой ландшафт» города является объектом исследования, звучание города, его аудиальный ландшафт, колоссальным образом влияет на восприятие города, как его жителями, так и туристами из других городов.

Исследование города Краснодара на предмет звукового саундскейпа в очередной раз доказало нам отличие данного города своим многообразием и локальным разнообразием звуков, исходящих как от больших и значимых сооружений, так и от уличных предметов и вещей, которые дополняют эту современную парадигму звукового отражения жизни краснодарцев. Анализ ментальных карт, посвященных аудиальному компоненту, представляет совокупность городских объектов, которые влияют на жизнь всех жителей города, а также конструируют и выстраивают образное восприятие города. Он может отражать ряд различных выводов и представлений, которые составляют не только визуальное отражение облика города, но и культурные смыслы, основную социально-экономическую деятельность горожан, способы организации досуга и развлечений.

По праву, Краснодар является спортивным городом, и не только потому, что в 2014 г. в г. Сочи проходила Зимняя Олимпиада, которая послужила мощным толчком в развитии многих видов спорта. Сам город активно откликается на звуки спортивных мероприятий, делясь при этом на две группы – спортсменов и болельщиков. «Вперед, быки!» – самая известная кричалка, которую слышно в городе во время футбольного матча.

Рис. 1. «Завод имени Седина и ЦКЗ»

Рис. 2. «Улица Красная»

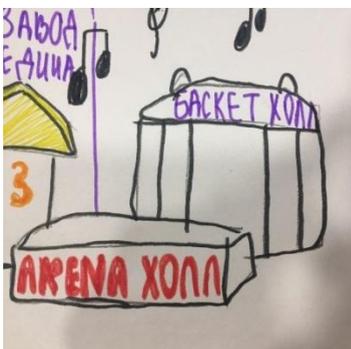

Рис. 3. «Арена Холл и Баскет Холл»

Рис.4. «Стадион ФК
Краснодар»

Рис. 5 «Цветовая колористика г. Краснодара»

Таким образом, мы можем охарактеризовать городской саундскейп Краснодара, выделив в нем следующие особенности:

1. Звуки, которые издает город, как отражение культурно-исторического наследия Кубани в целом, представленного Кубанским казачьим хором, Центральным Концертным залом, а также заводами, представленными на рисунках – Завод имени Седина.

2. Важным и центральным компонентом, выявленным нами при анализе ментальных карт, оказалась спортивная составляющая города. Об этом свидетельствуют представленные городские объекты, показанные на рисунках 3 и 4.

Доминирующая колористика г. Краснодара

Цветовые символы создают новый тип культуры и социальной коммуникации. Новые постройки, архитектура и дизайн – это вызовы, которые бросает общество, для решения многих социальных проблем, таких как перенаселение отдельных районов города, пробки, недоступность социальных учреждений, желание изменить что-либо вокруг себя, «отредактировать» город. Цветовая гамма города Краснодара отличается своим неповторимым разнообразием. Исследуя ментальные карты, нарисованные студентами, мы попытались проинтерпретировать моменты, которые повторялись у большей части опрошенных. Значительное внимание было уделено наиболее ярким и выделенным цветовым единицам, что позволило определить, какие объекты отражают городскую ткань Краснодара.

Изучая эволюцию исследований, связанных с городами и их общественным пространством, мы можем сделать вывод о том, что город является площадкой для реализации идей, проектов и инициативных начинаний. Он отражает культурный код его жителей и гостей. Исследуя город, можно затронуть многие неизменные области, которые дадут ответы на вопросы, интересующие социологов, филологов, урбанистов, а также и политологов, так как город – это среда, в которой развиваются все процессы жизнедеятельности человека.

Библиографический список

1. Hollingshead A.B. Elmtowns Youth, the Impact of Social Classes on Adolescents. N.Y.:
2. Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown. N.Y.: Harcourt, Brace, and World, 1929.
3. Warner W.L. Democracy in Jonesville. N.Y.: Harper, 1949.
4. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000.

Е.А. Мушникова

Очирын Мягмар – монгольский живописец и художник кино

Очирын Мягмар (1930-2009) – монгольский живописец, художник кино, своими многочисленными работами внесший большой вклад в развитие этого жанра искусства. Творчество художника малоизвестно в России, меж тем в его искусстве органично сплавляются черты как национального монгольского, так и русского искусства, что является интересным с точки зрения вопросов культурного обмена в регионе Большой Алтай. Рассматриваемые в статье произведения живописца хранятся в Государственном художественном музее Алтайского края (ГХМАК). Рассмотрение этих работ в рамках экскурсионно-познавательных маршрутов является перспективным для развития регионального и межрегионального туризма.

Очирын Мягмар родился 15 августа 1930 г. в Баяндунском суме Дорнодского аймака, в 1939–1945 гг. учился в средней школе, с 1945 по 1948 гг. – в художественном училище в городе Улан-Баторе. Его учителями были такие известные монгольские художники как: Очирын Цэвэгжав – народный художник МНР, стоявший у истоков создания союза ремесленников Монголии; Лувсаншаравын Намхайцэрэн – народный художник МНР, основатель и первый художник Государственного музыкально-драматического театра Монголии; Додийн Чойдог – народный художник МНР, прошедший обучение в институте им. Сурикова в Москве. О. Цэвэгжав и Д. Чойдог являлись также учениками

художественной студии русского художника К.И. Померанцева, который с 1926 по 1939 г. работал в Монголии и явился для монгольских художников своеобразным проводником традиций русского и европейского искусства. Период обучения О. Мягмара – это было время, когда в монгольском искусстве заметно расширяется тематика картин, монгольская национальная живопись обогащается европейскими приемами письма, создаются первые работы в технике масляной живописи (художники Г. Одон, Д. Чойдог, О. Цэвэгжав, Н. Цултэм и др.), что, несомненно, влияет и на творчество О. Мягмара.

После окончания художественного училища в 1948 г. О. Мягмар работал на кафедре изобразительных искусств. В 1956 г., вместе с художником Пурэв Цогзоллом, поступил во Всесоюзный государственный институт кинематографии в Москве, который успешно окончил в 1961 г.

Учителями во ВГИКе в то время были Б.В. Дубровский-Эшке, Ф.С. Богородский, Ю.И. Пименов, В.И. Саушин, С.М. Каманин, М.А. Богданов, Г.М. Мясников. Очирын Мягмар окончил мастерскую Б.В. Дубровского-Эшке (1897-1963) – художника кино, заслуженного деятеля искусств РСФСР, при участии которого в 1929 г. было создано киноотделение по подготовке художников кино, а с 1938 г. он работал во ВГИКе. Б.В. Дубровский-Эшке активно занимался научно-исследовательской работой в области кинодекорационной техники. В его рукописях, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства, мы можем проследить тематику этих исследований: «Основы кинодекорационной технологии» (1948 – 1950), «Разработка усовершенствованных методов и средств сооружения и отделки кинодекораций» (1951), «Методы разработки, сооружения и съемки декораций для стереоскопических фильмов» (1952); «Изобразительно-декорационное оформление фильма» – в соавт. с М. А. Богдановым, С. В. Козловским, М. И. Семеновым, Г. А. Мясниковым и др. – учебник (1950-е); выступления и доклады о профессиональной подготовке кинохудожников (1955 – 1960) [1]. Главная художественная задача, которую он ставил перед студентами, – это образное воплощение ведущей темы спектакля, кинофильма.

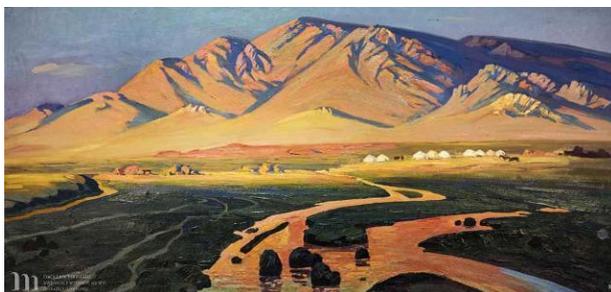
По возвращении в Монголию О. Мягмар с 1961 по 1996 гг. работал художником на Монголкино. Освоив уникальные техники кинопроизводства, новые для Монголии того времени, художник смог применить их в своей работе. При его участии и помощи приглашенного специалиста из СССР И.М. Крыловича, впервые в истории «Монголкино», было внедрено так называемое фундусное производство декораций – это декорации из сборно-разборных объёмных элементов, которые могли многократно использоваться, тем самым ускорялась их постройка и применение [2].

О. Мягмар являлся художником более 30 фильмов. Такие работы как «Өглөө» («Утро», 1968), «Тэмцэл» («Борьба», 1971), «Ичээнд нь» («В спячке», 1972), «Дайсны цэргүүдээ сонсоцгоо» («Слушайте на той стороне», 1971), «Их замын эхэнд» («В начале шоссе», 1978), «Говь хянганд тулалдсан нь» («Через Гоби и Хинган», 1981), «Алтан шонхор» («Золотой сокол», 1989) были высоко оценены профессионалами [3]. Два фильма на военную тематику: «Дайсны цэргүүдээ сонсоцгоо» («Слушайте на той стороне», 1971), «Говь хянганд тулалдсан нь» («Через Гоби и Хинган», 1981), были выпущены совместно с Мосфильмом. Фильм «Говь хянганд тулалдсан нь» («Через Гоби и Хинган», 1981), в 1982 году удостоился особых премий и наград: приз Всесоюзного кинофестиваля «За создание фильма, посвященного совместной борьбе советского и монгольского народов против сил империализма», приз министерства обороны СССР, Государственная премия МНР [4].

По высказыванию монгольского кинокритика, исследователя Дуинхора Мягмарсурена: «Созданные художником фильмы были очень разными с точки зрения тем, среды и идей, но О. Мягмар адаптировал визуальный язык фильмов к пониманию, значению и жизненной среде каждого фильма. Его интеллект, талант и умение изобразить сущность его работы, были высоко оценены как зрителями, так и исследователями... Художник О. Мягмар был уникальным художником, который внес ценный вклад в монгольское кино своими многочисленными работами» [3].

О. Мягмар. Побережье озера Даян. 1987. Холст, масло. 95x145
(ГХМАК).

О. Мягмар. Горы Сергаль Хайрхан. 1987. Холст, масло. 120x80
(ГХМАК).

О. Мягмар. На полях колхоза им.
Шумакова. 1984 г. Холст, масло
(ГХМАК).

О. Мягмар. Портрет алтайки.
1984 г. Холст, масло. 80x60
(ГХМАК).

О. Мягмар был не только талантливым художником, но и хорошим педагогом. С 1997 г. он преподавал в Институте кинематографии им. Д. Жигжида в г. Улан-Баторе, занимался подготовкой будущих режиссеров.

Кроме этого, он создавал и живописные произведения, работал в жанре пейзажа, портрета, тематической картины. В фондах ГХМАК хранятся четыре работы Очирына Мягмара. Две работы – это пейзажи, созданные в Монголии: «Побережье озера Даян» (1987), «Горы Сергаль Хайрхан» (1987).

Два произведения были написаны художником в творческой российско-монгольской поездке по Алтаю (1983 г.), это: «На полях колхоза им. Шумакова» (1984), «Портрет алтайки» (1984).

Анализируя художественно-выразительные средства произведений О. Мягмара из коллекции ГХМАК, мы можем отметить в его работах органичное сочетание черт монгольской плоскостной живописи «монгол зураг», которые выражаются в локальности цвета, его декоративности, графичности рисунка, и традиций русской, европейской живописи – это применения перспективы, светотеневая моделировка. Наиболее отчетливо это прослеживается в картине «На полях колхоза им. Шумакова» (1984). О. Мягмар изображает день уборки урожая. Композиция написана с высокой точки зрения, как будто с высоты птичьего полета, что дает возможность разместить на плоскости несколько сюжетов и тем самым передать масштаб происходящей работы. Такое построение пространства – характерная черта монгольской живописи. В статье Т.В. Иккерт эту особенность объясняет монгольский художник и этнограф А. Баасанхуу: «это обусловлено особенностью мышления, широкомысленя. То, что монгольский человек всегда поднимается вверх связано со скотоводством, он привык смотреть за скотом, где чей скот, выполнять роль сторожа территории». Таким образом, и перспективу «можно представить в виде полета птицы, поэтому в одном пространстве картины можно изображать много предметов, в монгольском рисунке отсутствует главная роль» [5, с. 26]. Художник уделяет равное внимание всем деталям в картине, подробно их прописывает и ритмично располагает: четко выстроены стога сена, расчерченные как по линейке поля,

ритмично выстроенные деревья, – все детали подробно изображены. Такая скрупулезная детализация художественного языка свидетельствует о приверженности традиционно монгольской живописи. Несколько стилизованно изображены облака, они четко очерчены и напоминают декоративные завитки монгольских узоров, что повторяется и в изображении деревьев на первом плане. Вместе с тем, композиция выстроена с помощью линейной перспективы, в ней присутствует пространственная глубина и светотеневая моделировка предметов, что присуще русской и европейской манере письма.

Две другие работы О. Мягмара – это пейзажи, запечатлевающие образ родины художника: «Озеро Даян» (1987) и «Горы Сергаль Хайран» (1987). На картинах мы видим характерные для монгольского пейзажа образы: горы, реки, озера, юрты, лошадей. Вообще культ неба, гор, водных источников, деревьев – это ключевые элементы картины мира монголов. Обе композиции, как и ранее рассматриваемая, даны с высокой точки зрения, что создает ощущение широты и величия изображаемого. Колорит работ яркий, звучный, что тоже является характерной особенностью монгольской живописи.

Таким образом, даже обзорный анализ произведений Очирына Мягмара из собрания ГХМАК позволяет сделать вывод о том, что О. Мягмар является одним из монгольских художников, органично сочетающих в своем живописном творчестве традиции русского и монгольского национального искусства. Введение произведений художника в культурный и научный оборот способствует не только лучшему пониманию творчества художника, но и более полной оценке культурно-исторического наследия в искусстве Монголии и Сибири.

Библиографический список

1. РГАЛИ ф. 2605 Дубровский-Эшке Борис Владимирович (1897–1963) – художник кино. Оп. 1. 1825-1963 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgali.ru/obj/10466355>
2. Урлагийн Гавъяат Зүтгэлтэн Очирын Мягмар. [Электронный ресурс]. URL: <http://mongol-kino.mn/uranbuteelchid/>

%D0%BE%D1%87%D0%B8%D1%80%D1%8B%D0%BD-
%D0%BC%D1%8F%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D1%80

3. Дүйнхорын Мягмарсүрэн. Зураач О. Мягмарын хувь тавилан // Монголын мэдээ. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mn/r/709254/>

4. Энциклопедия отечественного кино. Через Гоби и Хинган. [Электронный ресурс]. URL: http://web.archive.org/web/20170911103251/http://2011.russiancinema.ru/index.php?e_dept_id=2&e_movie_id=7205

5. Иккерт Т.В. Типы пространственных построений в монгольской живописи // Искусство Сибири и Дальнего Востока: наследие, современность, перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Барнаул, 2015.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Алтайского края в рамках научного проекта 19-412-220003 р_а

НАШИ АВТОРЫ

Азиева Елена Владимировна, АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», доцент кафедры дизайна и декоративно-прикладного искусства Невского института дизайна, член Союза дизайнеров РФ (Санкт-Петербург). mus931@inbox.ru.

Артамонова Татьяна Александровна, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин АГАУ (Барнаул) artkatun@mail.ru

Ашилова Мадина Серикбековна, к.ф.н., доктор PhD, ассоц. профессор кафедры мировой коммуникации Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Казахстан, Алматы). kalima910@mail.ru

Баттөр С., преподаватель Монгольского национального университета (Монголия, Улан-Батор). navaanzoch@yandex.ru

Бегалинова Калимаш Капсамаровна, д.ф.н., профессор кафедры религиоведения и культурологи Казахского национального университета имени аль-Фараби (Казахстан, Алматы) kalima910@mail.ru

Бегалинов Алибек Серикбекович, к. ф. н, доктор PhD, ассоц. профессор кафедры медиакоммуникации и истории Казахстана Международного университета информационных технологий (Казахстан, Алматы). alibek557@inbox.ru.

Бондаренко Алевтина Сергеевна, магистрант АлтГУ (Барнаул). alya_ugl@mail.ru

Бондаренко Светлана Ивановна, к.и.н., доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин АГАУ (Барнаул). bonsvet@bk.ru

Бямбахишиг Д., преподаватель Монгольского национального университета (Монголия, Улан-Батор). navaanzoch@yandex.ru

Васильев Антон Александрович, д.и.н., директор Юридического института, заведующий кафедрой теории и истории государства и права АлтГУ (Барнаул) anton_vasiliev@mail.ru

Дубова Надежда Анатольевна, д.и.н., руководитель Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). dubova_n@mail.ru

Егоров Даниил Владимирович, студент АлтГУ (Барнаул).
daniil_egorov2000@mail.ru

Емельянов Филипп Владимирович, АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», доцент кафедры дизайна и декоративно-прикладного искусства Невского института дизайна, член союза художников РФ (Санкт-Петербург).
mus931@inbox.ru.

Ефремова Ольга Владимировна, АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», доцент кафедры дизайна и декоративно-прикладного искусства Невского института дизайна, член Союза дизайнеров РФ (Санкт-Петербург). efremovaolga2007@yandex.ru.

Иванов Андрей Владимирович, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул). ivanov a v 58@mail.ru.

Иващенко Татьяна Владимировна, магистрант АлтГУ (Барнаул). tatyana_ivashenk@list.ru

Илюшин Андрей Михайлович, д.и.н., профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Кемерово). ilushin1963@mail.ru

Искаков Ирлан Жангазыевич, к.ю.н., ректор АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», член Российской академии юридических наук, Русского географического общества (Санкт-Петербург). Iiel2002@mail.ru.

Каланчина Ирина Николаевна, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин АГАУ (Барнаул).
kalanchina62@mail.ru

Киреева Оксана Сергеевна, к.и.н., доцент кафедры политологии АлтГУ (Барнаул). orekun-05@mail.ru

Кирсанова Наталия Павловна, к.соц.н., декан факультета бизнес-коммуникаций АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург). mus931@inbox.ru.

Королева Дарья Евгеньевна, магистрант АлтГУ (Барнаул).
dk_o_r@mail.ru

Коршикова Дарья Артемовна, студентка АГАУ (Барнаул)
art-katun@mail.ru

Лакрышкина Ольга Викторовна, магистрант АлтГУ (Барнаул). olyalakryshkina@yandex.ru

Ланина Елена Евгеньевна, к.ф.н., проректор по учебно-методической работе АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург). elenalan@inbox.ru.

Левченко Валерий Валерьевич, к.и.н., доцент Одесского национального морского университета (Украина, Одесса). levchenkolav@yandex.ua

Леханов Александр Игоревич, студент АлтГУ (Барнаул). Exeder031@gmail.com

Логина Надежда Сергеевна, к.ф.н, доцент кафедры гуманитарных наук с курсом клинической психологии АГМУ (Барнаул). philosophia@mail.ru

Мадюкова Светлана Александровна, к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). sveiv7@mail.ru.

Мокров Александр Юрьевич, магистрант АлтГУ (Барнаул). mokrov78@bk.ru

Мунхбат Д., вице-профессор Монгольского национального университета (Монголия, Улан-Батор). navaanzoch@yandex.ru

Мухопад Виктория Владимировна, магистрант АлтГУ, (Барнаул). viktoriyamuhopad@mail.ru

Мушникова Елена Анатольевна, кандидат искусствоведения, Центр языков и культур народов Большого Алтая, АлтГТУ им. И.И. Ползунова (Барнаул). mushnikova77@mail.ru

Наваанзоч Х. Цэдэв, к. пед. н., профессор Монгольского национального университета (Монголия, Улан-Батор). navaanzoch@yandex.ru

Николаева Мария Витальевна, аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (Краснодар). masha_pershina93@mail.ru

Обухова Алина Олеговна, студентка АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург) alinobukhova@yandex.ru

Ожередов Юрий Иванович, к.и.н., научный сотрудник Института исследования Монгольского Алтая (Томск). nohoister@gmail.com

Онищенко Алексей Сергеевич, младший научный сотрудник ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей» (Донецк). aexa1022@gmail.com

Останин Вадим Владимирович, к.ф.н., доцент кафедры философии АГАУ (Барнаул). vadim_bh@mail.ru.

Персидская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). olga_alekseevna@mail.ru.

Пономаренко Ольга Павловна, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных наук АГАУ (Барнаул). o.ponomarenko2018@mail.ru

Попков Юрий Владимирович, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). yuripopkov54@mail.ru

Руденко Константин Александрович, д.и.н., профессор кафедры истории, философии и культурологии Казанского государственного института культуры (Казань). murziha@mail.ru

Савенцев Глеб Вячеславович, студент АлтГУ (Барнаул). gleb.savencev@mail.ru

Саратовская Екатерина Константиновна, магистрант АлтГУ (Барнаул). Katerina_fksm@mail.ru

Солодовников Константин Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (Тюмень). solodk@list.ru

Спирина Марина Юрьевна, к.и.н., проректор по научной работе АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», Заслуженный учитель России, член Русского географического общества (Санкт-Петербург). mus931@inbox.ru.

Стома Алина Андреевна, магистрант АлтГУ (Барнаул). alinochka.stoma@mail.ru.

Суслова Екатерина Александровна, студентка АлтГУ (Барнаул). kate98-12@mail.ru

Тарбастаева Инна Семеновна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). Inna-tarbastaeva@yandex.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой археологии, этнографии и музеологии АлтГУ (Барнаул). tishkin210@mail.ru

Тюгашев Евгений Александрович, д.ф.н., доцент НГУ (Новосибирск). filosof10@yandex.ru.

Ушаков Дмитрий Викторович, к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). ushakovdmiriii@mail.ru

Флаот Наталья Сергеевна, студентка АлтГУ (Барнаул). natali.flaot2013@mail.ru

Фотиева Ирина Валерьевна, д.ф.н., профессор кафедры теории и практики журналистики АлтГУ (Барнаул). fotieva@bk.ru

Фрибус Алексей Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), доцент кафедры археологии КемГУ (Кемерово). fribus@list.ru

Шашкова Ярослава Юрьевна, д.полит.н., профессор, зав. кафедрой политологии АлтГУ (Барнаул). yashashkova@mail.ru.

Широкова Марина Алексеевна, д.ф.н., профессор кафедры политологии АлтГУ (Барнаул). mshirokova1@rambler.ru.

Шишин Михаил Юрьевич, д.ф.н., профессор, академик Российской академии художеств; директор института комплексных исследований Большого Алтая АлтГТУ (Барнаул). icrba@yandex.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Попков Ю.В.

Этнокультурное разнообразие в динамике этносоциального развития: концептуальные вопросы исследования3

Иванов А.В.

Цивилизационная миссия Сибири: синхронический и диахронический аспекты7

Широкова М.А.

Этапы и парадигмы российского Просвещения16

Спирина М.Ю.

Гуманитарное измерение евразийской интеграции25

Искаков И.Ж.

Инновационные кадры Евразии: проблемы подготовки.....30

Тишкин А.А.

Результаты культурного взаимодействия кочевого и земледельческого населения (по материалам изучения погребального обрядараннесредневекового памятника Шохидон в Таджикистане)34

Дубова Н.А.

О символах власти в Маргиане эпохи бронзы39

СЕКЦИЯ 1.

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ

Бегалинова К.К., Ашилова М.С., Бегалинов А.С.

Евразийская сущность казахской философии44

Фотиева И.В.

Междисциплинарность наследия евразийцев49

Васильев А.А., Мухопад В.В.

Правовые основы реализации евразийских идей в России.....53

Артамонова Т.А., Коршикова Д.А.

К вопросу о евразийском характере58

Левченко В.В.

К истории формирования политических суждений российского геополитика И.И. Дусинского62

Каланчина И.Н.	
Отражение евразийского культурного кода в этическом дискурсе В. М. Шукшина на примере рассказа «Забуксовал».....	68
Флаот Н.С.	
Проблема соотношения концепций евразийства и русского мира во внешней политике России на современном этапе.....	74
Леханов А.И.	
Влияние евразийской идеи на научно-философское самосознание России.....	78
Широкова М.А., Леханов А.И.	
Культурный фактор формирования российского национального самосознания.....	81

СЕКЦИЯ 2.

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИИ

Солодовников К.Н.	
Место населения неолита Алтая в популяционно-антропологической структуре Евразии.....	84
Фрибус А.В.	
Сателлитные поселения Гонурского оазиса в контексте степных древностей дельты Мургаба	89
Илюшин А.М.	
Влияние миграций в Центральной и Северной Евразии в период развитого средневековья на процесс формирования современных этносов этого региона	93
Руденко К.А.	
Влияние поздних сармат на материальную культуру населения Среднего Поволжья в VI – VII вв. н.э.....	97
Ожердов Ю.И.	
Тюркское изваяние у с. Кулада в Горном Алтае (по изобразительному источнику).....	102
Бондаренко С.И.	
Особенности культурного хозяйствования кумандинцев во второй половине XIX в. по материалам ученого и путешественника Алтая Шерра Н.Б.....	109
Егоров Д.В.	
Миграционные процессы на пространстве ЕАЭС	113

СЕКЦИЯ 3.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КАК ФАКТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Тюгашев Е.А.

Коалиция культур как закон прогресса (в горизонте
идейного наследия К. Леви-Стросса).....119

Персидская О.А.

Социокультурный межэтнический конфликт:
специфика феномена, особенности проявления122

Тарбастаева И.С.

К вопросу о теоретической модели моноэтнизации регионов.....126

Мадюкова С.А.

Этнокультурное измерение глобализационных процессов
на локальном уровне: синхронный аспект131

Ушаков Д.В.

Многонациональные школы в крупном городе:
от проблем – к решениям.....135

Кирсанова Н.П.

О некоторых вопросах организации евразийского туризма.....139

Ланина Е.Е.

О просветительской роли рекламистики144

Цэдэв Наваанзоч Х., Мунхбат Д., Баттөр С., Бямбахишиг Д.

Глобализация и образование в Монголии.....147

СЕКЦИЯ 4.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Шашкова Я.Ю.

Роль патриотического воспитания школьников в
легитимации региональных политических режимов
(на примере Кемеровской области).....154

Киреева О.С.

Проблема обеспечения информационной безопасности
на евразийском пространстве (на примере ОДКБ).....158

Радонова А.В.

Использование советской системы пенсионного обеспечения в
условиях экономического кризиса конца XX века162

Сулова Е.А.	
Автономный статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи.....	166
Савенцев Г.В.	
Гонка вооружений США и Китая в контексте геополитической борьбы в Евразии.....	171
Иващенко Т.В.	
Антикоррупционная политика Китая в период полномочий председателя Си Цзиньпина: основные направления и динамика.....	175
Бондаренко А.С.	
Проблема доступа граждан к социально значимой информации в современной России.....	181
Королева Д.Е.	
Дискуссия о факторах повышения электоральной активности молодёжи в современной российской политической науке.....	186
Лакрышкина О. В.	
Межрегиональные коммуникации субъектов РФ в условиях цифрового пространства.....	192
Мокров А. Ю.	
Использование темы Великой Отечественной Войны в символической политике современной России.....	196
Саратовская Е.К.	
Общероссийский Народный Фронт как новый субъект политического процесса.....	198
Стома А.А.	
Популизм как элемент современного политического лидерства.....	203

СЕКЦИЯ 5.

ОСОБЕННОСТИ ИСКУССТВА ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ

Онищенко А.С.

Некоторые локальные особенности камнерезного искусства средневековых кочевников Северного Приазовья XII – нач. XIII вв	206
--	-----

Останин В.В.

Прабхупада и поэзия Шекспира	209
------------------------------------	-----

Логинова Н.С, Пономаренко О.П.

Поэтический образ Родины в творчестве алтайских поэтов-шестидесятников	215
---	-----

Азиева Е.В.	
Этническое направление в дизайне костюма.	
Традиции и инновации	220
Ефремова О.В., Обухова А.О.	
Концепция визуального образа в практике проектирования малоэтажных комплексов	225
Емельянов Ф.В.	
Проблематика организации среды малых городов	233
Николаева М.В.	
Современное городское пространство: опыт и тенденции исследования южно-российских городов.....	237
Мушникова Е.А.	
Очирын Мягмар – монгольский живописец и художник кино.....	242
НАШИ АВТОРЫ	249

Научное издание

**ЕВРАЗИЙСТВО:
теоретический потенциал и практические приложения**

*Материалы
Десятой Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
Барнаул, 18-19 июня 2020 г.*

Отпечатано в авторской редакции
Дизайн обложки: Ю.В. Плетнева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 21.12.2020.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 15,05. Тираж 100. Заказ 371.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66